

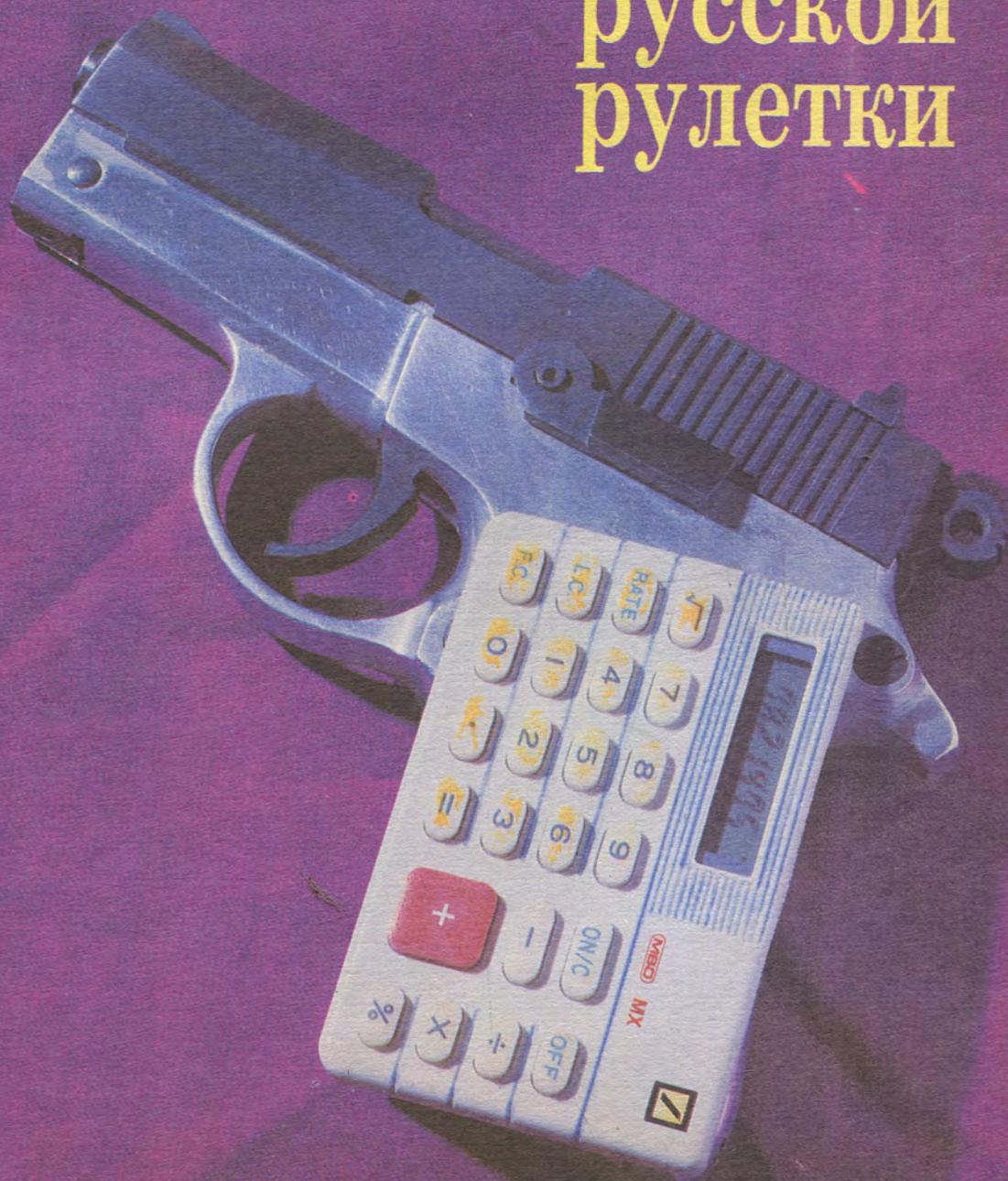
НОВОЕ ВРЕМЯ

Плох тот коммунист,
который
не способен
стать
капиталистом

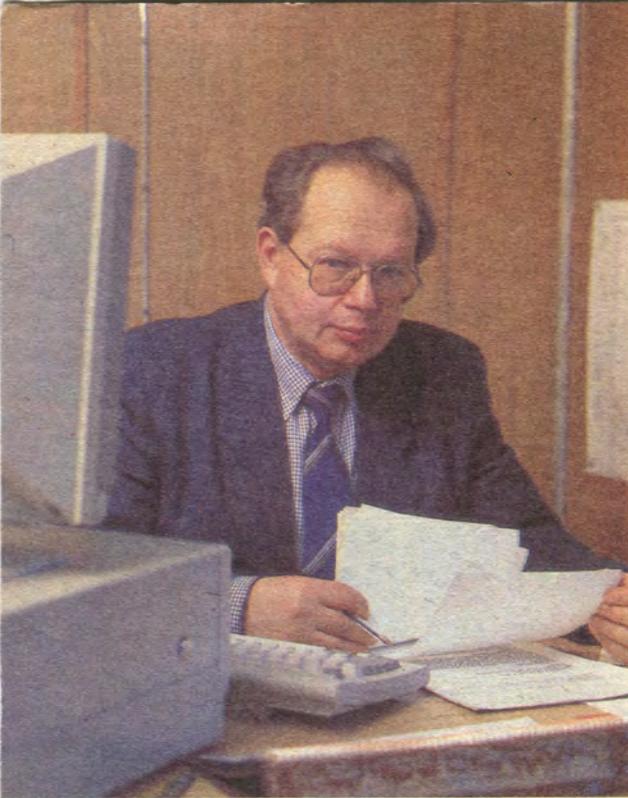
20

май 1993

Новые правила русской рулетки

Индекс 70621
ISSN 0137 - 0723

Международная академия маркетинга и менеджмента (МАМАРМЕН)

*Действительный член «Инкорвуза»
и Торгово-промышленной палаты Российской Федерации*
Объявляет очередной прием студентов (дневное, вечернее,
заочное отделения) на I курс 1993/94 учебного года

МАМАРМЕН —

Академия дает высшее образование и присваивает степени бакалавра и магистра наук по специальностям:

- государственное и муниципальное управление;
- управление (менеджмент);
- коммерческая и предпринимательская деятельность (маркетинг);
- международные экономические отношения;
- правоведение;
- финансы и кредит;
- книговедение и организация книжной торговли.

Начало занятий:

дневное отделение — с 1 октября,
вечернее и заочное — по мере комплектования групп
(круглогодично).

МАМАРМЕН предоставляет студентам общежитие.
Стипендия не выплачивается.

Адрес академии: 125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37-б.
Проезд: ст. метро «Водный стадион», авт. 65, 72 до остановки
«Улица Лавочкина» (4-я остановка).

Почтовый адрес для корреспонденции:
125499, Москва, МАМАРМЕН, а/я 33.

Часы работы: ежедневно, кроме субботы и воскресенья, с 10 до 18 ч.

Телефоны приемной комиссии:

454-31-61, 454-30-19 — дневное и вечернее отделения

155-71-09 — заочное отделение

МАМАРМЕН имеет аспирантуру и докторантуру.

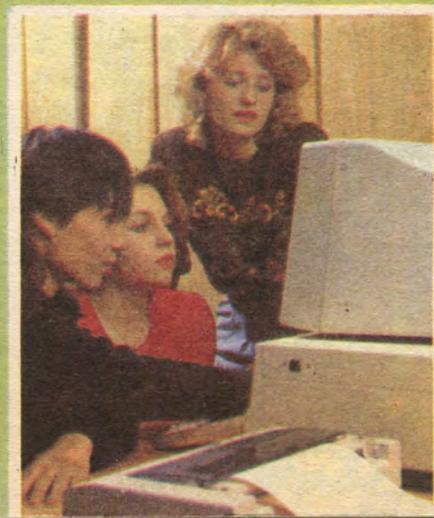
одно из первых в стране частных высших учебных заведений, прошедших государственную аттестацию.

Срок обучения в академии на базе среднего образования — 4 года, на базе высшего — 1 год. Лица, не владеющие русским языком, изучают его дополнительно 1 год.

Выпускникам академии присваивается квалификация «коммерсант» и «менеджер» и вручается конвертируемый диплом о высшем образовании.

Студенты очного отделения МАМАРМЕН имеют право на отсрочку от армии на период обучения.

Система обучения построена преимущественно на индивидуальной подготовке студентов.

Читайте в этом номере:

В РОССИИ И РЯДОМ

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ <i>В. Ганюшкин</i> ТРУППЕНФЮРЕРЫ	4
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ <i>О. Кучкина</i> ВО ПОЛЕ ИНФОРМАЦИОННОМ БЕРЕЗОНЬКА СТОЯЛА	7
КОРИДОРЫ ВЛАСТИ <i>М. Шакина</i> ВИЦЕ-СОКОЛ ВОШЕЛ В ПИКЕ	12
КОНСТИТУЦИЯ <i>К. Любарский</i> «ПРЫЖКИ В ЦАРСТВО СВОБОДЫ»	16

МИР

БАЛКАНЫ <i>Г. Сысоев</i> САМОУБИЙСТВО ИЛИ АМПУТАЦИЯ?..	20
ФРГ <i>Д. Погоржельский</i> КТО-ТО ПРЕДАЛ ПРЕМЬЕРА	22
ИНДИЯ <i>Я. Боровой</i> ОБЕТ БЕЗБРАЧИЯ ДЛЯ КОМИССАРА	24
ГЕРМАНИЯ	
<i>И. Кузьмин</i> СЕКРЕТНЫЕ СЛУЖБЫ МНОГОЕ ЗНАЛИ. НО РЕШЕНИЯ ПРИНИМАЛИ ПОЛИТИКИ	27
СКАНДАЛ <i>В. Цветов</i> ЗМЕЯ В БАМБУКОВОЙ ТРУБКЕ	32
КИТАЙ <i>Л. Млечин</i> ПАРТИЙНОЕ ПОРУЧЕНИЕ	36

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ <i>У. Лакер</i> С КЕМ ВЫ, МАСТЕРА СТАТИСТИКИ?	40
МЫСЛИ ВСЛУХ <i>Б. Сарнов</i> БЬЮТ И ПЛАКАТЬ НЕ ДАЮТ	44
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ <i>Г. Осипов</i> УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ ПРЕДВОДИТЕЛЬ	49
СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ <i>В. Басков</i> СТАКАН С ВИНТОМ	52
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>Ю. Хабермас</i> ВТОРАЯ ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ	56
КУЛЬТУРА <i>И. Руденко</i> СЛИВКИ НА ТОРТЕ	62
ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА <i>Т. Иванова</i> ПРИВЕТ, ТЕЗКИ!	64
ПОЧТА (2), ЛИЦА (60)	

Обложка Василия Чекашова

Номер сдан в печать 11 мая 1993 года

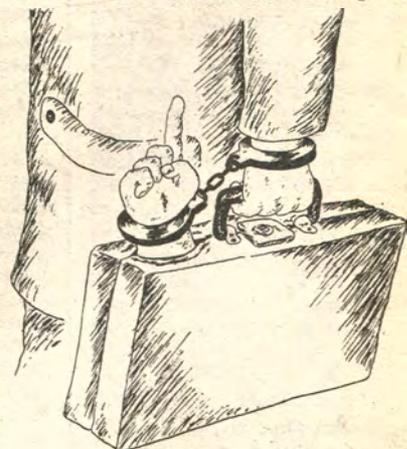
Труппенфюреры – новые лидеры российских ура-патриотов

Стр.4

Политическая карьера Рущкого после референдума пойдет под уклон. Но знает ли об этом сам вице-президент?

Стр.12

Независимые стоят дорожке. Независимым японским коммунистам деньги из Москвы возили целыми пароходами

Стр.32

Главный редактор

Александр
ПУМПИАНСКИЙ

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора.

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Кронид ЛЮБАРСКИЙ,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора.

Павел САМАРЧЯН,
ответственный секретарь.

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Мехико, Праге,
Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме

**Учредитель –
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67**

Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92
Телетайп 113937 Честь.

Отпечатано в ИПК
«Московская правда»,
Москва, ул. 1905 года, д.7.

Регистрационное
свидетельство №970.
Тираж 60000.
Заказ №1536.

ПОЧТА

■ Что можно отметить по итогам референдума в небольшом научном городе Протвино близ Серпухова?

Итоги голосований по всем вопросам у нас весьма сходны со столичными. Чуть-чуть поменьше процент голо-сов (но тоже весьма высокий на общероссийском фоне) в поддержку президента (73 процента) и его курса ре-форм (66 процентов от числа голосовавших) и чуть-чуть больше – за досрочные перевыборы народных депу-татов (52,6 процента от име-ющих право голосовать). Как и в Москве, у нас оказалось выполненным конституцион-ное условие «от списка», чего нет, например, в Серпу-хове, в близлежащем акаде-мическом городе Пущино да по России в целом.

Как это понимать? По-

скольку «любимый» съезд у нас один, а местные депутаты разные, напрашивается вы-вод, что своим собственным депутатам мы верим еще меньше... Но тем не менее по-всеместной, за редким ис-ключением, является карти-на, когда за досрочные пере-выборы депутатов прогососо-вало намного больше избира-телей, чем за перевыборы президента. А для людей с короткой памятью не лишним будет напомнить, что избира-лись-то все депутаты боль-шинством не от списка, а от голосовавших, и попытки изоб-разить из итогов референдума «ничью», а то и «победу сове-тов» по крайней мере неис-кренни. Так что извольте в от-ставку, господа нардепы! Наиболее совестливые, впро-чем, уже так и сделали.

А живется в нашем городе

отнодь не сладко. Проблемы, общие для всех наукоградов: недостаточное финансиро-вание фундаментальной науки (средняя зарплата ниже, чем в промышленности) и нераз-бериха на местном уровне, связанная с провалами в тор-говле и приватизации, с без-радостным уровнем город-ского руководства. Тем не ме-нее – «да-да-нет-да». По-чему?

Видимо, как ни тяжело при-ходится сейчас людям, но го-рячо пропагандируемый ого-лтелыми энтузиастами преж-них «рай» их не привлекает, равно как и персонажи вроде Зюганова, Бабурина, Астафье-ва и иже с ними. Люди – за достойную жизнь без идеоло-гического принуждения и со-гласны потерпеть еще.

Геннадий Дерновий
г. Протвино

Средство от ностальгии

■ По утрам я иногда встречаю Зюганова.

Я иду на работу мимо его дома, который по-строило управление делами ЦК КПСС для бес-квартирных функционеров, и время от вре-мени навстречу мне появляется Зюганов.

У меня вообще, можно сказать, партийный маршрут.

Сначала Зюганов, потом здание нашего быв-шего райкома.

Бывший райком находится на бывшей улице Готвальда. Теперь это улица ученого Чайнова. Правда, табличка, объясняющая, почему улица носит имя чехословацкого партийного и госу-дарственного деятеля Климента Готвальда, еще висит.

В нашей новой жизни райком, который на са-мом деле уже не райком, очень многое для меня значит. Я даже ни разу не подошел, чтобы увидеть, какая там теперь висит вывеска. Мне важно, чтобы для меня райком остался райко-мом.

Райком для меня был даже важнее Зюгано-ва.

Зюганова я в лучшем случае вижу раз в день, а мимо райкома прохожу дважды – по пути на работу и обратно. И как минимум два раза в день хорошее настроение мне обеспечено.

Виктор Некрасов, выброшенный из страны, спасался от ностальгии чтением «Правды».

От ностальгии по низким ценам, от разгово-ров о том, что прошлая жизнь была не такой уж плохой, от недовольства жены нашим скудным семейным бюджетом меня надежно спасает наш бывший райком. Я знаю, что стерплю лю-бые цены, лишь бы никогда вновь мне не позво-нили из райкома партии.

В моих глазах Зюганов как источник бодро-сти и оптимизма сильно уступал райкому.

Конечно, как-то спокойнее видеть бывшего члена политбюро (хотя и несостоявшейся

партии), месаящим грязь вместе с остальными москвичами. Но да ведь членов политбюро бросали на низовку и при советской власти.

Так что еще этой зимой я почти не замечал хмурого битюга в куртке и с папкой под мыш-кой – бывшего члена политбюро ЦК КП РСФСР. Я и не заметил, как из бывшего он превратился в действующего.

Не Иван Полозков, не Валентин Купцов, ко-торые больше прав имели новую компартию возглавить, а Геннадий Зюганов верх взял.

Первого мая я увидел нового Зюганова. Мы столкнулись с ним нос к носу в конце дня на Тверской-Ямской, которая во времена Зюга-нова была просто улицей Горького.

Я еще не знал о крови, пролившейся на Ок-тябрьской площади, где когда-то учился в шко-ле.

На мгновение наши глаза встретились.

Зюганов был не один, а с сопровождавшими его лицами, или, точнее сказать, телами, по-тому что тела у всех троих были значительное лиц.

Зюганов решительно шел впереди, а сопро-вождавшие распределились по флангам и от-ставали на полшага. Боевым строем «свинья» в миниатюре. Полтротуара заняли.

После крови, пролитой коммунистами пер-вого мая, Зюганов стал для меня почти так же важен, как и райком.

Теперь Зюганов будет для меня главным ар-гументом в пользу демократии.

У меня богатая фантазия. Я легко могу себе представить жизнь в России после прихода Зю-ганова и его крупнотелых мужиков к власти.

Теперь я готов терпеть гиперинфляцию и па-дение производства на танковых заводах. Если надо еще раз проголосовать за Ельцина, я про-голосую.

Виталий Шувалов

Лучше быть агентом КГБ и талантливым писателем, чем профессиональным склочником

Райком как источник бодрости и оптимизма

Секс и съезды народных депутатов

■ Не было еще ни одного съезда, на котором не звучала бы животрепещущая, близкая и понятная российским депутатам тема секса.

Помните, как пришлось Хасбулатову объяснять депутатам, что он вкладывал совершенно иной смысл в свою реплику в адрес неутомимой С.Горячевой?

На другом съезде тему секса весьма «удачно» развил генерал Тарасов. С фельдфебельской прямоотой он представил себя на гинекологическом кресле, а правительством — в роли врача, ковыряющего у него где-то не там, где положено. Хорошо еще, что наши депутаты возмутились этой солдафонской речью замполита. Но шедевром развития столь актуальной темы стало выступление славного Героя соцтруда на VII съезде. Зал хохотал после речи Травкина. Плакали только наши денежки, затраченные на это политико-эротическое шоу. Того и гляди, скоро создастся еще одна фракция — сексуального большинства — в помощь коммунистам, «Отчизне» и «Единству».

А если не о сексе ведут речь депутаты, то выступления их напоминают доклады на «исторических» съездах КПСС. Тот же набор слов, та же демагогия. Те же происки шпионов и наклеивание ярлыков. А уж чего стоит речь Хасбулатова, разъяренного результатами референдума! «Полторанинско-геббельсовская пропаганда», оказывается, во всем виновата.

Вспомнилось и совсем недавнее время, когда коммунисты развернули кампанию клеветы против академика Сахарова: полистайте подшивку «Правды» и сравните ее номера с сегодняшними «нашими» газетами. Всю эту «музыку», как и прежде, заказывает та же самая организация. И вот все эти «бойцы и фронтовики», замполиты и секретари всех уровней должны принять новую конституцию! Да они костюми лягут у трибун и микрофонов, лишь бы не допустить в России движение вперед, к демократии, к частной собственности.

Альберт Галеев
Санкт-Петербург

■ Лучше быть агентом КГБ и талантливым писателем, чем склочником и профессиональным разоблачителем.

Не знаю, почему задела меня за живое тяжба между А.Синявским и В.Максимовым. Я принадлежу совсем к другому поколению, но мне судить о людях, вдвое меня старше, и об эпохе, когда они жили.

Меня интересует только одно: Синявский — талантливый писатель. Я знаю много разоблачителей агентов КГБ, сделавших это занятие своей основной профессией, но среди них почему-то очень мало талантливых людей.

Грустно, что во всей этой эмигрантской склоке принимает участие Владимир Букковский, к которому я отношусь с искренним восхищением. Честное слово, ужели не осталось других тем, которые могли бы пообсуждать интеллигентные люди?

Даниель Дефо был основоположником британской разведки, но если бы даже он был французским шпионом, в истории английской литературы он все равно остался бы замечательным писателем.

За всеми этими «играми в контрразведку» стоит, в сущности, одно — совковая тяга к единомыслию. И может, не стоило бы придавать значение разоблачениям Максимова и К^о, если бы не одно обстоятельство — тот зловещий обществено-политический фон внутри Отечества, на котором разворачивается этот скандал. Я

Рисунок Василия Александрова

имею в виду те «конспирологические» опыты «наших» патриотов, которые регулярно публикуются в газетах «День» и «Советская Россия». И разве не та же самая подоплека у законопроекта о люстрациях, предложенного некоторыми радикальными демократами? Я представляю, что бы началось, если бы в каждой редакции или творческом союзе главным стал бы вопрос о связях с КГБ!

Я не понимаю, почему Фронт национального спасения все называют «националистической» организацией — разве это национализм, поделить общество на «наших» и «ваших»? Разве национальное единение в том, чтобы полстраны повести по Тверской, как пленных фашистов в 1944-м? По-моему, с этими ребятами все ясно: они работают на «таджикский вариант» в России.

Андрей Новиков
Рыбинск

■ И года не прошло со дня опубликования статьи «Опальная звезда» («НВ» № 28/92), как пианистке Гите Атласман присвоили звание заслуженной артистки России.

В статье рассказывалось о блестящем начале ее пианистической деятельности и о внезапном крахе карьеры в годы борьбы с «безродными космополитами». По анонимному доносу ее тогда лишили диплома об окончании аспи-

рантуры, перед ней навсегда закрылись концертные залы Москвы. В памяти слушателей она осталась лишь своей фамилией на мраморной доске в холле Малого зала среди музыкантов, окончивших консерваторию с золотой медалью: Рахманинова, Скрябина, Игумнова, Рихтера, Дорлиак...

Всю свою жизнь Гита Владимировна Атласман концертировала в скромном качестве артистки Москонцерта. Она объездила всю страну. Только главные концертные площадки Москвы оставались для нее недоступными. Однако статью «Опальная звезда» прочитал министр культуры России Евгений Сидоров — с его помощью было ускорено присвоение запоздалого звания. Что же касается Малого и Большого залов Московской консерватории, то тут авторитета министра оказалось недостаточно: концерт Гиты Атласман так и не назначен.

Пленка с записью «Картинок с выставки» в исполнении Гиты Атласман попала в Германию вместе с номером «Нового времени». Любители музыки были покорены божественным звучанием, нешаблонным прочтением Мусоргского и потрясены трагической судьбой пианистки. Летом этого года ее пригласили на гастроль в ФРГ.

В.Басков
Подборку подготовила
Т.Чернова

Трушпенфюреры

Майские боевые походы — мечь оппозиции за референдум. Красная горячка как решающий фактор политической жизни президентской терапии не поддается

День труда «Трудовая Москва» отпраздновала кровопролитием

Виталий Ганюшкин

По этой злощасной надписи на асфальте протоптались десятки тысяч ног. На ее фоне фотограф зафиксировал титулы изданий, в которых эта надпись должна была быть планово и с присущим пролетарским гневом воспроизведена. Так же планово, как сделана была и сама надпись: «На этом месте первого мая был убит участник мирной демонстрации». Той самой, миролюбие которой было удостоверено

Непримиримая оппозиция

на глазах у безмерно изумленной публики заранее заготовленными фомками, заточками и доисторическими пиками в виде нетленных красных знамен. Труп (трупы) планировались замороженными национал-социалистами заранее, в духе плановой социалистической экономики.

А через несколько дней, уже после того как скончалась единственная жертва провокаторов от коммунизма — старший сержант милиции Владимир Толочнев, доисторический фюрер нападающей стороны с чувством глубокого удовлетворения заявил, что четыре трупа со стороны демонстрантов организаторам шествия все-таки заполучить удалось, да вот только ОМОН подсушил и вовремя куда-то их упрятал. Да так упрятал, что никто — ни родственники или знакомые, ни сотрудники по работе, ни тебе какой-нибудь ЖЭК — этих трупов так и не хватилась. Этакие бесхозные, безымянные жертвы для будущей братской могилы неизвестного демонстранта.

Они ополоумели. Их надо сначала не в «Матросскую тишину», а в Кашенко или к Сербскому. Они ополоумели, еще когда только замыслили свой красный крестовый поход против всего человечества. Они с первых своих шабашей вынесли человеческую жизнь за скобки (и как один умрем!), они устами своих фюреров заклинали: пусть в огне вселенского пожара сгорят хоть 90 процентов (они всегда измеряли человеческий материал — массы! — в процентах или головах) населения,

но зато победит мировая революция.

Знамя — оружие пролетариата

Повсюду, где прошла когтистая лапа этого чудовища XX века, остались горы трупов без различия пола, возраста, профессии, политических воззрений или вероисповедания: просто сырье для строительства коммунистического рая, в котором, судя по всему, наслаждаться райской жизнью было бы некому. Человеческий мир содрогнулся, когда ему стала известна подлинная статистика жертв семидесятилетнего самодержавия КПСС на Одной Шестой Планеты. Мир содрогался всякий раз, когда открывались маоцзэдуновские, полотовские или другие экзотические застенки, а номенклатурные танки довершали «образ врага» — где-нибудь в сателлитарной Европе.

Всюду и всегда горячая психика рыцарей «осажденной крепости» искала и находила вешдоки существования этого врага — желательного вражеских, но в определенных условиях и в своих рядах: ведь враг, как ему и положено, не дремлет, а движению позарез нужны герои, желательные посмертно. Не символично ли, что в тот майский судный день кого-то из защитников правопорядка пропороло святое ленинское знамя со специально заточенным древком в надежных руках «мирных демонстрантов».

Сегодня они ото всех микрофонов кинулись обрывать прямую походку: не позволим, мол, загнать нас в рабство. Без всяких сносок на то, что сама их коммунистическая идея — самое совершенное воплощение стадного инстинкта. В обществе, в какое они звали и зовут, нет места человеку, там — поголовье. Поголовье во главе с вожаком-вождем.

В День Победы над фашизмом на демонстрацию вышли и такие «ветераны», для которых, судя по их лозунгам, война еще не кончилась, и они не прочь «вернуть штыки» на внутренний фронт

Вот-вот! Стадо баранов не может возглавить олень. Его главарь по определению обречен быть бараном. Самым сильным, самым умным, самым презентабельным, самым привлекательным. Но — бараном. Иначе (если он не будет бараном) остальные бараны — отара — за ним не пойдут: не наш. У него нет запаха барана, а отара идет на запах.

Козлы в отпущении

И вот под завязку очередного внеочередного чередного действия наших достославных нардепов один из них предъявляет вполне законные претензии к органам правопорядка: куда прикажете вести людей, если все кругом перекрыто?

Он, этот доисторический экземпляр, вполне добропорядочно и даже законопослушно «вел людей», а ему не дали довести. Почему же эти наши нарицательные (народные избранные) не поинтересовались: по чьему мандату, по какому праву он куда-то вел каких-то людей, которые под его водительством натворили столько бед?

Да потому что у него и ему подобных свой уникальный в человеческой цивилизации мандат. Мандат трупенфюрера. Он честно и в полном соответствии со своими коммюбжениями вел людей на заклание. Как очередную партию рогатого скота из подмосковного животноводческого хозяйства. А когда эту очередную партию доставляют на мясокомбинат им. Анастасия Ивановича Микояна, то ее погребальное шествие обязательно возглавляет (пост такой!) душный козел. Перед самыми воротами «оставь надежды всяк сюда входящий» этот вожак куда временно приостанавливает свои полномочия и идет поедать свою отработанную капусту. Был, говорят, случай (не могу утверждать, что у Анастасия Ивановича), когда sereneцкий козлик по недосмотру мясников угодил за ворота, так он такой блёв поднял, что возымела место остановка всего производства.

Наши нынешние душные козлы-провокаторы подобными муками совести себя не терзают. Цель у них проста как штаны пожарника: прорваться на святая святых — Красную площадь и чтоб все, как у людей: апофеоз Анпилов — на трибуне мавзолея, под ним — ведомые трудящие массы, а он им провозглашает новую эпоху, эпоху марксизма-ленинизма-анпиловизма.

Какой там этот несчастный американский Кореш со своей перепорченной, а теперь уже сожженной паствой! Бери выше и глыбже. Наши кореша-кореша во имя своей смертоносной идеи фикс готовы поджечь и сжечь саму Расею-матушку вместе с прилегающим СНГ («до основанья, а затем!»), лишь бы вска-

рабаться на мавзолей и возглавить оставшиеся 10 процентов россиян.

Они ведь уже в открытую говорят и, похоже, практически готовят вождя трупеносную гражданскую войну. Слышали ведь все, как один кавалер воинской выслуги лет пообещал на следующую манифестацию мастодонтов выйти с табельным оружием (для невоеннообязанных поясню: из которого можно убивать, то есть производить трупы), которое ему по недосмотру как бы демократических властей сохранили.

Вообще-то сам по себе коммунизм я лично исповедую по Рабиновичу. Так вышло, что ему в свое время выпало решать в авторитетном кругу, как поделить на всех последнюю оставшуюся у племени картофелину. Там прикидывали: разрезать вдоль и поперек, развернуть социалистическое соревнование за право съесть этот экзотический плод и тому подобное. Рабинович же не поддался всяким инсинуациям и выступил с кардинальным предложением: давайте сделаем пюре... Рабинович-то, конечно, сострил: чего же, мол, тут делить-то, надо бы для начала эту картошку вырастить. Однако в инстанциях идею восприняли всерьез, и все эти исторические 75 лет мы с вами это коммунальное пюре кушали. И, как видите, с голоду не подохли, хотя, между нами говоря, частично и подохли. Потому и не попали в коммунистический рай — там трупы собственного изготовления не принимают, там обязательны живые трупы, из которых как-никак еще можно произвести трупы мертвые.

Президент круто зашел

Президент наш, конечно, выступил в последний раз круто. Круто завернул. Руцкого кое от чего отстранил (хотя об этих своих акциях судьбоносных объявлял и до того), ну там, конституцию опять же народу посулил. Что еще? Скокова чуть не устранил. Какую-то комиссию вывел за скобки президентского правления (она как раз в эти дни уже отзаседала!). Круто зашел президент. Пакет решительных мер наконец-то обнародовал. Единодушно одобряю и поддерживаю.

А что же все-таки с трупенфюрерами? А что же все-таки с фюреризацией всей страны, которая идет полным ходом и, похоже, ни президенту, ни даже самому спикеру уже не подвластна? Что же все-таки с конкретными фюрерками и фюрерришками, которые давно уже безнаказанно и все более массово «ведут людей» под, слава богу, пока еще дубинки, а не пули? И что делать с этой частью людей, которые позволяют безнаказанно вести себя в светлое будущее под револьверный лай?

Президент зашел круто. Только опять без решительных обещанных шагов. Ведь его же демократы, они крови не жаждали и не жаждут, они даже ни разу не спровоцировали никакой заварухи на своих многодесятилетних сборах. Они органически не хотят ни с кем воевать. Пацифисты по принадлежности. Они, в подавляющем большинстве своем, и в морду-то дать по-человечески никому не способны. Так как же их, безоружных и таких не в меру умных, что и в рожу дать не способны, отдавать на усмотрение анпиловых-зюгановых-тереховых-бабуриных-алкснисов-умалатовых-аксучицев-челноковых — и разных там саенок. На усмотрение, наконец, недосажженных гэкачепистов, для которых не нашлось сил изменить даже меру пресечения, хотя их выпустили из потусторонней тишины под залог о том, что они не будут заниматься политической деятельностью.

В этом конкретном, хотя и рискованном, направлении шагов ждали и ждут от всенародного избранныка его избиратели под вексель референдума. Но, увы, наши трупенфюреры остались неприкасаемыми, а уж что там говорить об их, чуть ли не наравне с президентом, высоко поставленных спонсоров.

С праздником, может, и Победы!

Ну что же, уважаемый господин президент: сказавши «да», по «нет» не плачут. Но, помяните слово, вашей излишней интеллигентностью, а также изысканной деликатностью всенепременно воспользуется австралопитековое крыло сегодняшней политической карты России. Как сполна воспользовалось оно вашим междометием после достославного Стояния На Танке. Ведь после того много разных судьбоносных для нашей с вами любимой России событий произошло: та коммунизированная до мозга костей часть народа, что сказала вам на референдуме свое решительное «нет», с энтузиазмом приветствовала выход на волю узников «Матросской тишины» (так и хочется воспеть: ...и свобода вас примет радостно у входа, и братья меч вам отдадут!), возродилась и окрепла и по-прежнему правит руководящая и направляющая, во всю гуляют постоянно действующие внеочередные сборы коммунистических избранников, а святое ленинское знамя в открытую нацелено в сердце РФ. А вы, извините, со своим Руцким, со своими и его полномочиями...

А в общем-то я (надеюсь — мы) за вас. Другого на текущий момент Господь Бог не послал.

С праздниками вас и всех нас. С праздниками, не исключено, что и Победы!

*Фото Александра Сорина
и Николая Галкина*

Во поле информационном березонька стояла

О роли интеллигенции в новейших историях

9 мая рядом оказались люди, которые в ту войну явно были бы по разные стороны фронта

Фото Александра Сорина

Ольга Кучкина

Ж

ивешь, в сущности, сам по себе, одиноко и замкнуто.

Отчего же напряженность, внутренняя насыщенность событиями, внутренняя разногласия, диалог, монолог и та полнота проживания, какой, может быть, не хватало в иные времена? Душа человека растет в предельных состояниях. Переплелись, жгутом скрутились жизни внутренняя и внешняя.

Историческая река подошла к стрежню и несет (написалось почему-то «стержень»). Ты со всеми. Одиночества нет. Фиксируешь подробности, считаешь силы, слушаешь голоса, видишь современников и сопострастников, крутишь головой, желая глотка свежего воздуха, ища духовной, метафизической опоры, поскольку физическая от тебя мало зависит.

Понеслось!

Ты дома. Но давно уже понеслось. Вместе с домом.

Хорошим тоном считается отвернуться от телевизора, не читать газет. Не ангажируйте меня, подите прочь, я хочу провести оставшееся мне время (70, 50, 30, 15, 5 лет) свободно и независимо ни от кого!

Ничего ничему не противопоставляю. Святая (или грешная) воля каждого, зависящая от возможностей.

Можно лежать на травке или заниматься проблемой латинских глаголов. Ни шагу в сторону. Чудные люди, кто может так жить. Я обожаю траву и латинские глаголы. Цветаева к случаю: читатели газет — глотатели пустот. Но про какие это времена? А как насчет Югославии? Или Абхазии? Или майских праздников в Москве?

Я хожу по улицам. Я читаю газеты. Я смотрю телевизор. Я ощущаю себя включенной, как в компьютерную сеть, в живую энергетическую сеть мира и человечества. Такое дано сегодня. Но это не теорема. И мне ничего не требуется доказать. Мне требуется осмыслить. То, что уже произошло, что происходит и будет происходить. Когда истории нечего было делать, когда она валялась в лавке как сонная девка, мы бежали в театр или шли в консерваторию, читали умные книжки, любили или пили — все было жизнью. Или заменой ее.

Еще говорят: маятник. Пролетел в одну сторону, протачив всех с собой туда, теперь откачнулся в другую, таща обратно. Туда — Горбачев-Ельцин, обратно — Хасбулатов — Руцкой. Как бы к ним ни относились остальные, у меня свой критерий оценки. По нему первые две фигуры имеют положительный исторический знак, ибо связаны с разрушением тоталитарного режима и менталитета, вторые две, при всем их лицемерном или искреннем тщании, — отрицательный, будучи связаны с реабилитацией того же менталитета и режима. Однако люди, пока живы, меняются. Заречья от чего бы то ни было невозможно.

Может быть, не река и не маятник, а энергетические процессы в заряженном поле между разнозарядными субъектами.

Заряженное конституционное поле. Вот Зорькин, дергаясь, ударенный током, или висит на маятнике вниз головой, или крутится на стрежне, придумал для себя и распространяет среди нас свой опыт. За что ухватиться всей страной, за какой стержень? Но то ли стержень, латунный-латаный, не вызывает доверия, то ли места ухватиться не хватает на всех, мало кто из страны смотрит на эту сторону.

На заряженном митинговом поле все те же люди — Сергей Бабурин, Николай Павлов, Илья Константинов, Михаил Астафьев, строители нового-старого порядка

му, кое-кто еще, вслед за Топоровым, пишет, что он слышит. «Мы все готовились к перевыборам. А нам в этом отказано. Вот по-настоящему неоценимый результат референдума».

Знаете, кто автор? Хасбулатов.

Оказывается, народ им, депутатам, в перевыборах отказал. «Народ повелел Съезду быть и стоять», — тоже он. Статья «Референдум: ложные интерпретации» в его «Российской газете». Интерпретации истинные, по Хасбулатову: там, где про доверие

президенту и его политике, там — народ-дурак, оболваненный полторанинско-геббельсовской и коллективно-распутинской пропагандой; где якобы про доверие депутатам, поскольку для перевыборов народных голосов не хватило и, стало быть, еще можно покуражиться на съездовской трибуне, там — народ-мудрец. При этом: всех не пришедших на референдум Хасбулатов с полной невозмутимостью объявляет проголосовавшими против Ельцина; зато их же, не пришедших, проголосовавшими за депутатов.

Известно высказывание об одном политическом лидере: прост как правда. В этом случае хотелось бы сказать: прост как ложь.

Когда подобной эквилибристикой занимается вышеназванный политик, это мало кого удивляет. Кто заставил удивиться — аналитики «Горбачев-фонда», опубликовавшие свои сенсационные, на мой взгляд, выводы. Спешите прочесть.

«Такова уж специфика нашего нынешнего постсоветского сознания. Идут на выборы прежде всего послушные советские люди, те, кто считает своим долгом подчеркнуть свою лояльность «царствующей персоне». Раз. Два: «Если смотреть на вещи здраво, то нельзя не видеть, что все без исключения победы Ель-

Заряженное митинговое поле, где многожды ударенные жизнью карьеристы-провокаторы Анпилов, Лукьянов, Крючков, кто по идиотическому убеждению, кто по проверенному гулаговскому расчету, гонят ударную волну с тем, чтобы туда — убила тех, обратно — этих, производя привычную человеческую прополку, расчистив место для благословенных строителей нового-старого порядка.

Стоять и молчать!

Заряженное публицистическое поле, быть может, самое опасное, где интеллигенты разного фасона и кроя сеют зерна идей, чреватых и той, и этой жатвой, где в ряды Проханова-Стерлигова встают новые бойцы типа автора «Независимой газеты» петербургского литератора Топорова, дающего в статье «С кем вы, мастера халтуры?» жестко регламентированные предписания остальным интеллигентам: вокруг президента не кучковаться, срамно, даже если президент против фашизма, все равно срамно, пусть сам выкручивается, мы как трудовые белоручки обязаны постоять в сторонке, поглазеть чем кончится, вечная оппозиция превьше всего, пускай даже это оппозиция антифашизму, пускай и непримиримая оппозиция.

Продцирую: «Каждый дышит тем, что пишет. Или пляшет. Или, разевая луженую глотку, поет». Встречу Ельцина с интеллигенцией, которая так раздражила литератора, показывали по телевидению. Из певцов, точнее певиц, зрители видели только Тамару Сиянскую. О ней так? А это о ком? «Одна попкой лучше всех вертит, другой двойным гражданством обзавелся, третий, четвертый и пятый на ладан дышат». Двойное гражданство — про Геннадия Хазанова? А кто на ладан? Про них тоже из гражданских видов и собственной оскорбленной интеллигентности? Автор «Независимой» сдерживался из последних сил, не называя имен, а лишь признаки, в последнем случае не сдержался: «Белле Ахмадулиной не к лицу одержимость Сажи Умалатовой: она становится похожа на Беллу Куркову». Не пером написать — топором вырубить.

Свобода многим развязала руки и языки. Внешняя свобода. Внутренняя — связана с другими вещами. Но это не всем объяснишь. Свобода, понятая как свобода затыкать рот Белле Ахмадулиной, объясняя, что именно ей следовало сказать и как поступить, ширится.

Быть и стоять!

А тут, подбивая бабки референду-

цина являются поражением России. И чем убедительнее победы Ельцина, тем ощутимее удар по российской государственности. В свое время избрание Ельцина президентом России привело к установлению двоевластия в Москве, спровоцировало путч и тем самым усилило дезинтеграционные процессы в стране. Победа Ельцина над Горбачевым в декабре знаменовалась не только распадом СССР, но и разломом российской метрополии, насильственным разрывом складывающихся десятилетиями хозяйственных, культурных связей». Три: «Характерно, что в Санкт-Петербурге подавляющее большинство бомбей выразили доверие президенту. Итоги референдума не дают оснований говорить о победе президента».

Не знать кто — свободно можно ошибиться в авторстве.

Впервые обнародована столь откровенно выраженная досада Горбачева в адрес Ельцина. Впервые событиям последнего времени дана, по сути, «антигорбачевская» оценка. Продемонстрирован экстаз полного слияния с самой рьяной антиельцинской оппозицией, включая ГКЧП. Что бы это значило?

Признаюсь, когда-то наивно мечталось, чтобы Горбачев, откинув амбиции, сам пришел и предложил помощь Ельцину — помощь стране в проведении реформ. Или Ельцин сам позвал Горбачева, с той же целью. Ради России. Теперь придется смотреть, не спешит ли Горбачев четвертым в ЦПКиО имени М. Горького, где уже гуляет тройка — Хасбулатов, Руцкой, Зорькин.

Сидеть или выходить на волю?

В новом журнале «Московский клуб» один из членов-учредителей Валерий Аграновский (а еще это Алесь Адамович, Юрий Карякин, Василий Селонин и другие) рассказывает историю освобождения из подземной камеры тюрьмы Красноярского НКВД своего отца, известного журналиста, пробывшего в заключении с 1937-го по 1942-й: когда ему показали документ об освобождении за недоказанностью участия, он... выйти на волю отказался. Он прожил еще несколько дней в кабинете следователя госбезопасности и лишь позднее ушел из тюрьмы. Сын не предлагает никаких вариантов объяснения поведения отца, но мы и сами догадываемся о варианте психического потрясения.

Продолжаем ли мы, народ, находиться в подобном состоянии, отказываясь выйти на волю, предпочитая оставаться в кабинете следователя госбезопасности?

Хасбулатов и «Горбачев-фонд», по сути, отвечают на этот вопрос положительно, относясь с презрением к собственному народу.

Русская интеллигенция сделала сознательный выбор в пользу Бориса Ельцина. Инна Чурикова, Белла Ахмадулина, Тамара Синявская, Эльдар Рязанов, Марк Захаров, Михаил Жванецкий и многие другие сочли своим долгом поддержать президента

Я отвечаю — отрицательно.

Пресс-служба Горбачева тоже заявила о «беспрецедентной» пропагандистской кампании, развернутой командой Ельцина, в противовес оппозиции, которая всего лишь апеллировала к «национальному достоинству и объективности россиян» и оттого, мол, проиграла.

Такой странный синдром слепоглухонемоты. Слово не она, не оппозиция, решила поиграть мускулами на Ленинском в отчаянии от перелома в результате референдума; словно не она там же, ранее, по рации устами офицера Терехова запрашивала инструкции у кого-то повыше, не вышедшего на улицу, а распорядившегося из кабинета; не она после этого примчалась под защиту верховносоветского Белого дома; не ее обеливал Хасбулатов, попытавшись сунуть ее же в комиссию по расследованию ее деяний, поскольку она оказалась «под рукой».

Чья рука? И какова мораль организации, к которому эта «рука» принадлежит?

Но нет, мораль тут читают другим.

«Нельзя назвать и моральной победой то, за что было заплачено целым рядом моральных потерь. В огне пропагандистской кампании сожжены нравственный авторитет, порядочность многих выдающихся представителей творческой интеллигенции. Список тех, кто потерял в ходе этой пропагандистской кампании лицо, слишком велик».

Стало быть, и список «отныне неуважаемых» есть. Ну что ж, их все видели: кроме Беллы Ахмадулиной и Тамары Синявской — Нонна Мордюкова, Инна Чурикова, Михаил Жванецкий...

Я могу только низко поклониться им.

Абсолютно аполитичные — не в смысле гражданской позиции, а в смысле жизненного занятия, — преданные только своим «латинским глаголам», абсолютно нравственные и порядочные, они «вышли на площадь в свой означенный час», по слову Александра Галича, защитив всех нас от возможной реанимации политического трупа, который тащат впереди себя как боевое знамя страшные живчики-некрофилы.

Когда Наталья Горбаневская сама по себе вышла на Красную площадь, когда Белла Ахмадулина, никому о том не объявляя, шла и говорила или писала в защиту инакомыслящих, кто-то ничего не знал, кто-то зло либо презрительно фыр-кал, но нормальные-то люди однозначно понимали цену этого. Разве Белла Ахмадулина подала хоть один знак, что она с тех пор переменялась, что ей нужно что-то от власти, кроме свободы, которой одной она и дышит, когда пишет?

А дело в том, что Ельцин, при всех его недостатках, до сих пор остается для российских политиков инакомыслящим. И мыслящим по совести для множества нормальных людей. По этой причине, а ни по какой иной, Ахмадулина и Жванецкий подставляют ему плечо.

А насчет «беспрецедентной» пропагандистской кампании стоит слушать авторитетного социолога Всеволода Вильчека: «И если говорить о влиянии ТВ, то наш анализ показал: основа победы Ельцина была заложена в течение трех съездских дней, когда Хасбулатов и оппозиция практически безраздельно владели эфиром РТВ — этот спектакль оказался людям страшным».

9 мая на Красную площадь вышла красная оппозиция. Победа? Не та Победа, которую отмечает весь народ. Их, антиельцинская победа. А этот спектакль, после пролитой ими красной крови, каким он покажется людям? Не страшно?

Все или ничего!

Зараженное поле. Загаженное поле.

У Хайдеггера есть две категории: «разглагольствования» и «любопытства» как свойств человека-массы, человека-толпы, которого занимает все и ничего, который поглощает уйму фактов и готов болтать о них с утра до ночи, лишь бы новизна. Да, да, да, это болезнь всякого массового общества, уставившегося в телевизор, облетающего вместе со средствами информации земной шар в поисках информации. Открытость и гласность имеют обратной стороной и эту потерю райского (или адского) своего уголка жизни, и этот захлеб чужой, в сущности, жизнью в ущерб своей.

Жадно любопытна — толпа. Злится и указывает другому, как ему жить, человек толпы. Стараются обдумать и понять — личность. Меняющаяся личность.

Те, кто пытается очистить поле и посеять на нем добрые, а не злые злаки, видят беды тоталитаризма как режима, приведшего к катастрофе. Но «тотальный» — это не только «общий», а и «весь». И максимальный — «весь». Максимализм — все или ничего — наше излюблен-

ное, присущее уже не обществу, а человеку, нашему российскому, советскому. Героическое, романтическое и по-прежнему привлекательное для многих. На этом, а ни на чем ином, замешана вся лимоновщина.

Сажать... но сад!

Хотим мы того или нет, пришло время переменяться не только строю. Пришло время переменяться человеку.

Утверждающие (или отрицающие) индивидуальность в противовес народу, массе, как правило, останавливают внимание на эгоизме личности, опять-таки в противовес общинному коллективизму. Однако тоталитарист-максималист-романтик иногда, особенно на вербальном уровне, готовый пожертвовать собой во имя общей идеи, гораздо чаще на деле увлекает к жертве других. Индивидуум, отрицающий максимум «все или ничего», знающий, какая это ранящая вещь, может только сказать о себе, о своем опыте, о своих мыслях, не беря на себя ответственности за другого, стесняясь требовать от другого. Ему не позволяют это делать рамки очерченной свободы — для себя и для другого. Рамки культуры, которой до сих пор не знает наше массовое сознание.

Информационное обеспечение, между прочим, помогает не только распознать, кто есть кто, но и принять правила поведения остального

мира, и социально-политические, и личные, чтобы мало-помалу оказаться привитым к тому общечеловеческому древу культуры, от которого мы столь удачно пытались изолироваться. Конечно, конечно, поначалу к нам хлынула всякая дрянь. Но смотрите, как и тут выравнивается дело. Как постепенно музыка, живопись, театр, кино, литература личности вытесняет массовые поделки.

Кто-то из философов заметил, что в Библии, в которой есть все, нет одного: требования любви к массе. А ведь лживой заботой о массе пронизана была вся наша жизнь. Как от коросты, освобождаемся от лжи. Всего-то и дел: возлюбить ближнего, как себя, и себя, как ближнего.

Изолироваться — от этого? А как тогда с совестью? Как со счетом самому себе? Да просто с роковыми минутами истории, которая прокрутилась, скрипя своими гигантскими винтами без тебя, помимо тебя, вопреки тебе?

Я думаю, что пока (или когда) ты и я слышим эти гигантские винты, которые скрипят при нас и с нами, не все потеряно. Напротив, все еще может быть обретено.

На самом деле не вижу никакой новизны фактов. Кроме одного: в новых захватывающих и рискованных обстоятельствах по-прежнему возделывать каждому свой сад. Что является его садом — каждому и судить.

Но как отраден этот старый факт и старый крест.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС

Служба изучения общественного мнения ВР
Руководитель — профессор Б.А.Грушин

А съезд все равно на месте

Согласны ли вы с идеей упразднения съезда народных депутатов как высшего законодательного органа страны? (в процентах к общему числу опрошенных, без затруднившихся ответить)

	Согласны	Не согласны
военачальники	92	8
деятели науки и культуры	90	8
руководители прессы	90	10
исполнительная власть	84	8
предприниматели	80	16
руководители госпредприятий	80	20
лидеры политических партий	72	22
народные депутаты	68	20

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ДОМ

Новое Время

проводит
подписку
на свои
издания

"Новое Время"
- политический
еженедельник.

**ЭЛИТАРНЫЙ
ЖУРНАЛ ДЛЯ
ВСЕХ**

Подписной индекс
издания на русском
языке 70621,
на английском языке
70622.

Цена подписки
на полгода
на русском языке
1170 руб.,
на английском языке
1120 руб.

"Домашний
Адвокат"
- газета бесплатных
юридических
консультаций.

**ВАШ
СПАСАТЕЛЬНЫЙ
КРУГ В ОКЕАНЕ
БЕСПРАВИЯ**

Индекс в подписном
каталоге 32001
(стр. 36).
Цена подписки на
полгода 182 руб.

"Amour"
- журнал
международных
знакомств.

**КУРЬЕР
ОДИНОКИХ
СЕРДЕЦ**

Индекс в
подписном
каталоге 73009
(стр. 49)
Цена подписки
на полгода
390 руб.

"Московский
Обозреватель"
- еженедельный
обзор российской
прессы.

**ВСЕ ГАЗЕТЫ
РОССИИ -
В ОДНОЙ**

Индекс в
подписном
каталоге 32114
(стр. 40).
Цена подписки
на полгода
780 руб.

209-95-81 RUSSIAN
209-76-52 PRESS
200-21-10 SERVICE

Вице-сокол вошел в пикé

Политическая карьера Руцкого перед референдумом достигла своего пика. И дальше будет идти только под уклон. Интересно, знает ли он об этом?

Марина Шакина

Популистский талант иногда помогает обрести власть, но не удержать. Популистский талант помогает иногда вернуться в политику, но не обжиться в ней. Популистский талант слишком часто внушает политику-неофиту комплекс нарциссизма, самовлюбленности, что в конце концов и губит его.

1989–1991 годы были во многом уникальными для России. Такое время повторится не скоро — судя по всему, уже не при жизни нынешних поколений. Эти годы были временем появления целой плеяды «внезапных» политиков, временем скоропалительного обретения бешеных политических капиталов.

Руцкой, Жириновский, Травкин, Тулеев, Зорькин — вот люди, которые появились на политической арене в те годы. Кто из них не завянет, не пропадет к следующим выборам президента и депутатов?

Смотр «темных лошадок»

История о том, как оказался Александр Руцкой рядом с президентом, полностью принадлежит к 1989–1991 годам, когда «невозможное было возможным». Политические комбинации возникали как в волшебном калейдоскопе — случайно. Странные альянсы заключались, странные решения принимались в силу недостатка времени, по причине улетающих шансов и желания их не упустить.

Никому не известный Руслан Хасбулатов появился, как известно, из-за того, что демократы выдвинули подкупившую многих идею о том, что первым заместителем председателя Верховного Совета (Ельцина) должен стать представитель автономии. В первом туре голосования ни один из выдвинутых демократов не прошел. Запасных кандидатур у демократов не было, а время поджимало, все надо было делать быстро, быстро, быстро.

И тогда демократы заглянули в списки поименных голосований. И наткнулись на Хасбулатова — его позиции оказались подходящими. Они быстро выдвинули Хасбулатова, и тот был избран — как в свое время Михаил Романов на царство — в силу своей безвестности и кажущейся безобидности.

В той, действительно уникальной обстановке только Ельцин имел за плечами хоть какой-то политический опыт восхождения. По вехам его биографии, по перечню его поступков можно было составить представление о том, чего от Ельцина ждать. Все остальные так или иначе были «темными лошадками». Неудивительно, что сегодня они разбрелись кто куда.

Владимир Исаков, занявший кресло председателя палаты при покровительстве демократов как человек Ельцина (один из депутатов сказал: «Исаков не отлипал от ноги Бориса Николаевича...»), Руслан Хасбулатов, самый верный заместитель (не-

Главный борец с коррупцией...

воспитанный, конечно, думалось тогда, но демократ же), Николай Травкин, «демократее» которого не было во всей стране, антикоммунист до мозга костей, очень скоро начавший подпевать коммунистам и патриотам в парламенте. И так далее, и так далее...

Есть ли кто-нибудь «поприличнее»?

Появление Руцкого в коридорах власти произошло во многом благодаря прямолинейности тактики демократов. А также в силу того, что вокруг Ельцина всегда шла борьба между традиционалистами — бывшей партозномклатурой, лично преданной Ельцину, и демократами, которые привели его к власти и претендовали поэтому на решающее слово в государственных делах.

Весной 1991 года, когда в России началась президентская кампания, еще существовал Союз, еще существовала КПСС — единственная, хотя и ослабшая организованная политическая сила.

Союзные власти во главе с Горбачевым, лидером КПСС, вели бешеную кампанию против Ельцина. Ситуация была нестойкая, неверная. «Демократическая Россия» же шла напролом, ва-банк, по принципу «все или ничего».

В списке кандидатур в вице-президенты оказались сплошь радикальные демократы, именно в таком качестве известные всей стране, — Собчак, Бурбулис, Старовойтова, Попов. Вторая ипостась Ельцина — верные партработники — судя по всему, внушала ему, что надо подстраховаться, выбрать в вице-кого-нибудь «поприличнее». Поэтому в какой-то момент Ельцин предложил Бакатину составить пару. Тот отказался, так как по приказу партии сам выдвинул свою кандидатуру в президенты. Тогда к Ельцину подвели Руцкого. Ельцин сделал выбор в последнюю минуту и своих приближенных демократов поставил перед фактом. Так и достался стране этот вице-президент.

Конечно, Руцкому несказанно повезло. Ему выпал уникальный шанс — поднабраться в тени у Ельцина политического опыта, подучиться, взлелеять в себе политика и использовать затем этот багаж как трамплин для дальнейшей карьеры. И классический статус вице-президента, стоящего как бы на обочине текущей политики, этому сильно благоприятствовал. Ведь Руцкому было всего 44 года.

Но нетерпение, нетерпение...

У всех, кто совершает стремительное восхождение к политическому Олимпу, возникает своего рода «кессонная болезнь». Эта болезнь бьет у подводников, когда они слишком быстро всплывают с больших глубин на поверхность. От быстрого движения неопыты в политике не успевают приобрести иммунитет к яду власти. Они неадекватно начи-

нают представлять себя, свои взаимоотношения с окружающими, свою роль в политике.

Если, скажем, секретари обкомов успевали почувствовать, что такое власть, ощутить бремя ответственности, поскольку шли к высокой должности годами, поднимаясь ступенька за ступенькой, то те же Руцкой, Зорькин, Хасбулатов очутились наверху в мгновение ока. И это заметно. Эти люди слишком быстро начинают любить «себя в искусстве», начинают считать себя непогрешимыми, отчасти стоящими даже вне закона, вне правил, и любую критику в свой адрес воспринимать как покушение на все общество.

Речь не о том, что хороша была партийная система расстановки и выдвижения кадров, а о том, что сегодня в переходный период к демократии новая власть привела за собой когорту новообращенных политиков, и не все из них в состоянии правильно оценивать реальность.

В роли ложки

Руцкой никогда не страдал комплекс неполноценности, скорее наоборот. Его толкнуло на политическую стезю убеждение, что в армии его не ценят. Герой Советского Союза, участник войны в Афганистане, побывав в плену — и всего-то полковник, руководитель центра подготовки летчиков в Липецке. Дали бы Руцкому в свое время генерала, очень может быть, что сегодня был бы у нас другой вице-президент.

Феномен Руцкого возник на втором чрезвычайном съезде народных депутатов РСФСР, на котором именно он, Руцкой, объявил о создании фракции «Коммунисты за демократию». Помнится, тогда еще эту фракцию окрестили «Хищники за вегетарианство». Это случилось незадолго до начала президентской избирательной кампании в России. Руцкой оказался на авансцене, на виду у публики очень кстати, как ложка к обеду.

Но как он попал к этим самым «Коммунистам за демократию»? Мыслительный и политический уровень Поллокова его не устраивал, и это достойно похвалы. При этом Руцкой — человек, увлекающийся и идеями, и людьми. При этом Руцкой — человек очень напористый, шумный, органически склонный к фанфаронству и саморекламе. При этом Руцкой — человек, любящий покрасоваться, покочетничать фрондой.

Если прочитать интервью, публикации Руцкого за последние полтора-два года и выписать оттуда все его самодаттестации, то получится прелюбопытная картина.

Полный набор взаимоисключающих характеристик: «я — коммунист», «я — государственный», «я — верующий», «я — атеист, но в церковь ходить люблю», «я — державник», «я — либерал» и так далее. Все зависит от того, когда, где, при каких обстоятельствах и перед кем он держал речь. Руцкой обожает нравиться публике, говорить то, что она ждет. При этом он, как хороший актер, сам начинает верить в то, что говорит. Слабость, невинное, даже как будто детское, фантазерство, но выдающееся по крайней мере два существенных обстоятельства.

Во-первых, как человек любознательный, а по части общественных наук в значительной мере девственный, он увлекается той или иной идеей, прочитанной в книжке, которую ему принесет референт, или мыслью, которой с ним поделится помощник. При этом он не понимает, что любая идея — всего лишь одна из теорий в целой системе специальных знаний, одна из концепций, которую надо учитывать, но критически и вкупе со всеми другими обстоятельствами. Нет, Руцкой тут же приходит к выводу, что «все не так, ребята!». И тут же начинает вещать об этом налево и направо, навязывать свои выводы профессионалам. Как в японской поговорке: «Кричит, словно фазан, увидевший на рассвете звезду, которую и до него видели тысячи лет».

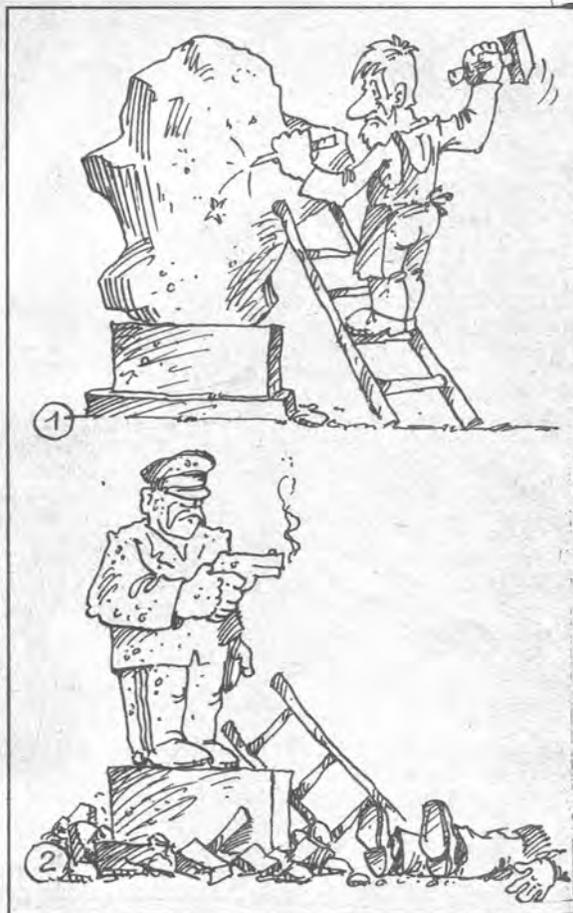

Рисунок Михаила Жилкина

В этом смысле совершенно анекдотичным был его диалог по телевидению с Егором Гайдаром, которому он пытался с чувством превосходства втолковать азы политической экономии, разбирая нынешнюю экономическую обстановку. В ответ Гайдару, очевидно, следовало бы поучить Рудского «взлету-посадке».

Другое обстоятельство, вытекающее из склонности говорить то, что нравится публике, — это полная и очевидная неспособность заняться хоть каким-то реальным практическим делом, поскольку отсутствие глубоких убеждений и знаний предопределяет отсутствие цельного и стройного видения проблем. Заметим: все загибы и загулы Рудского проходят под аккомпанемент слов о том, что ему мешают, с ним не считаются, ему вечно палки в колеса ставят. То есть суть в том, что результата нет, результат — ноль.

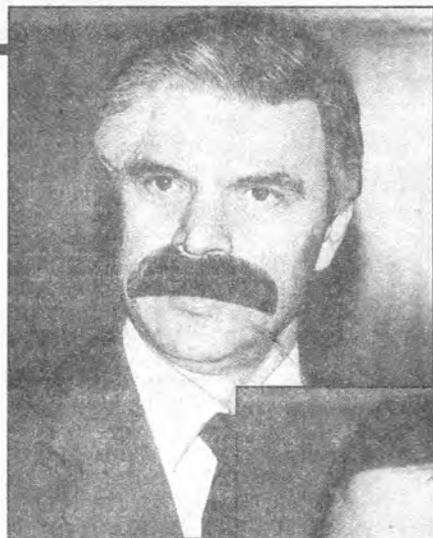
Каждому — по совету

Скоропостижная карьера в политике еще больше убедила Рудского в том, что он существо избранное. Уже в период избирательной президентской кампании, которую он тогда еще по скромности вел в пользу Ельцина, баллотировавшись при нем на роль вице-, некоторые из помощников, наблюдая за бешеным успехом Рудского в провинции, надумливали его: «Вы, Александр Владимирович, и без Ельцина могли бы самолично в президенты выйти». И Рудской, отнекиваясь сначала для приличия, затем задумчиво соглашался: «А и то, надо было бы без Ельцина...»

Возглавив движение «Коммунисты за демократию», он попал в конъюнктурную струю, стал символом определенных, созвучных времени идей. Кроме того, он сделался дублером Ельцина, именно Ельцина, потому и пошел в гору. Не стоило относить это на свой личный счет. Однако Рудской еще больше уверился в собственной неотразимости.

Сразу после избрания Ельцина и Рудского стало ясно, что Рудской играет иллюзии относительно своей роли в истории. Взгляды президента и взгляды Рудского на эту роль расходились. Рудской видел себя вторым человеком в государстве. Над ним — только Ельцин, и только ему он подчиняется. Он участвует во всех делах, его слово второе после президентского. Но Рудского брали для декора. Помощники Ельцина посчитали, что он «высовываться» не будет — слишком уж у них разрыв с Ельциным политические весовые категории.

Сам же Ельцин, став президентом, о своем вице- попросту забыл. У него, по свидетельствам знающих людей, вообще есть такая черта — он, как бы сказать, не досаждал вниманием своим помощникам. Он не помешанный начальник, который озачен больше всего тем, чтобы его подчиненные были завалены рабо-

той под завязку. Те неделями бывают предоставлены сами себе. Юрий Скоков придумал себе Совет безопасности, Бурбулис — сначала Госсовет, затем госсекретарство, Сергей Станкевич вынашивал планы собственного совета — высшего административного, но из этого ничего не получилось. А Рудской засучил рукава, чтобы трудиться с президентом, да так, с засученными рукавами и стоял попусту.

Помнится, это вызвало сначала сочувствие — должны же ельцинцы чувствовать ответственность за вице-президента, которого сами «женили». А то получилось, что по-матросили и бросили. Но сочувствие скоро улетучилось. Потому что Рудской начал действовать.

От Афганистана до Чечни

Судя по всему, Рудской, как и Руслан Хасбулатов, осенью 1991 года мечтал стать премьер-министром. Он тогда усердно разоблачал промахи кабинета Силаева, твердил, что ничего не делается для того, чтобы прекратить разграбление России. Помню одно его телеинтервью того времени и титры, его сопровождавшие: «Вы видели интервью с премьер-министром России Александром Рудским». Я перечитала эту надпись несколько раз, не веря своим глазам. Накладка телевизионщиков, конечно. Но очень красноречивая...

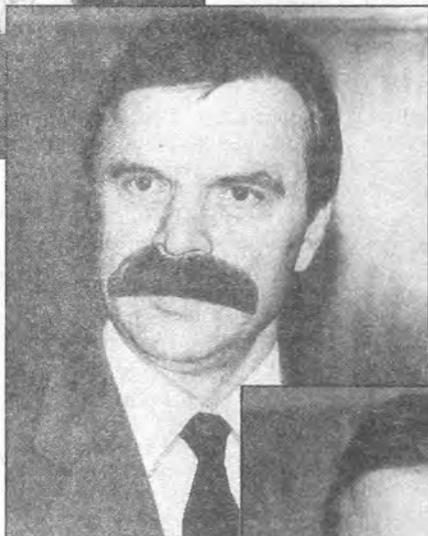
Не исключено, что именно поэтому Рудской невзлюбил Гайдара и его мальчиков — как можно было отдать предпочтение желторотикам, хотя тут же, рядом есть «боец с седою головой»? Уже дней через двадцать после прихода Егора и его команды Рудской начал публичную критику планов правительства. Только еще планов. Это привело к первой крупной размолвке с президентом.

Они какое-то время не здоровались. Президентские структуры переехали в Кремль, оставив Рудского в Белом доме.

Согласно конституции вице-президент выполняет отдельные поручения президента страны. Вот реестр дел, порученных в свое время Рудскому.

Самая громкая история — попытка ввести чрезвычайное положение в

Чечне. Тогда, помнится, в первый раз раздались требования усилить Рудского в отставку. Эта история должна была бы насторожить Рудского, предупредить его, что надо тщательнее подбирать слова и аккуратнее вершить дела, а главное — не грех помалкивать, учить-

Если бы к туловищу Рудского приделали голову Хасбулатова, то такой гибрид стал бы действовать иначе...

ся и набираться опыта. Но урок пошел не впрок.

Совершенно неприлично закончилась эпопея Рудского с советскими военнопленными в Афганистане. Из турне по трем странам — Ирану, Афганистану и Пакистану — страшно довольный собой Рудской привез ничего не значащие пышные обещания моджахедов и военнопленного — афганского туркмена, который никогда в советской армии не служил. Все авансы, которые нараздавал Рудской после поездки, — что-де моджахеды будут освобождать каждые два-три месяца по несколько солдат, так и остались авансами. И только благожелательное и снисходительное в ту пору отношение журналистов к Рудскому помешало им высмеять вице-президента во всю мощь профессионального таланта. После одноразовой акции это дело, попожже, было вообще заброшено.

Борьба с преступностью, которой тоже покровительствовал по поручению президента Руцкой, вылилась в 11 чѐмоданов компромата на правительство, с пумом вынесенных на трибуну Верховного Совета. Из них, оказывается, только одно дело было передано в прокуратуру, и еще неизвестно, каково будет заключение профессионалов.

Сельское хозяйство выиграло, после того как Руцкого поставили курировать этот участок, только в том, что обогатилось книгой Руцкого о сельском хозяйстве.

Честный служака и «тайны мадридского двора»

Но Руцкой наделен еще и бешеной активностью — его внеплановые наезды в Приднестровье, его высказывания по поводу Южной Осетии о том, что на каждый артиллерийский удар по российским частям, расквартированным в Грузии, Россия ответит десятью ударами, постоянно привлекали к нему внимание. Толку от этих демаршей не было, но зато имя Руцкого постоянно мелькало в прессе. Быть в центре внимания — способ существования Руцкого.

Всем, кроме Руцкого, очевидно, что ни к одному практическому делу он не приспособлен, так что реальную власть ему давать нет смысла — она ему ни к чему.

Конечно, задатки у него были, этого отрицать нельзя. Чуть-чуть ума и дальновидности с его стороны — и они могли развиваться в крупный политический талант, чему прекрасный шанс давало как раз вице-президентство. Если бы вице-президент лучше познал свои возможности, то понял, что его маленькая неотшлифованная харизма требует трудоемкой огранки, если всерьез строить грандиозные планы.

Если бы Руцкой выбрал бы для себя другой путь — поверхностной политики, но бойкой, то ему следовало бы сделать ставку как раз на конфронтацию, но тогда уж полную. Я хочу сказать, что в этом случае Руцкому не стоило бы после каждого своего «выверта» свидетельствовать почтение президенту и цепляться за вице-президентское кресло. Образ надо было бы лепить более рельефно, ярко, сочно. Образ вояки, который клялся в верности президенту, но не смог молчать, наблюдая «безобразия», которые вокруг него творятся. Тогда Руцкому выгоднее было бы уже осенью 1991 года подать в отставку.

Изображая честного служаку, не приспособленного ко всем этим «тайнам мадридского двора», он, возможно, уже сегодня был бы ближе к президентству, чем в своем нынешнем качестве.

Но принести малую жертву — вице-президентство, чтобы затем получить все одним махом, он не решился. Руцкой пожадничал.

Поэтому и остался в странном качестве — на деле против Ельцина, на словах за него, лишь против коррумпированного окружения. Чистой воды хрестоматийный демагогический трюк, видный за версту опять-таки всем, кроме Руцкого: «я уважаю президента, но не уважаю его окружение», «я клялся в верности Ельцину, а не его коррумпированному правительству» и так далее.

Вот так Руцкой провел весь 1992 год, постоянно выступая против правительства и президента, временами сбавляя тон и замиряясь, но затем снова задираясь. Эта фронда не могла не привлечь внимания оппозиции и лично спикера. Контакт с Хасбулатовым Руцкой вполне мог поддерживать через своего партийного коллегу Василия Липицкого, который находится со спикером в хороших отношениях и, даже не будучи депутатом и даже не состоя в аппарате, имеет именной кабинет в Белом доме. А через своих ближайших помощников — с Астафьевым, Аксучицем, Константиновым.

Если очень хочется, то можно?

Скорее всего, такие контакты были налажены, так как в дальнейшем синхронность, согласованность действий Руцкого и большинства в парламенте начала бросаться в глаза. На всех съездах Руцкой сидел в первом ряду зала с папочкой, в которой лежала заготовленная речь о его отношении к политике президента. После выступления Ельцина по телевидению о введении особого порядка управления Руцкой бежит в Верховный Совет, чтобы заявить о своем несогласии с неконсти-

туционными действиями Ельцина.

И, наконец, апофеоз романа с антипрезидентской оппозицией — доклад в парламенте, долженствующий доказать коррумпированность президентских структур, накануне референдума.

Но даже и тот не слишком убедительный образ, который все-таки выбрал себе Руцкой, — и в отставку не ухажу, и Ельцину противодействую («и денег не платит, и не едет!...»), можно было бы обрисовать умнее. Все, кажется, кроме опять-таки Руцкого, испытывали неловкость, когда на последнем съезде деятели оппозиции, выступая с трибуны, предлагали отрешить Ельцина от власти и «короновать» Руцкого, а он при этом сидел в зале и даже не потупил взора. И под мышкой держал конституцию, чтобы при случае тут же дать на ней клятву. Когда я выражала свое недоумение по этому поводу его знакомым, они, вздыхая, говорили как бы в оправдание: «Очень хочет стать президентом...»

Алиби не повредит

Случись импичмент, Руцкой до конца жизни оказался бы в руках у Руслана Имрановича, которому нынешнее нетерпение Руцкого с руки. Впрочем, если бы к туловищу Руцкого приделать голову Хасбулатова, то такая конструкция, очевидно, стала бы действовать несколько иначе.

Я думаю, гибрид Руцкого — Хасбулатова за кулисами дал бы свое согласие занять пост Ельцина, но на съезде выступил бы и сказал, что, дескать, считаю неэтичным вести разговоры о моем назначении, пока президент в добром здравии и действует. Прекрасное алиби на тот случай, если президент удержится. А если бы Ельцина все-таки отправили в отставку, то вышел бы на трибуну и заявил депутатам: «Вы были не правы. Но, ощущая ответственность за судьбу страны, которая не может оставаться без власти, я соглашусь занять эту должность до новых президентских выборов».

Но Руцкой просто не в состоянии исполнять все эти реверансы — нервная организация не та. Он намечает цель, оценивает обстановку и идет к ней напролом. А психология летчика укладывается в несколько ходов: долетел до цели, отбомбил, поразил и ушел из-под обстрела. И так каждый раз. Решения принимаются без обдумывания в считанные секунды. Вся жизнь рассчитывается в рамках одного боя.

Говорят, Руцкой был классным летчиком-штурмовиком. Но политическая стезя требует принципиально иного мышления, иных способностей и навыков. Александр Руцкой был слишком упоен собой, чтобы осознать это. И оказался в глубоком пике...

Какой талант загублен!

Рисунок Геннадия Живуцкого

«Прыжки в царство свободы»

Кронид Любарский

Похоже на то, что принятие новой российской конституции в течение ближайших месяцев будет центральной темой политической жизни страны. Больше всего меня волнует, что мы, кажется, и в области конституционного творчества начинаем искать и, чего доброго, найдем свой особый путь. Это вполне уместается в рамках российской исторической традиции, которую, как известно, не измерить общим аршином. Возможно, что к осени мы станем первой в истории страны с двумя действующими конституциями, так что у нас будет «свобода выбора» — по какой из них жить.

Между тем историческая ситуация, в которой мы находимся, не является совсем уж уникальной. Разумеется, каждая несчастная страна несчастна по-своему, но и в истории наших соседей по общеевропейскому дому, в который мы сейчас пытаемся проникнуть, были периоды, чем-то напоминающие наше сегодня. Стоит присмотреться к тому, как эти соседи решали стоявшие перед ними политические и социальные задачи, что им удалось хорошо и на чем они спотыкались.

История современной Европы знает несколько примеров перехода государства и общества от авторитарного режима к демократическому, и по крайней мере одна страна — Германия — построила демократию на развалинах тоталитаризма. Их уроки для нас бесценны с разных точек зрения, но сейчас я хочу поговорить лишь об одном — об их опыте конституционного творчества в переломные периоды их истории.

Не будем здесь касаться Японии и «третьего мира». Они весьма далеки от европейской культурной традиции, и точки соприкосновения нащупать нелегко. К тому же опыт «третьего мира» преимущественно отрицательный. Ограничимся поэтому Европой и посмотрим, как принимали свои конституции послевоенные Германия и Италия, Португалия после «революции гвоздик» и ее соседка Испания. В истории последней интересен не только ее положительный послефранкистский опыт, но и удручающий провал Второй республики, завершившийся гражданской войной.

Порядок, основанный на ценностях

Непосредственным толчком, вызвавшим поворот к демократии в Германии и Италии, было военное поражение во второй мировой войне, однако внутривнутриполитическая ситуация в этих двух странах Оси была совершенно различной.

На путь демократии разгромленная союзниками Германия вступила первоначально исключительно под воздействием внешних факторов. В отличие от Италии на террито-

Знание чужого опыта разработки демократической конституции поможет при создании собственной

Гражданская война в расколотом обществе порождает ужасы Герники, увековеченные Пикассо

рии Третьего рейха не существовало сколько-нибудь политически значимой оппозиции гитлеровскому режиму. Первые шаги к демократии совершались по инициативе и под пристальным наблюдением союзных сил. В Германии — единственной из перечисленных выше стран — процесс создания новой конституции не начался с проведения всеобщих выборов.

Союзники понимали, что разложенное нацизмом и деморализованное военным разгромом общество не способно избрать законодательное или учредительное собрание, которое заложит основы нового демократического правопорядка. Новая политическая элита складывалась медленно на основе небольшой группы политэмигрантов, нашедших во время войны убежище в Скандинавии, и из числа молодых политиков, вышедших на общественную арену уже после войны.

О германском пути конституционного строительства подробно рассказал корреспондент нашего журнала в Бонне Дмитрий Погорельский («НВ» №11/93), и я не буду сейчас к этому возвращаться. Сделаю лишь несколько замечаний общего порядка.

Для начала подчеркнем важное обстоятельство, возможно, сыгравшее решающую роль в том, что германская конституция 1949 года оказалась одной из самых эффективных и стабильных конституций послевоенной Европы. Парламентский совет, назначенный земельными парламентами — ландтагами, работал на основе межпартийного консенсуса. Из 65 членов совета по 27 мест принадлежали христианскому блоку ХДС — ХСС и социал-демократам, 5 — либералам (СвДП) и по 2 места — правоцентристским и центристским

партиям и коммунистам. Хотя ХДС-ХСС занимал в совете несколько доминирующее положение, часто блокируясь с СвДП, дабы предотвратить социал-демократы, коалиции, возникавшие при обсуждении различных положений конституции, были весьма подвижными. Часто в состав коалиции входили и социал-демократы. В результате практически ни в одном важном пункте ни одна из партий не подчинила своей воле другую, и выработанная конституция оказалась лишенной какого бы то ни было идеологического партийного клейма.

Философской основой нового германского конституционного порядка являются труды Рудольфа Зменда, работавшего еще в Веймарской республике, в период наибольшего общественного разброда. Главной заботой немецкого философа было достижение интеграции, объединения политически расколотого общества. Зменд рассматривает три рода интеграции: объективная интеграция на основе общих ценностей; функциональная интеграция на основе общих политических институтов; символическая интеграция посредством коллективных символов — флага, гимна, годовщин, торжественных церемоний.

Согласно Зменду, главной задачей конституции является содействие интеграции общества. Конституция — это нечто большее, чем правовой текст. Не случайно позднее федеральный Конституционный суд использовал в качестве ее определения знаменитое выражение Зменда: «Порядок, основанный на ценностях» (Wertordnung). Ценности эти не являются всего лишь моральными пожеланиями, конституция придает им силу обязывающих правовых норм.

Создатели и интерпретаторы кон-

ституции неоднократно подчеркивали, что каждая ее часть имеет нормативный характер и создает законные права и обязанности. К примеру, Конституционный суд постановил, что содержащееся в преамбуле конституции invocatio dei («В сознании своей ответственности перед Богом и людьми...») устанавливает «абсолютную ценность сверхгосударственных норм», а упоминание в преамбуле об «объединении» обязывает все государственные органы добиваться осуществления германского единства (ныне эта цель достигнута и в конституцию внесены соответствующие поправки).

Многие из важных положений конституции не являются правовыми нормами в обычном смысле этого слова. В частности, статьи части первой конституции («Основные права») не содержат каких-либо конкретных правил, а устанавливают лишь общие нормы поведения. Они переходят из сферы права в область этики. По самой своей природе они требуют интерпретации законодательным органом и судами. Включение в конституцию обязывающего кодекса «основных прав» ведет к серьезному расширению роли и влияния судебной власти. Это существенно отличает современное правовое государство (Rechtsstaat) от его предшественников.

Дабы достигнуть компромисса между правом индивидуума вести себя в соответствии со своей свободной волей и необходимостью осуществления эффективного управления, идея «основных прав» подверглась значительному уточнению. Либеральная теория основных прав человека рассматривает их преимущественно как свободу от государственного вмешательства. Действительно, такая свобода составляет основное ядро соответствующего раздела конституции. Однако есть права, которые могут быть реализованы только в рамках каких-то коллективных институтов: например, право на образование не может быть осуществлено без наличия школ и высших учебных заведений. Следовательно, обязанность государства уважать определенные права и свободы человека тесно связана с созданием и поддержанием необходимых государственных функциональных структур.

Такой подход к основным правам человека предусматривает также ограничение индивидуальных свобод в интересах общества как целого. Демократический политический порядок должен быть защищен от злоупотребления основными правами. Абстрактная идея «правового государства» не должна быть поставлена выше ценностей, которые это государство предназначено защищать. В отличие от Веймарской республики Федеративная Республика Германия, в соответствии с определением Томаса Манна, является «оборонеспособной демократией» (wehrhafte Demokratie) или «демократией, способ-

ной себя защитить». Так, в принятом в 1952 году решении о запрете неонацистской партии и в решении 1956 года о запрете коммунистической партии Конституционный суд подтвердил, что «порядок, основанный на ценностях», является частью «свободного демократического основного порядка» и что партии, отрицающие эти ценности, ставят себя вне конституции.

Конституция на полвека

Ситуация в Италии, которая, как и Германия, проиграла войну, была тем не менее совсем другой. В Италии сопротивление фашистскому режиму было сильным и разнообразным. Различные антифашистские партии вышли на поверхность и развили бурную деятельность после ареста Муссолини 25 июля 1943 года на заседании Большого совета и создания правительства маршала Бадольо. Крупнейшими из этих партий были христианские демократы, социалистическая партия пролетарского единства и коммунисты. Эти партии вместе с более мелкими либеральной, республиканской и другими создали в сентябре 1943 года Комитет национального освобождения, призванный к борьбе против фашизма. Позднее они вошли в правительство Бадольо.

Таким образом, к окончанию войны Италия уже имела развитую систему пользующихся большим влиянием партий антифашистской направленности, накопивших значительный политический опыт. Поэтому, когда стал вопрос об определении послевоенного политического устройства страны и принятии конституции, не требовалось уже никакого патронирования со стороны союзников. Итальянское общество оказалось достаточно зрелым и достаточно плюралистическим, чтобы проделать эту работу самостоятельно.

2 июня 1946 года в Италии прошли одновременно референдум и выборы. Референдум должен был определить, будет ли Италия монархией или республикой. 54 процента проголосовавших высказались за республику. Выборы проходили в Учредительное собрание, полномочия которого ограничивались принятием конституции и ратификацией международных договоров. Первое место на выборах уверенно заняли христианские демократы — им принадлежало 207 мест в Учредительном собрании. За ними шли социалисты (115 мест) и коммунисты (104). Различные центристские и левоцентристские партии получили 64 места, правоцентристские и правые — 30.

Социалисты и коммунисты могли бы создать левую коалицию большинства и откровенно диктовать свою волю при выработке конституции. Но договориться им не удалось, как теперь ясно — к счастью. Однако наличие влиятельной потенциальной левой оппозиции христианско-демо-

кратическому большинству не могло оказать влияния на ход конституционных переговоров. Конституция создавалась на широкой коалиционной основе, по различным конкретным вопросам заключались временные соглашения, которые при обсуждении других проблем распались. В результате был выработан текст, представлявший собою очевидный компромисс, но в целом удовлетворявший все политические силы. Можно сказать, что это была конституция условного консенсуса. Ее поддержали практически все политические партии.

22 декабря 1947 года Учредительное собрание завершило свою работу и одобрило текст новой конституции. Эта конституция была лишена каких-либо догматических, чисто идеологических влияний. В целом это был работоспособный документ. Он ясно гарантировал основные права и свободы; обеспечивал разделение властей; лишил военных возможности вмешиваться в политическую жизнь; провозглашал отделение церкви от государства, признавая в то же время важную роль церкви в жизни общества; Латеранские соглашения, установившие еще во времена Муссолини конкордат между церковью и государством, были включены в статью 7 конституции.

Жизнеспособность выработанной таким образом конституции была продемонстрирована хотя бы тем, что без малого полвека эта конституция обеспечивала демократическое и

в целом устойчивое существование итальянского государства.

Тем не менее со временем ряд положенных в нее положений, вызванных первоначально стремлением к самому широкому консенсусу, начал разрушать политическую систему. Это прежде всего пропорциональная система выборов по партийным спискам, чрезмерно усиливающая влияние маргинальных политических групп и благословляющая безответственность депутатов, ибо никто из них не обязан лично отвечать за свои действия перед избирателями. Далее, ряд положений о региональном самоуправлении ставил более экономически развитые области в привилегированное положение, тем самым конституционно закрепляя неравенство.

В апреле текущего года итальянцы проголосовали на референдуме за широкие конституционные реформы (об этом подробно писал в № 18 корреспондент нашего журнала в Риме Алексей Букалов). Социально-политическая и экономическая ситуация в стране за истекшие полвека претерпела существенные изменения. Италия сейчас определенно движется к республике президентского типа и к федеративному устройству страны.

Строительство социализма в Португалии

В Португалии после кончины диктатора Салазара события развивались совсем по-иному. Режим преемника Салазара — премьера Марселу Казтану и президента Томаша вызвал в стране все большее и большее недовольство, в особенности затянувшаяся колониальная война в Африке, истощавшая человеческие и экономические ресурсы государства. Однако старейший к тому времени фашистский режим не мог допустить открытого существования в стране оппозиции, и она действовала лишь в подполье. В этих условиях руководящую роль взяли на себя не вполне обычные силы — левые военные, осуществившие 25 апреля 1974 года знаменитую бескровную «революцию гвоздик». К власти пришло Движение вооруженных сил, в котором большим влиянием пользовались марксисты.

Выборы в Учредительное собрание, которому предстояло выработать и принять конституцию, состоялись ровно через год, 25 апреля 1975 года. Самой крупной фракцией в Учредительном собрании стали социалисты (115 мест). Партия социал-демократов

заняла 80 мест, коммунисты получили 30. На долю партии социал-демократического центра пришлось 16 мест, а на долю мелких левых партий — 6.

Процесс выработки новой конституции Учредительным собранием занял целый год — она была завершена к апрелю 1976 года. В отличие от конституций, которые мы рассматривали до сих пор, это не была конституция консенсуса. Первая революционная конституция Португалии принималась при господствующем воздействии социалистов, поддержанных коммунистами и мелкими левыми партиями. Еще важнее было то, что социалистический проект конституции получал постоянную и сильную поддержку Революционного совета, состоявшего из военных, которому фактически и принадлежала власть в стране. Слабое сопротивление второй по величине партии — социал-демократов было подавлено. Когда конституция была принята, о ее поддержке заявили все партии, за исключением партии социал-демократического центра с ее 16 мандатами.

Эта весьма объемистая конституция — 312 статей — была насквозь идеологизирована. Уже преамбула ее звучала для нас до боли знакомо: «Освобождение Португалии от диктатуры, порабощения и колониализма представляет собою революционную перемену и историческое новое начало для португальского общества. Революция восстановила основные права и свободы народа Португалии... Учредительное собрание утверждает решение португальского народа... обеспечить главенство правления закона в демократическом государстве и открыть путь к социалистическому обществу...»

Переходу Португалии к социализму в конституции было посвящено по меньшей мере 10 статей. Причем это были не только абстрактные заявления вроде приведенного выше или утверждения о необходимости построения в Португалии бесклассового общества, но и положения, касающиеся национализации экономики, деятельности рабочих комиссий и тому подобное.

Особое место в конституции было уделено роли военных, которым в лице Революционного совета была придана роль арбитра, стоящего над политикой, гаранта демократического и социалистического развития страны.

Наконец, в конституцию было введено специальное положение, воспевающее ее пересмотр по крайней мере до 1980 года.

Насквозь идеологизированная, далекая от общественного консенсуса, конституция, конечно, не могла стать надежной основой для демократического развития послереволюционной Португалии. По мере того как общество остывало от революционной эйфории, оно эволюционировало, причем гораздо быстрее,

В отличие от Германии в Италии существовало сильное сопротивление режиму Муссолини. Дуче и его любовница были казнены партизанами

чем Основной закон. Быстро стали терять популярность коммунисты, особенно после того как они поддержали попытку левацкого путча. Социалисты стали все более и более сближаться с социал-демократами, их лидер Марио Соареш разошелся с президентом Занешом. Эксперименты по социалистическому преобразованию экономики успеха не принесли. В результате, как только было снято эмбарго на конституционные изменения, они начались немедленно.

Весь 1981 год и первая половина 1982-го прошли под знаком переделки конституции. В результате целой серии радикальных изменений, утвержденных парламентом, португальская конституция потеряла свой социалистический характер. Революционный совет был ликвидирован, и роль военных сведена до обычной ее роли в демократических государствах.

Между диктатурой и гражданской войной

Переход от идеологизированной конституции к цивилизованному конституционному развитию в Португалии произошел «малой кровью», без значительных потрясений, если не считать нескольких потерянных обществом лет. Эксперимент оказался неудачным, и ошибка вскоре была исправлена. Но не всегда события развиваются так благополучно. Поучительный пример в 30-х годах дала соседка Португалии — Испания.

Испанский опыт для нас, россиян, вообще особенно интересен: во многом мы видим у испанцев повторение наших собственных судеб.

Испания и Россия — два противоположных края Европы. Как Россия преградила путь в Европу татаро-монгольской коннице, так и Испания стала барьером на пути расширения арабского халифата. Для обеих наций это не прошло бесследно и привкус Востока до сих пор ощущается и в той и в другой культуре. Русские после падения Византии почувствовали себя главной опорой православия, противостоявшего «латинской вере», а испанцы позднее остались в своем католическом изоляте практически одни против реформационной Европы. Только испанцы и русские сумели остановить Наполеона. Внутреннее развитие обеих стран также демонстрирует много общих черт. Испанский абсолютизм и российский самодержавие, сходными путями идущие к упадку. Имперская экспансия за моря в Испании и на восток в России. Злокачественное развитие коррумпированной демократии. Пароксизмы революций и, конечно, франкизм и большевизм, умудрившиеся наконец столкнуться в прямом сражении.

Прежде чем говорить о положительном испанском опыте преодоления авторитаризма после смерти каудильо Франко, скажем несколько

Одни испанцы распускали религиозные ордены и захватывали их имущество. Другие украшали распятием даже пушки

слов об отрицательном — ныне почти забытом опыте так называемой Второй республики.

Это была первая в новой истории Испании попытка перейти от авторитарного правления к демократическому. Установлению Второй республики предшествовали почти семь лет диктатуры генерала Примо де Риверы, совершившего свой «пронунсиamento» в сентябре 1923 года. Успешно развалив испанскую экономику, генерал в конце концов утратил поддержку и армии, и короля Альфонсо XIII, который в январе 1930 года принудил Примо де Риверу к отставке. Однако король опоздал — все политические силы страны к тому времени уже решительно высказались за ликвидацию монархии, отождествившей себя с генеральской диктатурой. Перед лицом неизбежной гражданской войны Альфонсо XIII бежал из Испании.

В 1931 году первое республиканское правительство провело выборы в Учредительные кортесы, которые должны были разработать конституцию. Выборы принесли убедительную победу социалистам и левым республиканцам, которые совместно получили в кортесах 257 мест. Центристские партии, аграрии и независимые довольствовались 158 местами, а правоцентристские и правые партии — всего 54.

Республиканская конституция была разработана очень быстро — всего за шесть месяцев. Левые, воодушевленные своим очевидным большинством, отвергли любые попытки добиться путем переговоров и компромисса какого-либо консенсуса. В результате была создана глубоко идеологизированная конституция, которая если что и конституировала, так это раскол общества.

Наиболее ярко идеологизированность, догматичность конституции

проявились в ее антиклерикальных статьях. Сейчас, задним числом, можно только удивляться, как могли законодатели в такой глубоко и издревле католической стране, как Испания, записать в конституции следующие положения: «Испанское государство не имеет официальной религии... Государство, провинции... не будут поддерживать, благоприятствовать или экономически помогать церквям... Религиозные ордены... будут распущены... Имущество религиозных орденов может быть национализировано... Все конфессии могут исполнять свои обряды частным образом. Публичное исполнение культа должно в любом случае производиться с разрешения властей».

Конституция также предусматривала реформы в военной области и резкое сокращение влияния военных, которые только что сыграли важную роль в свержении монархии и установлении республики. Ряд статей резко усиливал сепаратистские региональные тенденции в Каталонии и Стране Басков. В экономической области конституция резко ограничивала права промышленников и крупных землевладельцев.

Последствия были катастрофическими. Хотя правительства Второй республики старались воздерживаться от насилия при осуществлении своих целей, догматическая и односторонняя конституция не только не разрешила ни одной из тяжелых проблем страны, но только их усилила. Раскол стал неизбежностью. Результат известен: пять лет политической нестабильности привели в конечном счете к приходу к власти Народного фронта, франкистскому мятежу и гражданской войне.

(Окончание следует)

Самоубийство или ампутация?..

Солдат из российского батальона, входящего в миротворческие силы ООН в Югославии

Геннадий Сысоев,
собственный корреспондент
«Нового времени»

На Балканах продолжается игра нервов. Ибо иначе нельзя назвать перипетии принятия или, вернее, неприятия боснийскими сербами плана Вэнса—Оуэна по урегулированию в Боснии и Герцеговине.

Несмотря на давление Белграда, несмотря на вынужденное согласие с планом лидера боснийских сербов Радована Караджича, несмотря на опасность военной интервенции, скупщина боснийских сербов отказалась принять этот документ, вынеся его на референдум, который в условиях войны организовать сложнее, чем сосчитать деревья в боснийских лесах.

После объявления итогов голосования в скупщине на лицах делегатов, как мне по-

**Благодаря
своим
боснийским
собратьям
Белград
оказался
перед этим
непростым
выбором**

казалось, было больше удовлетворения, нежели озабоченности. Они сознательно сделали выбор в пользу конфронтации. На сей раз может оказаться — конфронтации со всем миром. Если, конечно, в последний момент не произойдет нечто неожиданное. Ведь на Балканах все бывает.

План не выгоден всем

Главный аргумент боснийских сербов состоит в том, что план Вэнса—Оуэна им не выгоден. В принципе это так. Однако этот план в той или иной степени не выгоден ни хорватам, ни мусульманам. План заставляет сербов отказаться от некоторых амбициозных целей, и прежде всего от стремления выделиться из Боснии, или по крайней мере создать свое «государство в государстве». Им придется довольствоваться 43 процентами территории (что объективно не так уж мало).

Мусульманам (по плану) придется перестать грезить о Боснии как о едином и уни-

тарном государстве. Да и размеры отведенных им провинций не приведут их в восторг. Хорваты, которым, казалось бы, грех жаловаться на план, могут посоветовать, что свои провинции им не удастся присоединить к Хорватии.

Если бы сербы согласились на план Вэнса—Оуэна, в Боснию отправились бы десятки тысяч военнослужащих ООН, международные силы заняли бы там все ключевые пункты, создавая постепенно зоны безопасности, особенно в районах со смешанным населением. По сути, Босния была бы поставлена под международный протекторат до тех пор, пока населяющие ее народы не вспомнят, что когда-то они жили нормально и мирно, как люди. После непринятия плана сербской скупщиной вероятнее появление там не миротворческих сил, а бомбардировщиков.

«Знай меру!»

Заставить боснийских сербов принять план Вэнса—Оуэна в последний момент попытался президент Сербии Слободан Милошевич. Он вновь продемонстрировал способность принимать самые неожиданные решения. В ночь с 25 на 26 апреля делегаты скупщины боснийских сербов первый раз обсуждали план и по настроению выступавших было ясно, что его принятием «не пахнет».

Милошевич вместе с другими югославскими руководителями направил им письмо. В нем позиция Белграда была выражена предельно ясно: «Вы не имеете права ставить под угрозу десять миллионов граждан Югославии и должны знать меру своим требованиям». Милошевич беседовал в ту же ночь по телефону с Караджичем. Во время этого разговора, по словам знающих людей, от жесткого тона президента Сербии раскалились даже провода. Но, то ли нажим оказался запоздалым, то ли боснийские сербы понадеялись на свою самостоятельность, план Вэнса—Оуэна они с первого захода не приняли.

Однако Милошевич не раз доказывал, что серьезных возражений не терпит. Караджича пригласили в Белград, после чего тот стал с большим пониманием отзываться о плане и согласился созвать скупщину для повторного его рассмотрения. Можно предположить, что лидер боснийских сербов достаточно вразумительно разъяснили негативные последствия излишней самостоятельности. Тем более что в материальном плане боснийские сербы полностью зависят от Сербии. После этого Караджич подписал план Вэнса—Оуэна, правда, с оговоркой, что его подпись должна подтвердить скупщина.

Боснийские сербы сказали «нет», и война будет продолжаться

Любопытно, что долгожданная подпись Караджича появилась под планом не в Белграде, Женеве или Нью-Йорке, а в Афинах, куда премьер Греции Константинос Мицотакис пригласил специально по этому случаю лидеров Югославии, Боснии и Хорватии вместе с представителями ООН Вэнсом и Оуэном.

Афины лучше, чем Москва?

Почему Греции удалось добиться от Караджича того, чего не могли достичь ни американский представитель Бартоломью, ни высокопоставленный российский дипломат Виталий Чуркин, ни лорд Оуэн. Руководитель внешнеполитической службы боснийских сербов Алекса Лука даже заявил тогда, что предложения Чуркина принять план ООН не следует воспринимать серьезно, ибо он, дескать, предлагает

сербам то, что у них уже есть.

Какое же волшебное слово сказал Константинос Мицотакис Караджичу, чтобы тот изменил свое мнение о плане, который еще неделю назад сравнил «со смертным приговором сербам»?

Никакого волшебного слова сказано не было, никаких супергарантий Мицотакис не дал, да и дать не мог. Просто Белград пришел к мнению, что дальнейшее затягивание переговоров и «торговля о более привлекательных условиях» уже невозможны. Угроза нанесения бомбовых ударов по позициям боснийских сербов стала вполне реальной.

Выбор же Греции на роль «успешного посредника» был сделан Белградом из тактических соображений, дабы продемонстрировать, что только Афины являются «настоящим другом Сербии», как выразился недавно президент Югославии

Добрица Чосич. Мицотакиса в Белграде авансом окрестили «премьером мира».

Призывая Москву оказать помощь, боснийские сербы почти ничего не сделали, чтобы эта помощь могла стать эффективной. Напомним, что Россия сумела удалить «наиболее острые зубы» из резолюции Совета Безопасности о закрытии воздушного пространства над Боснией, добилась отсрочки решения ООН об ужесточении санкций против Югославии, до конца отстаивала формулу политического урегулирования боснийского кризиса. И тем не менее многие здесь считают, что Москва проводит «предательскую политику» по отношению к сербам.

Греция же, резонно блюдя свои интересы, ни разу не возразила оостальным членам Европейского сообщества, принимавшим решения о Югославии одно острее другого. Афины чуть ли не первыми стали выполнять резолюцию об ужесточении санкций. Однако в Белграде Грецию называют настоящим другом Сербии.

Но после отказа скупщины боснийских сербов ратифицировать план и Греция, и Россия (да и остальные страны) оказались «в одной упряжке» и перед непростым выбором: продолжить переговоры или же реализовать угрозу применения силы?

Пьяные игроки в покер

Еще в более сложном положении Белград. Слободан Милошевич, пытаясь убедить боснийских сербов принять разумное решение, не особо стеснялся в выражениях: «Не смеите вести себя как пьяные игроки в покер, которые ставят на карту последнее».

Психология войны захватила людей. Взяв в руки оружие, они свыклись с ним и не видят себя вне войны. Воронка войны затягивает их все сильнее, и они уже не могут из нее вытаться, а некоторые просто не ходят.

В такой ситуации Белграду остается только продолжать давить на боснийских сербов и как крайний вариант отречься (хотя бы частично) от «заблудших братьев» ради собственного спасения. Пойти на этот шаг Милошевичу будет не просто. В сознании многих сербов это равносильно добровольной ампутации руки. Может быть, на это и рассчитывают боснийские сербы.

Но не менее опасно для Белграда стать на сторону боснийских братьев. Ибо это означает принять огонь на себя.

БЕЛГРАД

Фото из газеты «Гардиан» (Великобритания) и из журнала «Ньюсуик» (США)

Кто-то предал премьера

Драма лидера немецких социал-демократов Бьерна Энгхольма

Дмитрий Погоржельский,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Я не припомню, чтобы зал, где проходят все важнейшие пресс-конференции, был так забит. Журналисты с камерами, диктофонами и блокнотами толпились у дверей в вестибюле, напряженно вытягивая шею и заглядывая в зал, где разыгрывался очередной акт политической и человеческой драмы. А в последнем ряду, нервно теребя серебряное кольцо на пальце, с трудом сдерживая слезы, сидела жена Энгхольма.

— Желая оградить мою землю и мою партию от того, чтобы их идентифицировали с моей политической ошибкой, я отказываюсь от должности земельного премьер-министра, а также от выполнения моих функций в СДПГ, — голос Энгхольма звучал, как обычно, уверенно. Казалось, будто лидер и надежда социал-демократов зачитывает очередное заявление перед прессой.

Но Бьерн Энгхольм уходил из политики, расставаясь с надеждой стать канцлером ФРГ на предстоящих осенью будущего года выборах.

Труп и тысячи марок

Началась эта драматическая история почти шесть лет назад.

12 сентября 1987 года, в канун выборов в парламент Шлезвиг-Гольштейна журнал «Шпигель» сообщает, что земельная организация Христианско-демократического союза пыталась оклеветать и дискредитировать кандидата от СДПГ на выборах Бьерна Энгхольма. Распространялись слухи о том, что Энгхольм болен СПИДом, что он уклоняется от уплаты налогов. Сведения о непристойной и грязной кампании предал «Шпигелю» Райнер Пфайффер — личный референт тогдашнего премьер-министра христианского демократа Уве Баршеля. Баршель дал честное слово, что ничего подобного его партия против Энгхольма не затевала. Но через неделю подал в отставку. Комиссия ландтага начала расследование

аферы «Баршель — Пфайффер».

Два дня спустя Баршеля нашли мертвым в одном из женевских отелей. Версия — самоубийство. Семья покойного с этой версией не согласна.

В мае 1988-го проходят новые земельные выборы. Побеждают социал-демократы. Премьер-министром становится Бьерн Энгхольм.

Спустя годы он скажет: узнав тогда о том, к каким мерзостям прибегали его соперники, хотел все бросить и уйти из политики. Но не бросил. И сделал успешную партийную и политическую карьеру.

Казалось, афера «Баршель — Пфайффер» давно забыта. Но вот не так давно журнал «Штерн» рассказал о странном поступке заместителя Энгхольма Гюнтера Янзена, министра по социальным вопросам в правительстве Шлезвиг-Гольштейна.

Он перedal тому самому Пфайфферу, который так помог социал-демократам, по одним данным 40, по другим — 50 тысяч марок наличными. Янзен признал факт передачи денег, мотивируя это тем, что Пфайффер оказался без работы и средств к существованию, и поэтому он, Янзен, захотел помочь нуждающемуся. Деньги он собирал мелкими купюрами и складывал в ящик письменного стола, причем, утверждал Янзен, это была его личная инициатива, не имеющая никакого отношения к Социал-демократической партии.

В середине марта референт Энгхольма Клаус Нилиус признал: пять лет назад, выступая перед комиссией, расследовавшей предвыборную аферу ХДС, он солгал. Летом 1987 года именно он связал Пфайффера с журналистами из «Шпигеля».

Тут же создается новая комиссия, теперь по расследованию аферы «Ящик письменного стола». Янзен уходит с поста министра. Энгхольм и Янзен разрешают Петеру Шульцу, адвокату, представляющему интересы СДПГ в Шлезвиг-Гольштейне, рассказать о том, что тому известно. Он сознается: Пфайффер ранее рассказал социал-демократам о методах предвыборной борьбы своего шефа Баршеля. За это Пфайфферу заплатили, а потом отправили его в «Шпигель».

И, наконец, выяснилось, что и сам Энгхольм солгал, выступая перед комиссией в октябре 1987 года. Он узнал о том, что затеял против него Баршель, не из публикации «Шпигеля», а раньше — от своих помощников.

3 мая Социал-демократическая партия Германии лишилась своего председателя, одного из самых популярных политиков Германии, и кандидата в канцлеры.

Судьбы этих людей сплелись воедино. Премьер-министр земли Шлезвиг-Гольштейн Уве Баршель покончил с собой в одном из женевских отелей, после того как его обвинили в нечестных методах борьбы с соперником — Бьерном Энгхольмом. А теперь и сам Энгхольм (справа) вынужден уйти из политики

ления об отставке, как утверждают, долго беседовал тет-а-тет с патриархом социал-демократов Гельмутом Шмидтом, для которого честность была неизменным и обязательным качеством политика. И потому экс-канцлер пользуется авторитетом и уважением в Германии даже среди своих политических оппонентов.

Недавно на собрании одной из низовых ячеек СДПГ Энгхольму подарили яростно красные, традиционного цвета социал-демократов, боксерские перчатки: символ бойцовских качеств, которых ему порой не доставало. Но он выкинул на ринг полотенце. И ушел. Не желая поступаться принципами честности и справедливости.

Праздник для соперников

Кто-то предал премьера? Увы, и этого нельзя исключить. Причем тот, кто это сделал, рассказал «Шпигелю» о том, что Энгхольм прекрасно знал о махинациях Баршеля, но говорил неправду и молчал, находится в ближайшем окружении бывшего лидера СДПГ.

При всей популярности Энгхольма среди рядовых членов партии многие в руководстве СДПГ были им недовольны.

Его обвиняют в том, что он принял ряд принципиальных решений — в вопросе о новом законодательстве о предоставлении политического убежища, об участии Германии в вооруженных операциях ООН — наперекор большинству социал-демократов. Хотя, надо сказать, его решения носили скорее прагматический характер. Казалось, он хочет заставить германскую социал-демократию думать по-новому, вывести из позиции глухой обороны, в которую она сама себя загнала, не имея ни четкой концепции, ни программы действий сегодня, когда Германия сталкивается с нарастающими проблемами, вызванными объединением.

Но партия, вернее ее верхушка, ответила глухим молчанием. Никто из руководителей партии не поддержал Энгхольма, не уговорил, просто признав ошибку, остаться на посту.

Зато для христианских демократов жизнь станет спокойней. СДПГ нужно время, чтобы прийти в себя после шока, а новому сопернику нынешнего канцлера — время, чтобы завоевать доверие и симпатии избирателей.

БОНН

Фото из журнала «Шпигель» (ФРГ)

Бисмарк однажды заметил, что политик имеет право лгать со спокойной совестью в двух случаях — накануне выборов и после охоты. Иногда начинает казаться, что некоторые политики только и делают, что охотятся и участвуют в бесконечной предвыборной борьбе.

На охоте и на выборах

Когда стало известно о причинах отставки лидера социал-демократов, многие немцы удивились: уходит из-за такого пустяка?

В Германии были скандалы похлестче этого — ведущих политиков правящих партий и оппозиции уличали во лжи, они оказывались замешанными в аферах гораздо более серьезных. И ничего — преспокойно продолжают оставаться на своих по-

стах, поучают публику, твердят о честности и неподкупности, выдавая свои грехи за «мелочи жизни».

В эти дни многие сразу же вспомнили, что и за канцлером Гельмутом Колем водится грешок подобного свойства. Выступая однажды перед комиссией, расследовавшей одну из многочисленных афер, он, как ни пытался, не мог припомнить одного факта, бросавшего тень на него самого и всю партию.

Вечером в день отставки он отвечал на вопросы журналистов:

— Почему же вы все-таки решили уйти?

— Тот, кто высоко ставит планку, не имеет права пробегать под ней, а я пробежал и должен уйти.

Он много и часто говорил об ответственности политика перед народом, историей. Накануне объяв-

Воинствующие индуисты сокрушают внутренних врагов — мусульман

Обет безбрачия для комиссара

Несколько слов о жизни и деятельности освобожденных секретарей

Яков Боровой

30 января 1948 года, в день убийства Махатмы Ганди, создавшего светское индийское государство, где по конституции индуисты и мусульмане обладают равными правами, Индия, затаив дыхание, ждала сообщения: кто убийца? И вздохнула с облегчением: преступление совершил «свой» — фанатик-индуист. Не мусульманин. Значит, на этот раз межрелигиозной бойни не будет. Пронесло.

Внутренние враги

И вот спустя 45 лет — новый всплеск межобщинной вражды, напомина-

ющий события 1947 года, когда Британская Индия разделилась на два независимых государства — Индию и Пакистан. Тогда в ходе войны индуистов с мусульманами погибло более полутора миллионов человек.

В прошлом году после разрушения мечети в Айодхье число жертв составило около двух тысяч человек...

Воинствующий индуизм в отличие от воинствующего исламизма не угрожает всему миру. Его цель — внутренние враги, демоны зла, с которыми отважно сражается индийский бог-герой Рама. Кто же эти «демоны зла»?

Индуисты, выступающие за светское государство, равенство религий и мир между ними. Индийские мусульмане, составляющие 11 процен-

тов населения страны, ее наиболее бедные и наименее грамотные чада. А между тем Индия — второе (после Индонезии) по числу мусульман государство в мире. Впрочем, Бхаратия джаната парти, претендующая на роль «индуистского национального лидера», считает, что это меньшинство находится в привилегированном положении...

Начали с учебников

Бхаратия джаната парти основана в апреле 1980 года. За десять с небольшим лет эта националистическая партия стала наиболее мощной оппозиционной силой в индийском обществе. Партия располагает 119 депутатскими мандатами — приблизительно четверть голосов — в нижней палате индийского парламента. И представляет угрозу Индийскому национальному конгрессу (И), практически бесценно находящемуся у власти с момента провозглашения независимости Индии.

Там, где «патриотическая» партия пришла к власти, например в 120-миллионном штате Уттар-Прадеш, она начала с пересмотра школьных учебников. В новых учебниках записано, что Индия — исконно индуистская земля, на которой потомки ее мусульманских завоевателей должны знать свое место. Образцом для подражания служит Рама. «Для распространения слова Рама с целью познания долга индуиста» изучаются йога, мертвый язык Индии санскрит, национальная музыка и этика. Этим предметам отводится основная часть учебного времени. Через 20 лет, надеются ультрапатриоты, появится «новое поколение националистов и настоящих граждан Индии».

Несмотря на заверения в готовности принять в свои объятия мусульман, «если те поймут, что они в первую очередь индийцы, а только затем мусульмане», партия делала все, чтобы возбудить у них подозрения и страхи.

«Патриоты» надеются на успех на выборах 1996 года. Но реальность такова, что, одержав в последние годы победы на севере, в хинди-язычном поясе, партия собрала уже почти все голоса, которые могла собрать в общенациональном масштабе. С ультранационалистической идеологией ей на юг и восток (Индия — это сто племен, сто языков) пробиться не удастся. Многие индуисты с подозрением относятся к БДП, так как эта партия лишь высшей касты — брахманов. Да и городская элита не склонна поддерживать фанатиков.

Желание стать общенациональной организацией потребовало от партии перемен в политике и лозунгах. Председатель Бхаратия джаната парти Мурли Манохар Джоши проповедует теперь единство всех религий на основе верности Индии.

За девизом «Кровь отдадим, жизнь отдадим, ни пяди родины — никогда не отдадим!» стоит уже другая идеология. Речь идет о формировании единой индийской нации без ярко выраженного индуистского акцента.

Такая «мягкотелость» Бхаратия джаната парти вызывает раздражение у непримиримых шовинистов из ультраправой индуистской организации Раштрия сваямсевак сангх, которые обеспечивают партии голоса избирателей. Получилось так, что воинствующая группировка оказалась недовольна своим политическим крылом...

Государство индусов

Раштрия сваямсевак сангх была создана в октябре 1925 года в городе Нагпур, где до сих пор располагается ее штаб-квартира. Тогда она именовала себя неполитической, социально-культурной организацией, ставящей своей целью единение индустского общества, воспитание национального самосознания индийцев.

Партийные функционеры утверждают, что Индия вновь, как при англичанах, оказалась в «плену экономического империализма», только теперь со стороны транснациональных корпораций. Разумеется, вину за «новое закабаление» индийцев Раштрия сваямсевак сангх возлагает на нынешнее правительство республики. В конечном счете ультрапатриоты намерены создать в Индии Хинду раштра — Государство индусов.

Сегодня РСС — это хорошо организованная партия с четкой иерархической структурой. В ее состав входят 35 тысяч первичных ячеек. 2,5 миллиона членов партии относятся,

главным образом, к средним слоям городского населения и высшим индуистским кастам. Все они приверженцы традиционного образа жизни и националистических ортодоксальных взглядов.

Иерархическую структуру Раштрия сваямсевак сангх возглавляет главнокомандующий. В настоящее время им является Б.Деорас. Слово главнокомандующего окончательно и обжалованию не подлежит. Оно закон и для всех связанных с партией общественных объединений, работающих на виду, на «переднем фронте», в том числе и для Бхаратия джаната парти.

Откуда деньги?

Боевики Раштрия сваямсевак сангх ежедневно проходят занятия по физподготовке, учатся действовать бамбуковыми дубинками. Индийские черносотенцы ходят в униформе: белая рубашка, широкие шорты цвета хаки, пилотка.

Важную роль в организации играет политкомиссар. Его задача — идеологическая подготовка кадров. Политзанятия для боевиков проводятся также ежедневно.

Освобожденные секретари первичных ячеек обязаны соблюдать обет безбрачия. Они полностью посвящают свою жизнь работе в партии. Все состоят на полном довольствии организации и живут в специальных общежитиях.

Официально считается, что основным источником средств РСС служат добровольные взносы. На самом же деле касса партии в основном пополняется за счет пожертвований крупных меценатов.

Массовой базой воинствующих индустов все в большей мере становятся люмпенизированные, негра-

мотные слои индийского общества. Около полумиллиарда человек живут ниже черты бедности. В республике скопилось беспрецедентная «масса живого взрывчатого вещества». Те, кто находится «на дне», особенно легко управляются и поддаются самому низменному, стадному чувству — патриотизму. И это проявилось как во время четко спланированной операции по разрушению мечети Бабри в Айодхье, так и в ходе последовавших за этим антимусульманских погромов, поставивших под серьезную угрозу единство Индии.

Партия сегодня в третий раз в своей истории запрещена. Но у нее подготовлены план и необходимая инфраструктура для деятельности в условиях подполья. Заблаговременно составлены списки тех, кто будет работать нелегально.

Задача, которую сегодня ставит руководство Раштрия сваямсевак сангх, — «добиться, чтобы запрет пошел на пользу долговременным интересам организации». Члены партии любят цитировать основателя организации Кешав Балирама Хеджевара, который сравнил свое детище с ореховым деревом, начинающим «плодоносить по прошествии 80 лет после появления первого ростка». Теперь, по мнению нынешних лидеров, дерево «готово приносить плоды».

Если к власти придут фанатики...

В стране появится еще один общенациональный праздник — День разрушения мечети Бабри и рождения Государства индусов — страны, некогда называвшейся Индией.

Официальным языком станет санскрит. На новом флаге страны изображение священного животного — коровы.

Индийский национальный конгресс (И) будет запрещен в связи с «актами государственной измены». Они выражались в отстаивании идей светского государства.

Вне закона окажутся труды и идеи первого премьер-министра независимой Индии Джавахарлала Неру.

«Гнилая» интеллигенция отправится в специальные лагеря для перевоспитания в духе чистого индуизма.

Миллионы государственных служащих уволят и им будет «рекомендовано» выполнять ту работу, которую им предписывает их каста.

Вдовам официально разрешат сжигать себя на погребальных кострах во время кремации мужей.

Начнется война в Шри-Ланке, куда высадится индийская армия, чтобы защитить индуистское меньшинство и индуистские храмы.

Мусульмане, сикхи и христиане побегут в соседние Пакистан и Бангладеш...

Лидеры Бхаратия джаната парти — «патриотической» оппозиции Индии

Фото из журнала «Тайм» (США)

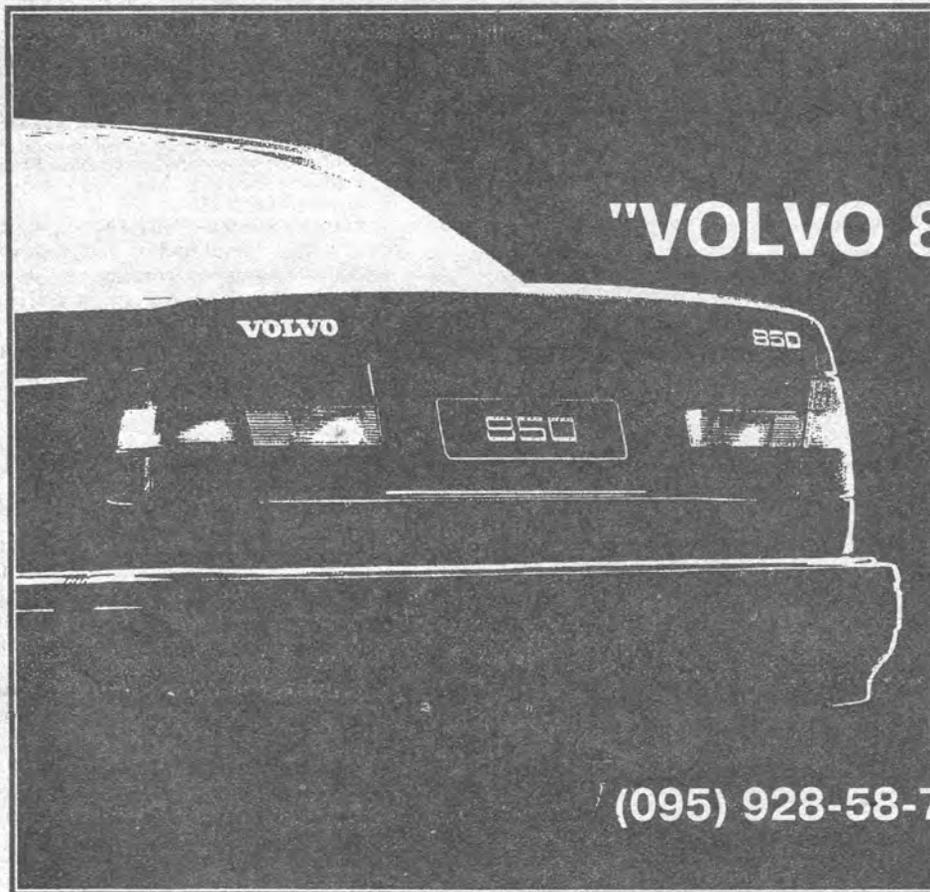
- акционерное общество открытого типа.
Среди акционеров АСК "Лефко" - крупные коммерческие и государственные структуры.

Мы предлагаем Вам:
Страхование имущества
Страхование грузов
Страхование от несчастных случаев
Сберегательное страхование
Страхование финансовых рисков
Перестрахование

Все предлагаемые виды страховок Вы можете оформить по адресам:

- Москва, Коломенский пр., 1-а, 7-й этаж.
Тел. (095) 112-70-03	- Волгодонск, Ростовская обл., ул. Энтузиастов, 3.
Тел. (86392) 2-67-18
- Санкт-Петербург, Московский пр., 172, к. 3.
Тел. (812) 277-00-77	- Томск, пр. Фрунзе, 109-а, к. 46.
Тел. (3822) 21-46-52

При возникновении страхового случая процесс выплаты страхового возмещения максимально урочен.

Организация
предлагает
автомшины

"VOLVO 850 GLE"

(базовая модель)
со склада в Москве.
Гарантия 1 год.
Форма оплаты
любая.
Возможна поставка
любых моделей
в течение месяца.
Тел.:

(095) 928-58-76, 200-60-29.

Секретные службы многое знали. Но решения принимали политики

Иван Кузьмин

Профессор Уолтер Лакер абсолютно прав, когда пишет (№14/93), что еще за несколько месяцев до крушения ГДР сама возможность падения социализма в Восточной Германии и воссоединения с ФРГ казалась немислимой — и политикам, и журналистам, и разведчикам.

Я проработал в Берлине в общей сложности двадцать лет, присутствовал и при рождении ГДР, и при ее крушении.

Но я по-иному оцениваю движущие мотивы слияния двух Германий, степень осведомленности руководства ГДР относительно того, что происходило в стране, а также роль Москвы в этих событиях.

Единственная валюта политбюро

Главной причиной воссоединения Германии стало усилившееся чувство германской общности. Это чувство никогда не исчезало.

С августа 1961 года (то есть после ликвидации открытой границы в Берлине и возведения берлинской стены) в ФРГ и Западный Берлин легально и нелегально переселилось 800 тысяч человек. А всего за сорок лет существования ГДР страна лишилась 3,4 миллиона граждан.

К 30 июня 1989 года заявления с просьбой разрешить переселиться в ФРГ подали еще 125 тысяч человек. Но уехало гораздо больше. Рухнула сама ГДР.

Право ездить на Запад и эмигрировать было предметом политической игры между Восточным Берлином и Бонном. В этой игре победа всегда оставалась за Бонном. Разрешение на эмиграцию было единственной валютой, которой руководство ГДР расплачивалось за валютные кредиты. Каждая такая уступка Западной Германии на самом деле подрывала социалистическую ГДР.

В 1988 году границу между Восточной и Западной Германией пересекли 12,3 миллиона человек, а ведь в ГДР население всего составляло 16,6 миллиона...

Расширение масштабов общения между

Иван Кузьмин — германист, профессиональный разведчик. Последняя должность — начальник информационного отдела представительства КГБ СССР в Берлине. Доктор философии Гумбольдтского университета, доцент. Автор только что вышедшей книги «Крушение ГДР. Свидетельство очевидца».

Немцы, разделенные на две страны, всегда осознавали себя единым народом и стремились к воссоединению. Но бежали они почему-то всегда только с Востока на Запад

Ни КГБ, ни МГБ не виноваты в том, что крушение ГДР оказалось неожиданностью и для Восточного Берлина, и для Москвы

родственниками и знакомыми оказывало мощное психологическое воздействие, укрепляло сознание германской общности. Именно в эти годы журнал «Штерн» обнародовал итоги закрытого опроса общественного мнения в ГДР: за воссоединение с ФРГ высказался 71 процент социалистических немцев, против — всего 21.

В рамках германо-германских отношений расширились контакты между политическими партиями ГДР и ФРГ, учреждениями, предприятиями, общественными организациями и целыми городами.

Такого рода связи также выполняли важную «общегерманскую» функцию, способствовали «стыковке» разных сфер жизни Восточной и Западной Германии, восстановлению единой терминологии и документации.

Развитие германо-германских связей, взаимозависимость и взаимосвязанность ФРГ и ГДР подвели их к такому состоянию, когда воссоединение перестало казаться невозможным.

Они жили хорошо. Но в долг

Вторым фактором, приведшим ГДР к осенней катастрофе 1989 года, было бедственное положение в экономике.

Попытка создать процветающую эконо-

мику на базе советского сырья и западной технологии, получаемой из ФРГ, не удалась.

Восточная Германия попадала во все большую зависимость от Западной, отражением которой была прогрессирующая валютная задолженность.

Примерно полтора десятка лет восточные немцы жили относительно неплохо, но они жили в долг. Потребление постоянно превышало объем производимых в стране товаров и услуг.

В 1971 году, когда к власти пришел Эрих Хонеккер, задолженность Западу составляла 3,5 миллиарда валютных марок и компенсировалась валютными резервами страны. К 1989 году долг увеличился более чем в десять раз.

Обслуживание долга превратилось в тяжелую повседневную проблему. Правительство ГДР вынуждено было идти на убыточные операции (получение краткосрочных кредитов под высокий процент, продажа на Западе крупных партий высококачественных товаров по низкой цене, обмен большого количества восточных марок в западных меняльных конторах по спекулятивному курсу).

Уже после объединения бывший член политбюро ЦК СЕПГ Гарри Тиш сказал, что под давлением экономических проблем в руководстве ГДР постепенно утверждалось мнение, что единственная возможность избежать экономического банкрот-

ства — конфедерация с Западной Германией.

Хотите на Запад? Садитесь в тюрьму!

Третьим фактором, который привел к «ноябрьской революции» 1989 года, было нарастание внутри страны недовольства политикой СЕПГ.

Правящий режим пытался пресечь малейшие проявления критики в свой адрес. Министерство государственной безопасности создало всеобъемлющую систему контроля. Недовольные автоматически зачислялись в категорию противников социализма со всеми вытекающими из этого последствиями вплоть до тюремного заключения.

Отправленных за решетку по политическим мотивам, как правило, выкупала ФРГ. С 1964 по ноябрь 1989 года Западная Германия выкупила около 34 тысяч заключенных, уплатив три с лишним миллиарда марок. В ГДР шутили, что самый короткий путь на Запад лежит через тюрьму.

Но репрессивные меры не давали желаемого эффекта, напротив, способствовали формированию оппозиции.

Росту недовольства немало послужили и газеты, радио и телевидение ГДР, в которых напрочь отсутствовали критические материалы.

Кульм личности Хонеккера принял гротескные формы. В некоторых номерах газеты «Нойес Дойчланд», например, с отчетами об открытии лейпцигской ярмарки помещалось до полусотни фотографий Хонеккера. Местные газеты копировали центральный партийный орган.

Проводившиеся в то время опросы общественного мнения показывали, что свыше 80 процентов телезрителей ГДР регу-

лярно смотрят вечерние новости своего телевидения, а телевидения ФРГ и Западного Берлина.

Ни оппозиции, ни подполья

Роль катализатора оппозиционных настроений в Восточной Германии сыграли перестроечные процессы в Советском Союзе.

Политика открытости и гласности была встречена на ура восточными немцами, но вступила в резкое противоречие с курсом политбюро ЦК СЕПГ.

Эрих Хонеккер и его окружение повторяли формулы о незыблемости германо-советской дружбы, но заняли враждебную позицию в отношении Михаила Горбачева и его линии уже в 1985 году.

Хонеккер категорически отверг мысль о необходимости демократических преобразований. Он стал себя еще более деспотично. Сблизился с консервативными лидерами соцлагеря типа Николае Чаушеску и приказал ограничить информационный поток из СССР.

Соответствующие указания получил аппарат секретаря ЦК СЕПГ по вопросам идеологии Иоахима Хермана. Там появилась группа консультантов во главе с Ханной Вольф (в прошлом ректор Высшей партийной школы), которая специально анализировала советскую прессу в поисках «крамоль» и готовила к ка-

Генеральный секретарь Эрих Хонеккер (слева) и министр государственной безопасности Эрих Мильке (справа) теперь винят друг друга в том, что социалистический режим не сумел сохранить ГДР

Старого и больного Эриха Хонеккера судить не будут. Зато начался процесс над бывшим руководителем разведки ГДР Маркусом Вольфом. Ирония судьбы: он ушел в отставку в знак протеста против догматизма Хонеккера и был среди участников ноябрьской революции 1989 года. Фото из журнала «Шпигель» (ФРГ)

ждому заседанию политбюро обзор такой публикации.

Важные выступления советских руководителей игнорировались, распространявшиеся на немецком языке советские журналы запрещались, в том числе и «Новое время».

Это привело к обратному эффекту. Оппозиция получила возможность выступать в роли союзников советской перестройки.

Восторженность, с которой немцы принимали Горбачева в Восточном Берлине, одновременно была выражением протеста против политики Хонеккера.

Именно так это понимали и полицейские начальники на местах, которые распорядились отбирать у демонстрантов портреты Горбачева. Знаменитая реплика Горбачева, прозвучавшая во время его встречи с берлинцами 6 октября 1989 года, — «кто опаздывает, того накажет история» — была воспринята как призыв к активным действиям против Хонеккера.

Важнее всего то, что эти настроения были распространены во всех слоях населения — от ремесленников-частников до высших чиновников государственного аппарата.

При всем том в ГДР, разумеется, не было оппозиционных партий или организаций. Они появились уже после отставки Хонеккера. Организованного подполья также не существовало. Оппозиционные силы выглядели аморфно: мелкие группы интеллигенции, экологические и околоцерковные кружки. Численность их активистов, по данным министерства госбезопасности, на июнь 1989 года не превышала пяти-сот человек.

Основная масса участников антиправительственных выступлений осени 1989 года состояла из людей, которые не стремились к ликвидации ГДР. Они хотели всего лишь демократизации, обновления.

В защиту госбезопасности

Вслед за профессором Лакером мне бы хотелось задаться вопросом: в какой степени политбюро ЦК СЕПГ понимало, что происходит в стране?

И тут мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией. МГБ ГДР, как это следует из изданного в Берлине сборника министерских приказов и сводок, достаточно полно и своевре-

менно информировало политбюро о ситуации. Внешняя разведка (Главное управление «А»), одна из самых эффективных в Европе, докладывала политбюро о западных оценках положения в ГДР.

Но конечный результат информационной работы гигантского аппарата МГБ оказался нулевым.

Политбюро игнорировало все предостережения. Эрих Хонеккер и его соратники жили в нереальном мире праздничных демонстраций, факельных шествий и рапортов о победах в социалистическом соревновании. Как выразился бывший начальник восточногерманской разведки Маркус Вольф, «это было иллюзорное мышление, опиравшееся на изжившую себя систему».

Именно поэтому не стоит принимать всерьез прозвучавшие в последнее время из уст Хонеккера пренебрежительные оценки информационной деятельности министерства госбезопасности. Бывший генеральный секретарь просто создает себе историческое алиби.

А что было известно советскому руководству?

НОВОЕ ВРЕМЯ

Что происходит — об этом пишут все. Еженедельник «Новое время» пишет о том, что происходит на самом деле.

К сожалению, из-за общей неразберихи и инфляции в предыдущих номерах были указаны неверные цифры стоимости подписки на наш журнал. Правильная подписная цена на «Новое время» на второе полугодие 1993 года (по каталогу):

на один месяц — **195 руб.;**
на три месяца — **585 руб.;**
на полгода — **1170 руб.**

+ стоимость услуг местных предприятий связи.

ИНДЕКС 70621

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

ГПС «Моспочтамт»

АБОНЕМЕНТ на журнал **70621**
(индекс издания)

«НОВОЕ ВРЕМЯ» Количество комплектов:

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

доставочная карточка

на журнал **70621**
(индекс издания)

«НОВОЕ ВРЕМЯ»

Стоимость по каталогу за доставку руб. коп. Кол. комп.
руб. коп.

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

В Москву из Восточного Берлина и других городов ГДР непрерывно шел огромный поток информации — конфиденциальной и открытой, телеграфной и почтовой, аналитической и текущей, — подготовленной по запросу центра и по собственной инициативе.

Практически не было такой сферы в политике, экономике, военном строительстве, социальной жизни ГДР, которая не изучалась бы советскими дипломатами и разведчиками.

«Помогите сменить Эриха»

Из бесед с работавшими в ГДР дипломатами, сотрудниками КГБ, военными разведчиками, офицерами штаба Западной группы войск, журналистами я вынес твердое убеждение в том, что в оценке обстановки в ГДР различные советские ведомства были едины. Отправляемая в Москву информация различалась в основном степенью остроты формулировок и глубиной анализа — в зависимости от профессиональной квалификации и смелости наших людей.

Советская разведка в Восточном

Берлине за год до крушения ГДР докладывала Москве, что «в некоторых областях развитие контактов и связей с ФРГ выходит из-под контроля властей ГДР, приобретает труднообратимый характер. Объективно идет процесс восстановления единства германской нации...».

Начиная со второй половины 1988 года тон шифровок в Москву стал более тревожным. Отмечалось усиление зависимости ГДР от Западной Германии, ухудшение экономической ситуации, нарастание недовольства.

Процессы, происходившие в ГДР, требовали от Москвы активной политики. Однако советские руководители пассивно наблюдали за происходившим.

Вокруг председателя Совета министров Вилли Штофа сложилась группа политиков, считавших необходимым отправить Хонеккера в отставку, заменить его молодым Эгоном Кренцом.

Еще в 1986 году член политбюро и первый заместитель председателя Совета министров Вернер Кроликовский от имени этой группы пришел к советскому послу Вячеславу Кочемасову:

— Помогите нам сменить Эриха.

Такие разговоры велись на протяжении еще трех лет, но Москва умыла руки. Эрих Хонеккер был отправлен в отставку, когда ГДР уже шла к своему концу. Свою пассивность советские руководители компенсировали выражениями преувеличенной уверенности в прочности социалистического строя.

Это услышал не только Эгон Кренц в начале ноября 1989 года, на недолгий срок ставший генеральным секретарем ЦК, но и последний лидер СЕПГ Клаус Гизи в начале февраля 1990-го, когда ГДР уже дышала на ладан.

Декабрьский (1989 года) «Коммунист» утверждал: «Трезвая самооценка позволила СЕПГ сохранить роль ведущей партии страны, добиться определенных успехов в том, чтобы вернуть себе утраченные позиции».

Этот номер «Коммуниста» был подписан к печати 4 декабря. А накануне ЦК СЕПГ во главе с Эгоном Кренцом в полном составе ушел в отставку. 1 декабря Народная палата приняла решение вычеркнуть из Конституции ГДР статью о руководящей роли СЕПГ...

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементах должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементах проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

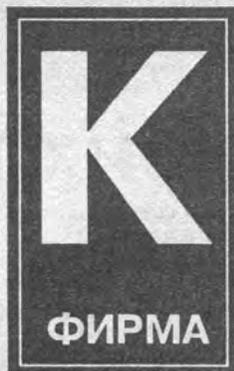
Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

«Новое время» — элитарный журнал для всех!

Подписка на «НВ» принимается во всех отделениях связи без ограничений.

Подписаться можно и в редакции — тел. 209-96-46

Предлагает недорогую и добротную офисную мебель (кабинет руководителя-столы, шкафы), солидную мягкую мебель (диваны, кресла) со склада в Москве. Современный европейский дизайн. Стильные вешалки, сейфы. **П**родает ксероксы MITA CC-10 и расходные материалы к ним. **О**существляет ремонт ксероксов MITA и Canon. Рассмотрим предложения по закупке и реализации офисного оборудования (мебель, светильники, зеркала, оргтехника и пр.)

ТЕЛЕФОН/ФАКС:(095)264-94-97(С10ЧАС.)

209-95-81
209-76-52
200-21-10

EDITION
PRESS
SERVICE

Змея в бамбуковой трубке

Владимир Цветов,
корреспондент РТВ в Японии

«Мировой жандарм Америка, создавая «новый международный порядок», не упустил случая втянуть в это дело Ельцина, который за-

нимается торговлей под вывеской «Борец против коммунизма» и на колених вымаливает помощь». Так пишет газета японских коммунистов «Акахата».

Откуда же столь близкое родство в мыслях и их оформлении между японскими и российскими коммунистами, если начиная с 1958 года уверения в собственной самостоятельности и независимости от КПСС сделались для коммунистов Японии ритуальными? Когда КПСС развалилась, японская компартия с изрядной долей злорадства заявила, что подобный конец она предрекла «партии гегемонистов» еще двадцать лет назад.

Бенджамин Дизраэли когда-то сказал, что «партия — это организованное лицемерие». Коммунистические партии, в том числе КПЯ, блестя-

ще подтвердили такое определение.

«У вас продается славянский шкаф?»

Теперь уже не узнать, этот или другой паролль назвал в 1952 году советский шпион Растворов капитану парохода «Петрозаводск», зашедшему для ремонта в японский порт Симомачу. Капитан «Петрозаводска» удостоверился, что Растворов —

именно тот человек, с кем надлежало увидеться, и вручил ему чемодан. Этот чемодан капитан прятал от посторонних глаз весь переход до японского порта.

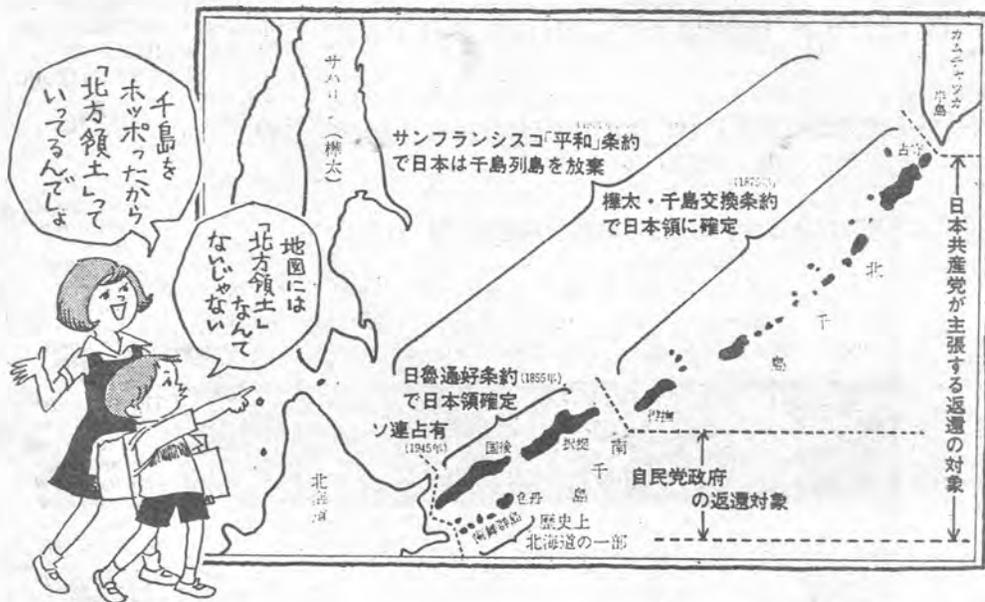
Растворов с чемоданом немедленно отбыл в Токио. В токийском районе Мэгуро он встретился с Эйносукэ Омура. В документах советской госбезопасности тот значился под кличкой «Рон». Ему и передал Растворов чемодан, контрабандно доставленный в Японию. В чемодане находилась пачка американских долларов. «Рон» был членом руководства компартии Японии, отвечавшим за финансы.

Эту детективную историю рассказали на страницах токийского еженедельника «Сюкан бунсюн» не Юлиан Семенов и не Олег Калугин. Журнал опубликовал воспоминания бывшего

Иван Коваленко, который поделился своими воспоминаниями с токийским еженедельником, долгие годы руководил японским направлением в международном отделе ЦК КПСС. Коваленко — автор книги «Коммунистическая партия Японии», которая вышла еще при советской власти и лишена увлекательных подробностей денежного характера

Японская компартия всегда называла себя независимой. Независимость стоит дорого, и ей деньги из Москвы возили целыми пароходами

ふしぎなことに、自民党や右翼は、千島と呼びなさいで「北方領土」と呼んでいます。どうしてでしょうか？
それは、自由党（当時吉田茂首相）が二十六年まえにサンフランシスコ「平和」条約をむすび、千島を放棄してしまったからです。自分で捨てたものをあとで返せ、とはいにくいので、地図にもない「北方領土」という呼び方を考えだしたわけですね。

Пропагандистская листовка компартии по территориальному вопросу. Все политические партии Японии требуют возвращения «северных территорий» — четырех островов Южно-Курильской гряды. Японские коммунисты требуют возвращения всех Курильских островов и южного Сахалина в придачу

заместителя заведующего международным отделом ЦК КПСС Ивана Ивановича Коваленко. Чтобы убедиться в достоверности рассказа, редакторы журнала обратились к показаниям Растворова, сбегавшего в конце концов в США, и к материалам следствия по делу Эйносуке Омуре, осужденного японским судом. Все сошлось.

Детективным событиям в порту Симомачу и в токийском районе Мэгуро предшествовало событие, вполне рутинное. Во всяком случае в практике КПСС. «Сюкан бунсюн» дословно процитировал документ, добытый в архиве Старой площади. Вот он в обратном переводе с японского.

«10 февраля 1952 года.

Выписка из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК КПСС. Пункт 27. Вопрос Комиссии зарубежной политики.

1. Согласиться с предоставлением в 1952 году компартии Японии 300 тысяч американских долларов по ее просьбе из Международного фонда профсоюзов, существующего при Всерумынской организации профсоюзов и оказывающего помощь левым и рабочим организациям.

2. Возложить обязанность по передаче финансовой помощи компартии Японии на тт. Игнатьева и Савченко из органов государственной безопасности. При передаче компартии Японии финансовой помощи органы госбезопасности должны указать, что деньги являются частью средств Международного фонда профсоюзов при Всерумынской организации профсоюзов».

И еще документ из архива ЦК КПСС, имеющийся в распоряжении еженедельника «Сюкан бунсюн»:

«Расписка. 100.000 американских долларов. Указанную сумму получил 6 сентября 1952 года Эйносуке Омуре».

Иван Коваленко вспоминает:

«Деньги предназначались для подпольной деятельности и для вооруженной борьбы. Сталин, боявшийся вызвать гнев Америки, требовал, чтобы при передаче денег указывался их источник».

Бывший заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС совсем не преувеличивает, говоря о террористическом назначении «финансовой помощи». В октябре 1951 года на пятой национальной конференции КПЯ был одобрен курс на насильственную революцию.

Подрывная работа КПСС против различных государств посредством финансирования компартий и левых организаций раскрыта. Сейчас ясно всем, что Сталин требовал указывать не подлинный, а фиктивный ис-

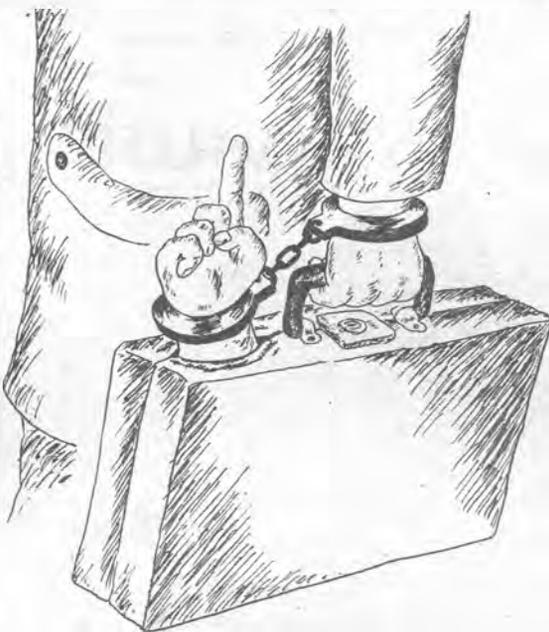

Рисунок Марата Таурова

точник денежных средств. В то время это было ясно лишь получателям так называемой «финансовой помощи». Не случайно компартия Японии адресовала просьбы о присылке денег не Международному фонду профсоюзов, а ЦК КПСС.

Послушный теленок двух маток сосет

К 1955 году КПЯ получила от КПСС свыше 700 тысяч долларов. Не располагая серьезной поддержкой среди населения и, следовательно, не имея законных денежных поступлений от своих сторонников, руководство компартии отчаянно нуждалось в деньгах, прежде всего для собственного безбедного существования. От бывших членов КПЯ я слышал о сытной жизни партийных лидеров за границей, куда они скрылись из Японии после провала курса на «насильственную революцию».

В 50-е годы компартия Японии руководил Сандзо Носака, который умело доил и Москву, и Пекин. Он еще жив. Недавно его исключили из компартии, потому что в московском архиве нашелся его донос в НКВД на товарища — товарища, естественно, расстреляли

«Кто три дня попрошайничал — никогда не отвыкнет», — гласит японская поговорка. КПЯ попрошайничала, судя по документам из архива бывшего ЦК КПСС, с 1948 года.

«В ЦК КПСС.

13 января 1965 года.

В результате обсуждения в Пекинском бюро ЦК компартии Японии мы решили обратиться за помощью к ЦК КПСС в следующих трех вопросах:

1. В вопросе о партийной школе. В школе, помимо профессоров, имеются ассистенты, которые помогают учащимся усваивать преподаваемые учебные дисциплины. Уровень подготовки ассистентов низкий. Они в этом отношении не отличаются от студентов, что тормозит учебный процесс. Не мог бы Советский Союз откомандировать 5—6 молодых ассистентов, обладающих знаниями основ марксизма-ленинизма и владеющих японским языком? Эти молодые люди, живя вместе со студентами, совершенствовались бы в японском языке, изучали бы проблемы Японии и одновременно помогали бы студентам овладевать марксистскими знаниями.

2. Двести тысяч долларов, предоставленных в декабре прошлого года Центральным Комитетом компартии Китая, получены полностью. Мы хотели бы попросить финансовую помощь в сумме 300 тысяч долларов и у ЦК КПСС.

3. Нам очень помогло бы откомандирование в Пекин Ивана Ивановича Калинина (сотрудник аппарата ЦК КПСС, отвечавший за связи с КПЯ. — В.Ц.) в качестве советника «Свободного японского радио» и партийной школы.

Члены ЦК КПЯ. Пекинское бюро. Кодзиро Коно, Кэндзи Кавата, Са-томи Хакамада, Рюдзи Нисидзава».

Руководитель КПЯ Кэндзи Миямото (в центре) и его соратники, по-видимому, решили, что Пекин будет платить больше, чем Москва. И ошиблись

Вещь для продажи следует украшать цветами, советуют восточные купцы. Продавая себя, руководители КПЯ использовали в качестве соблазнительной приманки согласие отдать в руки КПСС власть над мыслями и душами молодых членов партии. Расчет был верным.

«Тов. Б.Н. Пономареву.

Выписка из протокола № 116 заседания Президиума ЦК КПСС от 18 апреля 1955 года. Вопрос Отдела ЦК КПСС по связям с зарубежными партиями.

1. Одобрить оказание в 1955 году финансовой помощи компартии Японии по просьбе ее Пекинского бюро в сумме 250 тысяч американских долларов из средств Международного фонда профсоюзов в Румынии...

Первый секретарь ЦК КПСС.

Первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев тогда же направил телеграмму руководителям китайской компартии. Он благодарил Пекин за участие в финансировании КПЯ.

Иван Коваленко вспоминает:

«Министерству финансов СССР не хватало иностранной валюты. Оно не могло выкроить из своих запасов все те средства, на которых настаивала КПЯ. Поэтому ЦК КПСС и попросил компартию Китая выделить для КПЯ деньги из китайской доли в Международном фонде профсоюзов».

Ненасытность

«Дорогие товарищи!

Обращаюсь к вам с просьбой предоставить в 1962 году в качестве помощи 150–200 тысяч долларов. Они будут использованы на партийную работу, на деятельность в связи с выборами в нынешнем году в верх-

нюю палату парламента, на строительство партийной школы и партийного штаба.

С товарищеским приветом, Сандзо Носака. 1 ноября 1961 года».

На VII съезде КПЯ в 1958 году Сандзо Носака был избран председателем партии. Генеральным секретарем стал Кэндзи Миямото. В одном из интервью он сказал: «Компартия Японии провозгласила на VII съезде самостоятельный, независимый курс и повела борьбу против вмешательства в партийные дела СССР и КНР. Начиная с 1958 года мы прекратили связи с СССР».

Согласно документам из архива бывшего ЦК КПСС, помещенным в еженедельнике «Сюкан бунсюн», с 1958 по 1961 год КПЯ получила из Москвы в ответ на свои просьбы 200 тысяч долларов. И вот новое ходатайство Сандзо Носака.

Иван Коваленко вспоминает:

«Требование финансовой помощи с указанием конкретного ее использования — случай необычный. Носака передал записку советнику посольства СССР в Токио Животовскому. Тот лишь формально числился советником. На деле он был сотрудником Первого главного управления Комитета государственной безопасности и являлся связником между КПСС и КПЯ в вопросе оказания финансовой помощи. Записка Носака

сначала попала в штаб-квартиру КГБ. Оттуда вместе с сопроводительной КГБ ее переправили в ЦК КПСС, в международный отдел. Тут перевели на русский язык, перепечатали перевод на машинке и отнесли в секретариат Президиума ЦК КПСС».

«Выписка из протокола № 7 заседания Президиума ЦК КПСС от 1 декабря 1961 года.

Вопрос Международного отдела ЦК КПСС.

1. Положительно решить вопрос о предоставлении в 1962 году компартии Японии 150 тысяч американских долларов в качестве финансовой помощи.

Возложить всю ответственность за доставку указанной финансовой помощи компартии Японии на Комитет государственной безопасности (т. Семичастный). Тов. Семичастному при передаче денег следует сообщить получателю, что они взяты из средств Международного фонда профсоюзов, существующего при Всерумынском совете профсоюзов и оказывающего помощь левым и рабочим организациям.

Секретарь ЦК КПСС».

ЦК КПСС продолжал сталинскую игру в прятки, потому что назначение финансовой помощи зарубежным компартиям не изменилось со сталинских времен.

«Мною получено от т. Животовского 25.000.000 иен. Остальная сумма будет передана в другое время».

Сатоми Хакамада, 14 июля 1962 года».

Сатоми Хакамада был членом Президиума ЦК КПЯ. Расписавшись в получении 70 тысяч долларов — при переводе в иены это 25 миллионов, — Хакамада в приписке дал понять: КПЯ не смирится с недостатком.

Коваленко вспоминает:

«В то время советско-японская торговля развивалась успешно, и в СССР поступала японская валюта. Другим братским партиям помощь выплачивалась в долларах. Японской компартии — в иенах.

При тогдашнем валютном курсе 360 иен за доллар приходилось отправлять в Японию кучу иеновых банкнот. При перевозке долларов человек с дипломатическим паспортом проносил в самолет без таможенного досмотра обыкновенный портфель. В случае с иенами портфе-

Когда Миямото переориентировался на Китай, его заместитель Ёсио Сига (на снимке) остался верным Москве и долгое время получал от нее деньги на содержание небольшой группы своих единомышленников и газеты «Голос Японии»

Выделял деньги японским коммунистам секретарь ЦК КПСС Борис Пономарев, который знает больше тайн, чем его недавние подчиненные по международному отделу, но в отличие от них молчит как рыба

лем было не обойтись. Иены транспортировались пароходами, на что уходило иногда до восьми месяцев.

Другая причина выплаты компартии Японии денег частями заключалась в скудости валютных запасов СССР. И третья, наконец, причина: КПЯ получала дармовые деньги, и мы опасались, что их просто разбазарят.

По чьему-то недосмотру вместо 28 миллионов иен, которые должен был получить Хакамада, ему приготовили только 25 миллионов. Хакамада зло обругал Животовского. КГБ пришлось выпутываться из неприятной ситуации путем срочной выдачи Хакамада в тот же день денег из особого фонда».

Прощай, Москва! Здравствуй, Пекин!

Действительно в архиве бывшего ЦК КПСС сохранилась вторая расписка Хакамада за получение 996 012 иен, датированная тоже 14 июля.

Здесь же расписка на английском языке самого Сандзо Носака. Он подтвердил получение 28785000 иен.

Коваленко вспоминает:

«КПЯ, руководимая Миямото, уже не скрывала намерения порвать с СССР и перейти на сторону Пекина. Однако я воспринимал это как детское баловство, и финансовая помощь продолжалась согласно просьбам руководителей КПЯ. Японские коммунисты ругали нас последними словами и одновременно от нас же тайно требовали денег».

22 февраля 1963 года президиум ЦК КПСС в последний раз обсуждал вопрос о финансовой помощи компартии Японии. В выписке из протокола № 83 заседания президиума в выражениях, не изменившихся за долгие 15 лет донорства КПСС и будто составленных не разными партийными чиновниками, а однажды и навсегда запрограммированным автоматом, предписывалось предоставить в 1963 году японским коммунистам 150 тысяч долларов и возложить передачу денег на Комитет госу-

дарственной безопасности. В чем коммунистам не откажешь, так это в строгой преемственности сталинского образа действий и мыслей, во всяком случае во взаимоотношениях с другими компартиями.

18 мая 1963 года председатель КГБ Владимир Семичастный доносил международному отделу ЦК КПСС:

«Представитель Комитета государственной безопасности в Токио в соответствии с указанием встретился в мае этого года с членом Президиума ЦК компартии Японии Хакамада и передал ему 17.928.280 иен. Выразив благодарность представителю Комитета государственной безопасности, Хакамада пожаловался на крайне тяжелое положение компартии Японии и настойчиво попросил предоставить ей через два месяца дополнительную финансовую помощь».

В июне 1963 года начальник Первого главного управления КГБ Александр Сахаровский уведомил заведующего международным отделом ЦК КПСС Бориса Пономарева, что Хакамада снова поблагодарил представителя КГБ в Токио за полученные 50 тысяч американских долларов (17 928 280 иен) и напомнил о необходимости передать оставшуюся сумму до сентября.

Коваленко вспоминает:

«Советское руководство отвергло просьбу японской компартии, которая начала резко критиковать Хрущева и в советско-китайской конфронтации открыто взяла сторону КПК. В советско-японских отношениях бывали разные дискуссии на разных уровнях, но столь злобой ругани, какую позволяла себе компартия Японии в наш адрес, я не припомню».

Минуло немного времени, и КПЯ вступила в словесную войну и с новым покровителем — компартией Китая, хотя КПК пригрела японских коммунистов после того, как они укусили руку кормилицы КПСС. За 15 лет КПСС передала компартии Японии почти полтора миллиона долларов.

Ныне КПЯ не устает доказывать, что она самосто-

Передавали деньги сотрудники токийской резидентуры советской разведки. КГБ возглавлял тогда Владимир Семичастный

ятельна и независима, что с 1958 года неуклонно борется с вмешательством в ее дела КПСС и КПК.

На Востоке говорят, что змея не станет прямой, даже если посадить ее в бамбуковую трубку. Выращенная в идеологических пленках КПСС, вскормленная на деньги КПСС, компартия Японии не может переродиться. Вот почему ее практика, ее теоретические воззрения, ее пропагандистские установки лишь в деталях отличаются от сусловско-зюгановских:

«Ельцин растоптал демократию. Такова реальность. Борец против коммунизма Ельцин не имеет будущего».

ТОКИО

FAMOUS,
PRESTIGIOUS
& ELITE

Foreign Ministry of the Russian Federation
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)

announces student enrolment
for the 1993/94 academic year
to the following faculties:

- International Relations,
- International Economic Relations,
- International Law,
- International business administration,
- International Information,
- Preparatory Department for foreign students

The Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) - is the leading international educational and research institution, training political, intellectual and business elite of Russia.

WELCOME TO MGIMO

76, Vernadski av. Moscow, 117454, Russia, MGIMO.
Tel: (7-095) 434-90-72 • Fax: (7-095) 434-90-66
Telex: 412172 MGIMO SU

Партийное поручение

Леонид Млечин

Чжу Лукунь — очень серьезный молодой человек в очках — преданный член коммунистической партии Китая. Его партийное поручение — привлечь в Китай как можно больше иностранного капитала.

— А вы не боитесь, что транснациональные корпорации проникают в Китай с целью превратить вашу страну в сырьевой придаток Запада? — спросил я Чжу Лукуня.

О долларах, нищете и достоинстве

Он с трудом понял меня:

— Совсем наоборот! Они же создают на нашей земле заводы, приносят в Китай современные технологии, помогают нашему развитию.

— Разве у вас не говорят о том, что западным компаниям нужны только ваши дешевые рабочие руки и ваше сырье? Они вывезут из страны все сколько-нибудь ценное и исчезнут, а Китай останется с опустошенными недрами, — выкладывал я аргументы наших борцов с реформой.

Чжу Лукунь был изумлен моими вопросами:

— Меня унижает наша бедность. Когда сюда приходит транснациональная корпорация и начинает обучать и хорошо платить людям, производит то, чего у нас нет, платит нам налоги в долларах — что же в этом плохого? Если кто и растрчивает впустую драгоценные ресурсы, природные ископаемые, так это наша собственная отсталая экономика.

Иностраный капитал занимает пока не такое уж большое место в Шанхае. Примерно пять процентов шанхайцев трудятся на предприятиях с иностранным капиталом и дают примерно десять процентов всего промышленного производства города.

Но каждый юань, вложенный в развитие специальной экономической зоны, приносит Китаю три с половиной доллара капиталовложений, три с небольшим доллара прибыли, товаров для внутреннего рынка на сорок три юаня и почти пять юаней в качестве налогов.

Уже год Чжу работает в международной корпорации, которая ищет инвесторов и обустроивает для них шанхайскую землю.

— У нас есть свой партком, — рассказывает Чжу Лукунь. — Если возникает необходимость, мы устраиваем собрание, в свободное время, разумеется. Корпорация относится к этому с пониманием, ведь собрания посвящены тому, как сделать нашу работу более эффективной.

«Ударить бы по Синьцзяну!...»

Когда я поступил на работу в «Новое время», Чжоу Ган еще служил в армии.

Советские пограничники на китайской границе. 1969 год. Казалось, что война неминуема

Рассказ о коммунистах, которые верно служат иностранному капиталу

Я пришел в «Новое время» 15 февраля 1979 года. Через два дня началась война между Китаем и Вьетнамом.

Рабочий день я начал с того, что по примеру старших товарищей спустился на первый этаж, в большую комнату, где сортировались поступающие ежедневно тассовские информационные вестники.

Там в поисках интересного материала собиралась добрая половина редакционного коллектива. Там же обсуждались вопросы текущей политики.

Когда я вошел в комнату, один из ветеранов мечтательно произнес:

— Вот если бы нанести ядерный удар по Синьцзяну...

В этом самом Синьцзяне в тот самый момент и служил Чжоу Ган, с которым через четырнадцать с небольшим лет после упомянутых событий мы познакомились в Шанхае.

Шанхай — это тринадцать с лишним миллионов человек (по официальным данным, а на самом деле все двадцать). Крупный аэропорт, две железнодорожные линии, морской и речной порты. Полсотни высших учебных заведений и с тысячу научно-исследовательских институтов.

В Шанхае решением партии и правительства создана зона экономического и технологического развития. Создание таких зон — часть политики открытого Китая.

Можно твердо сказать, что эта политика себя полностью оправдала. США, Гонконг, Япония, Сингапур, теперь еще Тайвань и Южная Корея с удовольствием вкладывают сюда капиталы.

Здесь появились уже и уличные банковские автоматы, которых еще нет в России: снять деньги со счета можно в любое время дня и ночи, не заходя в банк. Прямо

над головами бизнесменов, осваивающих западную новинку, сушится чье-то бельё.

Продавщица считает выручку с помощью электронного калькулятора, а деньги кладет в старенький деревянный ящик.

В аэропорту, где стоят одни «боинги», две нехуденькие тетеньки, устроившись под японскими часами, разливают слабенький чай из алюминиевого бака в пластмассовые стаканчики. Когда бак пустеет, одна из тетенок доликает кипятку из эмалированного ведра.

Дорогу иностранному капиталу!

— Вы знаете, — сказал мне Е Сюйянь, — я сам поражаюсь изобретательности, с какой западные производители придумывают все новые и новые способы заставить людей покупать свой товар.

Е Сюйянь — советник компании, которая помогает иностранным производителям освоиться в Шанхае.

До 1949 года, когда Китай стал коммунистическим, Е Сюйянь успел закончить в Шанхае экономический институт, который патронировали американцы. После установления народной власти ему пришлось забыть все, чему его учили четыре года.

Тридцать с лишним лет он безуспешно пытался усвоить прикладную политэкономии социализма. Когда его сверстники уже стали готовиться к пенсии, институтские познания Е Сюйяня наконец пригоди-

лись. Его пригласили работать в компанию, которая занимается развитием специальной экономической зоны.

— Инвесторы приходят к нам потому, что мы дали им все, что обещали. Энергоснабжение, подача воды, коммуникации — на высшем уровне, — говорит Е Сюйянь.

Китайцы, правда, рассчитывали, что большая часть продукции совместных предприятий пойдет на экспорт. Пока экспортируется меньше половины. Но то, что продается в стране — ксероксы, медикаменты, лифты, — раньше приходилось импортировать. Теперь все это можно купить за юани.

Е Сюйянь повел меня на специальную выставку и показывал, что теперь производят китайцы на совместных предприятиях. На этой выставке было все: от косметики до лифтов, от водки до компрессоров.

А уж еды и вовсе было райское изобилие — наверное, то самое, о котором говорил Леонид Ильич Брежнев на XXV съезде КПСС: «На столе советского человека должно быть все — лук нельзя заменить картофелем, а растительное масло томатным соком».

Но Е Сюйянь все еще недоволен: — Мы в Китае по-прежнему ставим перед собой какие-то задачи, строим планы, принимаем постановления. Ничего этого не нужно. Нужно ставить перед собой только одну задачу — зарабатывать, получать прибыль. Это и есть самый верный, да и единственный стимул для производства.

Великая стена, трамвай и помощник президента

Китайская толпа — самая большая в мире. Она же и самая разношерстная. В выходные дни тысячи китайцев приезжают к Великой Китайской стене, чтобы немного насладиться жизнью.

У Юрия Олеши, как известно, не складывались отношения с трамваями, которые упорно не желали возить этого замечательного писателя.

У меня не сложились отношения с Великой Китайской стеной.

Все началось с того, что четырнадцать с лишним лет назад я получил свое первое редакционное задание: придумать подпись к фотографии, на которой был запечатлен тогдашний помощник президента США по национальной безопасности

Помощник президента США Збигнев Бжезинский на Великой Китайской стене. 1978 год

Збигнев Бжезинский у этой самой Великой Китайской стены.

Фотография должна была символизировать стратегический союз Пекина и Вашингтона против СССР.

Я извел пачку бумаги, предложил пятнадцать вариантов, но с заданием не справился. Подпись к фотографии сочинил опытный редактор нашего отдела.

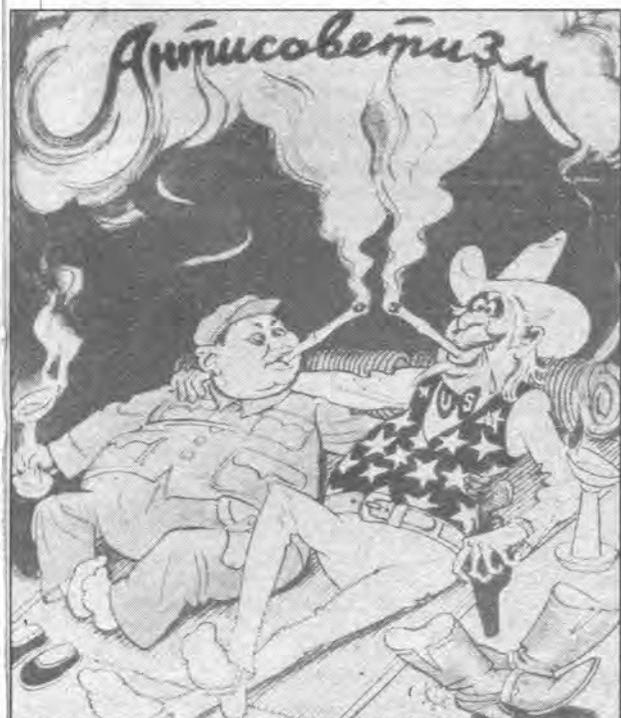
Он написал: «Эмиссар Белого дома у Великой Китайской стены весело «пошутил»: «Кто заберется вверх последним, тот и должен выступить против русских...» (см. «НВ» № 14/79)

Так я — неудачно — познакомился с грандиозной достопримечательностью Китая.

Продолжение было тоже не очень удачным.

Четырнадцать лет спустя гостеприимные китайские хозяева повезли меня туда, куда некогда ступила агрессивная нога Збигнева Бжезинского.

Великая Китайская стена превра-

Это рисунок из старого «Крокодила». Похоже, воспитание взаимной ненависти прошло для наших народов бесследно

Теперь китайская армия уже не кажется такой опасной

тилась в грандиозный, веселый туристский аттракцион, где сметливые китайцы зарабатывают буквально на всем: на входных билетах, на платной автостоянке, на сувенирах, памятных майках, фотографиях и медалях, на которых гравировано имя покупателя, на свидетельствах о посещении стены с подписью и печатью местного начальника.

Крестьяне в кителях, девушки в кожаных куртках из Гонконга, солдаты в плохо сшитой форме ядовито-зеленого цвета, подростки в джинсах и кроссовках легко осваивают привычки современного общества: пьют баночное пиво и кока-колу, жуют резинку, с треском разрывают пакетики с орешками, закусывают толстыми сэндвичами и чувствуют себя замечательно.

Они щелкают друг друга автоматическими «никонами» и «канонами», пишут на любом удобном месте «Ван и Ли были здесь» и устремляются куда-то вверх по ступенькам нескончаемой стены.

Китайцы доят стену как племенную корову. Стена, несмотря на почтенный возраст, пребывает в превосходном состоянии и постоянно реставрируется.

Но меня стена отвергла, как Юрия Олешу трамвай.

Одежды не по сезону, я простыл на ледяном ветру и, прилетев на следующий день в город Ханчжоу, обнаружил, что потерял голос.

Лекарство от шепота

Люди постарше моему шепоту нисколько не удивлялись. В любой провинции иностранец корреспондент приравнивается к начальству, которому позволена некая эксцентричность. Но в конечном итоге решено было восстановить мои вербальные возможности с помощью медицины.

Меня повезли в маленькую районную больницу на шестьдесят коек неподалеку от Ханчжоу.

Там я в первый раз в своей жизни встретил главврача, который не жа-

ловался на протекающую крышу, на холодные батареи, на строителей, на прачечную, на сантехников, на отсутствие краски, денег, медикаментов. Он вообще не жаловался.

Главный врач Мяо Цзыкуй сидел за деревянным выщербленным столом, на котором лежали незаполненные бланки рецептов. Единственным украшением комнаты был муляж человека с приветственно поднятой рукой. На муляже были обозначены точки для акупунктуры.

Я испугался, что в меня тоже станут втыкать иголки, но главный врач твердо стоял на почве реального.

— Антибиотиками мы стараемся не пользоваться, — порадовал меня главный врач прогрессивным взглядом на современную медицину, но, взглянув мне в горло, выписал именно антибиотик.

Главному врачу пятьдесят восемь лет. Из них семнадцать он провел в этой больнице. До этого работал в городе, сюда перебросили решением уездного парткома для «укрепления деревенской медицины».

В больнице тридцать два врача, шестнадцать медсестер, японский компьютерный томограф и допотопное зубоорудование, на которое больно даже смотреть.

В кабинете главврача к потолку был прикреплен вентилятор, большой, как вертолетные лопасти. Летом в Шанхае, говорят, очень жарко. Но, когда я оказался в больнице, безумно холодно было и на улице, и в палатах, где больные лежали, забравшись под одеяло в ушанках и теплых халатах. На тумбочках — связки бананов и термосы. Горячей воды в больнице нет, и в палатах не топят.

Прописанные мне главврачом капсулы я старательно глотал. Но, открывая коробочку, всякий раз с содроганием вспоминал холодную больницу, и эти воспоминания явно лишали китайское лекарство его целительных свойств.

Друзья познаются с помощью лифта

— В семь утра будьте готовы, — предупредили меня накануне. — Поедем на важную встречу. Только не опаздывайте.

Я вышел из гостиницы без пятнадцати семь, чтобы не заставлять себя ждать.

Машина, которая должна была приехать за мной, не пришла и в восемь.

Дурацкая ситуация. Что делать: ждать на улице или подняться в номер — вдруг планы изменились и именно сейчас они мне звонят?

Решил вернуться. Когда я вышел из лифта на последнем, двадцать восьмом этаже новенькой пекинской гостиницы, меня встретил улыбкой молодой встрепанный парень с тряпкой в руках.

Он по очереди вызывал к себе каждый из пяти гостиничных лифтов, чтобы их помыть.

Он отступил в сторону, пропуская меня, и по-русски сказал почему-то: — Спасибо.

Я попытался заговорить с ним, но его познания в языке северного соседа исчерпывались одним словом. Я юркнул в свой номер. Позвонил по единственному известному номеру. Трубку никто не снял.

«Ага, — сообразил я. — Они, конечно же, выехали и с минуты на минуту будут. Надо скорее идти вниз, чтобы не заставлять их ждать».

Я вышел из номера и побежал к лифту. Парнишка с тряпкой улыбнулся и уступил мне лифт, который собирался вымыть.

Не повезло! Спустился вниз и увидел, что забыл в номере, возле телефона, записную книжку. Пришлось опять взлететь на двадцать восьмой этаж.

Улыбчивый парнишка с тряпкой в руках встретил меня как родного. Когда через секунду я показался из дверей номера, он немедленно нажал кнопку, вызывая мне лифт.

Я поблагодарил и опустил на милую мне землю в уверенности, что обещанная машина уже у порога.

Как бы не так! Ни машины, ни записки у администратора! Попробовать еще раз позвонить? Назад, к лифтам.

Мне показалось, что мой юный друг с тряпкой в руках ждет меня. На сей раз он не отпустил с миром лифт, а держал его до моего появления.

ШАНХАЙ СЕГОДНЯ — ЭТО

1,2 процента населения Китая

4,2 процента валового национального продукта

6,9 процента промышленного производства

8,6 процента доходов населения

14 процентов экспорта

Машины не было еще на протяжении двух часов, которые я в основном провел в лифте. Я то поднимался наверх, чтобы в очередной раз позвонить, то спускался в надежде увидеть моих хозяев, о которых думал теперь с нежностью подкидыша.

Уловив нехитрый алгоритм моих перемещений во времени и в пространстве, мой юный друг стал мне помогать. Едва я скрывался в дверях своего номера, он отключал доставивший меня лифт, чтобы никто не мог им воспользоваться. Как только я появлялся, он включал этот лифт, делал мне приглашающий жест и кланялся.

В какой-то момент ему пришлось уступить «мой» лифт постояльцу из соседнего номера, который тоже захотел спуститься вниз.

Тогда мой юный друг, уже забросивший свое основное дело, дернул наверх группу датчан, которые намеревались спуститься на первый этаж, а вместо этого вознеслись на двадцать восьмой. Вниз им удалось спуститься только в моей компании.

Когда, спустившись в очередной раз, я увидел своего переводчика и рядом с ним шофера, то подумал даже: не подняться ли еще раз наверх?

Мне захотелось предупредить своего нового друга, что в ближайшие несколько часов никак не смогу воспользоваться его услугами и что он временно может снять с себя заботу то о моем перемещении поближе к поднебесной, то о возвращении на грешную землю.

Но переводчик подхватил меня под руку и повлек вперед, извиняясь на ходу за опоздание.

С того дня и до самого моего отъезда домой мы виделись с моим юным другом постоянно.

Я улыбался и подмигивал. Он улыбался и кланялся. Когда с сумкой через плечо я вышел из своего номера в последний раз, торопясь в аэропорт, мне показалось, что в его глазах мелькнуло некоторое разочарование.

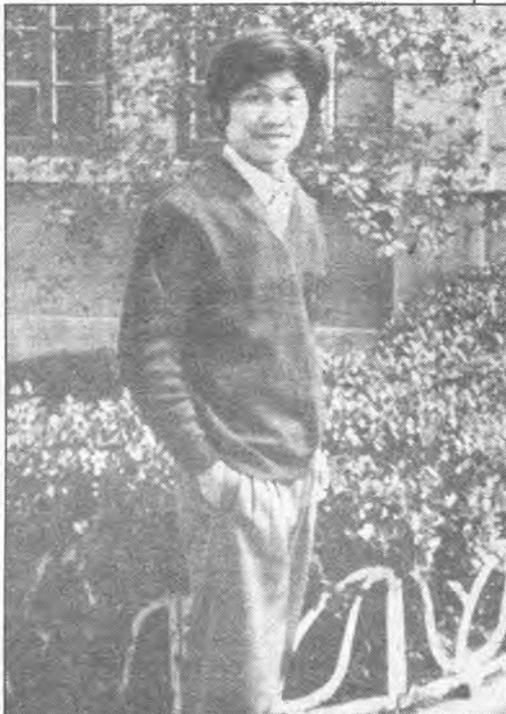
Все эти дни он, похоже, ждал, что я продолжу свою загадочную игру, смысл которой остался ему непонятен.

Я же никогда не забуду, что в трудную минуту он принял во мне участие.

Какая польза от негниблемого астронома?

Осталось ли что-нибудь от вражды 60-х? От крови, пролитой на Даманском? От яростной пропаганды с обеих сторон? От ожидания войны, которая в какой-то момент казалась неизбежной?

Я спрашивал об этом всех китайских собеседников. И все отвечали отрицательно. Похоже, что так и есть. И в России, судя по всему, не осталось антикитайских настроений.

Художник Цай Бао Юн, который работает на шелковом комбинате в Ханчжоу, подарил мне этот свиток, на котором каллиграфически вывел: «Реформа и открытость миру улучшают жизнь народа»

Скорее наоборот, у современного Китая много поклонников. Особенно среди тех, кто сопротивляется российским реформам.

Поклонникам китайского пути нравится то, что в КНР сохраняется партийная и государственная бюрократия, нет свободы слова.

При этом они не хотят видеть того, что китайская бюрократия не мешает частной инициативе и предпринимательству, не угнетает бизнесменов и торговцев, не душит их и не унижает.

Можно ли представить себе советскую бюрократию, которая бы дала простор частной инициативе, привлечению иностранного капитала и не смела бы вмешиваться в дела частного производителя?..

Когда четыре года назад армия разогнала студентов, собравшихся на площади Тяньаньмэнь, симпатий к Китаю поубавилось.

Сейчас в Пекине подчищают свои самые темные места. Выпустили студентов, которых тогда посадили. Говорят о правах человека, о демократии.

Поклонники китайского пути требуют судить Китай по его собственным правилам, не критиковать публично пекинских лидеров, чтобы не разозлить их и не спровоцировать новое закручивание гаек.

Эта логика напоминает мне старинную китайскую притчу.

Одной великой империей управлял император-деспот, который повелел считать, что два плюс два равняется шести.

Все его подданные вынуждены были подчиниться. Необходимые изменения были внесены в вычисления математиков и в школьные учебники. Когда деспот умер, его более прагматичный наследник счел необходимым пойти на некоторую либерализацию. Отныне два плюс два приравнивали к пяти.

Но талантливый астроном-отшельник установил, что на самом деле два плюс два равняется четырем. Как человек далекий от политики, он и не думал привлекать к своему открытию публичное внимание, а опубликовал свои изыскания в небольшом сугубо научном журнале.

Об этой статье немедленно стало известно сотрудникам службы безопасности. Астронома арестовали. От него потребовали публично отречься от своих взглядов. Упорный астроном стоял на своем и мужественно переносил пытки. Тогда его привели к начальнику службы безопасности, который не стал его бить, а лишь сказал:

— Неужели ты не понимаешь, что если ты будешь продолжать настаивать на своем заблуждении, то могут вернуться мрачные времена, когда два плюс два равнялось шести?..

Фото из журналов «Фар истерн экономик ревью» (Гонконг), «Шпигель» (ФРГ) и автора

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

И С Т О Р И Я И С О В Р Е М Е Н Н О С Т Ь

С кем вы, мастера статистики?

Уолтер Лакер

Характерная черта тоталитарных режимов XX века — это террор. Никогда прежде диктаторам не удавалось отыскать такое количество подлеющих уничтожению «врагов».

Но сколько именно людей было убито? Сколько миллионов загнали в лагеря?

Спор о цифрах

Точные цифры и по сей день остаются предметом споров и дискуссий. Во всех массовых убийствах — от армянской резни во время первой мировой войны до преступлений Пол Пота в Камбодже — установить точные цифры безумно трудно.

Турки, скажем, утверждают, что погибло сто тысяч армян. Армяне называют цифру в два миллиона.

Число жертв в Камбодже колеблется от одного до двух миллионов.

Во время второй мировой войны множество людей было убито хорватами в концлагере Ясеновац. Историки говорят о четырехстах тысячах жертв, сербы — о семистах тысячах. А некоторые хорваты утверждают, что жертв не было вообще.

Вопрос о жертвах стал яблоком раздора между сербами и хорватами в послевоенной Югославии, отравляя отношения между двумя народами и усиливая взаимную неприязнь, которая со временем привела к распаду Югославии.

Причина математических затруднений понятна: массовые убийства совершались обычно во время войн, статистика еще не была совершенной, необходимые документы утеряны, уничтожены, либо вообще не существовали.

Чем крупнее масштабы преступления, тем меньше вероятность того, что приказ убивать был отдан в письменном виде. Ведь так и не удалось найти подписанный Гитлером приказ об уничтожении всего еврейского еврейства, да и

Гестаповцев было в тридцать раз меньше, чем сотрудников НКВД. Но ни многочисленные чекисты, ни педантичные гестаповцы сами не знали, сколько людей им удалось уничтожить

вряд ли такой документ вообще составлялся.

СС, Гиммлер и статистика

Самым надежным и солидным на тот момент статистическим аппаратом обладала Германия. В ее архивах можно найти точные цифры уничтоженных во время основных акций. Например, педантичные немецкие чиновники подсчитали, что в 1941 году за несколько дней зондеркоманда СС № 42 с помощью частей немецкой армии уничтожила в Бабьем Яре 33 771 еврея.

Но большей частью даже сами организаторы массовых убийств не располагали точными данными о количестве своих жертв.

В середине войны Гиммлер попросил главного статистика СС представить ему доклад с точным указанием количества депортированных и уже уничтоженных евреев. Но эсэсовским статистикам пришлось оперировать лишь примерными цифрами.

Лагеря уничтожения находились за пределами Германии, в лагерном штатном расписании не была предусмотрена должность официального статистика, ежедневные донесения лагерных начальников были неаккуратны...

Многие документы просто уничтожались, и — самое главное — Берлин приказал не оставлять следов.

Неудивительно, что после войны появились разные оценки количества убитых. Число уничтоженных евреев колеблется от четырех с половиной до шести миллионов человек.

Количество евреев, вывезенных в концлагеря из Франции, Бельгии и чешской Богемии, известно точно, потому что сохранились списки.

Польских евреев погибло около трех миллионов (перед войной евреев в Польше было три миллиона триста тысяч), но точная цифра не известна. Сейчас уже ясно, что в Освенциме было убито меньше людей, чем считалось прежде. Но это не значит, что люди выжили, просто их убили в других лагерях.

Хорватский концлагерь Ясеновац. Историки считают, что усташки убили там четыреста тысяч сербов, цыган и евреев. В новой независимой Хорватии уверяют, что в концлагере никого не убивали

Армянские погромы в Турции. Армяне говорят о двух миллионах жертв. Турки настаивают на более скромной цифре в сто тысяч

Общая цифра убитых евреев не вызывает сомнений ни у кого из серьезных историков, занимающихся этим вопросом. Отвергают эту цифру только те, для кого по политическим соображениям исторические факты неприемлемы, — это новые национал-социалисты и их сторонники.

Гриф секретности не снят

Если принять логику этих людей, то придется признать, что почти шесть миллионов евреев покончили жизнь самоубийством или исчезли еще каким-либо мистическим образом.

Всегда находятся люди, которые по тем или иным соображениям отрицают сам факт геноцида. И всегда есть объективные трудности в оценке количества жертв.

Скажем, в сталинские времена утверждалось, что во время войны с Финляндией погибли 48 700 советских солдат. Сейчас появилась другая цифра — 131 тысяча. Но есть основания полагать, что и она занижена.

Вызывает сомнения и названная недавно в книге «Гриф секретности снят» (руководитель авторского коллектива Г.Кривошеев) цифра потерь советской армии в годы второй мировой войны — 8 668 400 человек.

Скорее всего, не учтены определенные категории жертв — пленные, умершие в немецком плену, ополченцы, погибшие при защите Москвы, Ленинграда и Сталинграда.

В догорбачевские времена не было никаких ни официальных, ни неофициальных советских данных, которые позволили бы оценить количество людей, погибших во время гражданской войны, коллективиза-

ции, сколько сгинуло в ГУЛАГе.

Известный русский экономист Наум Ясный, оказавшийся в эмиграции, писал в 1951 году, что в ГУЛАГе не могло быть более 3,5 миллиона заключенных. Эмигранты Даллин и Николаевский, чья книга считается классической, утверждали, что в лагеря попало от 9 до 15 миллионов. Роберт Конквест, автор другой классической книги «Большой террор», называет другие цифры — от 5 до 9 миллионов. У Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ» — 15 миллионов, у Антонова-Овсеенко — 16–18.

В горбачевские времена появились значительно большие цифры. Общее число жертв большевистского режима оценивается в 60, а то и в 100 миллионов человек.

Эта цифра включает в себя и погибших на войне, и умерших от эпидемий, и даже число не родившихся детей.

К сожалению, и по сей день историки не располагают цифрами, заслуживающими доверия. Невозможно определить, сколько именно людей стали жертвами чисток 30-х годов. Если Сталин и получал еженедельные или ежемесячные отчеты об арестах и расстрелах (что очень сомнительно), то эти документы не сохранились.

Глядя со стороны

За пределами Советского Союза за массовым уничтожением людей следили с ужасом. Хотя цифры не были известны, информация о том, что происходило в архипелаге ГУЛАГ, поступала от тех, кто сумел не только вырваться из лагерей, но и перебраться на Запад. Такие люди были. Только преданные коммунисты отрицали само существование ГУЛАГа.

В 70-е и 80-е годы те западные советологи, которые были склонны отрицать тоталитарный характер советского режима, стали утверждать, что значение и масштабы репрессий в Советском Союзе преувеличены.

Эти ученые пришли к выводу, что и пострадало на самом деле значительно меньшее число людей, чем полагали прежде, и вообще в Советском Союзе общество не находилось в состоянии страха перед репрессиями. А чистки были связаны главным образом с борьбой внутри политбюро.

В глазах таких историков свидетельства очевидцев теряли свою убедительность — одни свидетели были слишком втянуты в события того времени, другие, напротив, были от них слишком далеки, третьи, включая Хрущева, который писал в своих воспоминаниях о десяти миллионах узников ГУЛАГа, считались «заинтересованной стороной».

Американский историк из той же научной школы написал, что основную массу населения террор 30-х вообще не затронул, а с назначением в 1938 году Лаврентия Берия на должность наркома внутренних дел репрессии прекратились.

Число жертв террора значительно меньше цифр, которые обычно назывались, хотя бы по той простой причине, что аппарат НКВД был слишком мал, чтобы арестовать такое гигантское количество людей и содержать их всех в лагерях. Короче говоря, после 1938 года Советский Союз стал почти нормальной страной...

Но время для публикации своих изысканий эти ученые выбрали неудачно — они появились в начале горбачевской эры и были через год-

другой опровергнута волной разоблачений внутри Советского Союза, когда стали публиковаться секретные документы сталинского режима.

Незабываемые 30-е

Правда, в самом Советском Союзе тут же прозвучали голоса, протестующие против «фальсификации» либералами из «Мемориала» подлинной истории страны: большинство советских людей жили счастливой жизнью в незабываемые 30-е годы.

В едином строю выступили неосталинисты (вроде Нины Андреевой) и идеологи крайних правых. Скажем, Вадим Кожин написал не так давно в «Народной правде», что «при Сталине и Брежневле наша страна была более цивилизованной, чем теперь».

Историки-ревизионисты, для которых важнее всего принцип — «только не дать себя увлечь эмоциями», вынуждены были, конечно, внести исправления в свои труды и стать осторожнее в формулировках. Но не более того.

Разоблачения преступлений советского режима в 1988–1989 годах они восприняли как эмоциональное преувеличение, которое со временем сменится более спокойным и академическим анализом. Один из этих профессоров призвал коллег к более критическому анализу «сомнительных» свидетельств и призвал равняться на советских историков с их «критическим подходом к достоверности источников».

Неожиданные открытия

Пока ученые-ревизионисты замерли в ожидании лучших дней и более надежных источников, демографы и политологи пытаются анализировать новые цифры, обнаруженные в России.

К сожалению, и эти новые цифры и факты по-прежнему имеют сомнительное происхождение. Те, что введены в оборот критиками режима, все-таки в основном являются примерными оценками или экстраполяциями, хотя в некоторых случаях и основаны на секретных документах. Данные, почерпнутые тем или иным способом из архивов КГБ, по известным причинам тоже вызывают сомнения.

Детальные цифры относительно жертв ГУЛАГа представили В. Земсков и А. Дугин, авторы не очень известные как в России, так и за рубежом.

Оба автора утверждают, что они обнаружили составлявшие ежегодно абсолютно секретные статистические данные о количестве заключенных в ГУЛАГе не в архивах КГБ, МВД и не в так называемом Особом архиве, где хранятся основные документы ГУЛАГа, а почему-

Даже эсэсовская статистика не была точной. В нацистской Германии убивали миллионами

то в архиве Октябрьской революции — неподходящее место для секретных материалов.

Возможно, что им действительно посчастливилось напасть на золотую жилу, но также возможно, что им подсунили поддельную статистику или что эта статистика не полная. Не вызывают доверия их публикации еще и потому, что они появляются в изданиях откровенно антидемократического толка.

Почему Хрущев не верил своему КГБ

Согласно официальным данным представителей госбезопасности, с 1921 по 1954 год по политическим мотивам было казнено 642 980 человек, а всего репрессировано 3,6–3,7 миллиона человек.

Эти цифры впервые называются в секретном письме генерального прокурора СССР Романа Руденко первому секретарю ЦК КПСС Никите Хрущеву от 1 февраля 1954 года.

Если эти цифры верны, почему в своих мемуарах Хрущев говорит о десяти миллионах узников ГУЛАГа?

Земсков объясняет все тем, что Хрущев был тщеславным человеком и в мемуарах пытался приукрасить свою роль как «освободителя». Более логичным представляется другое объяснение: Хрущев писал о десяти миллионах заключенных, потому что по опыту своей долгой партийной жизни знал, что цифрам НКВД–КГБ доверять нельзя.

Дугин приводит такие цифры:
1934 год — 510 307 заключенных
1936 — 839 406
1938 — 996 367
1940 — 1 344 408
1942 — 1 415 596

1944 — 663 594
1947 — 808 839
1950 — 1 416 300
1953 — 1 727 970

К этим цифрам следует добавить число заключенных в трудовых колониях, куда попадали те, кого приговаривали к менее чем трехлетнему сроку заключения, а их было немало: 457 тысяч в 1936 году и 1145 тысяч человек в 1950-м.

В любом случае общее число заключенных не превышало 2,6 миллиона. А до 1948 года осужденных было даже меньше двух миллионов. И лишь меньшинство было осуждено по знаменитой 58-й статье, то есть по политическим мотивам.

Дугин утверждает, что в 1938 году только 12 процентов заключенных были осуждены по 58-й статье.

Если это так, то число политических заключенных измерялось сотнями тысяч, но никак не миллионами.

Две статистики?

В отсутствие надежных данных и свободного доступа к архивам к цифрам Дугина и Земскова на Западе отнеслись более серьезно, чем в самой России, где они были с самого начала поставлены под сомнение: во-первых, по причине сомнительных обстоятельств, при которых они были «найденны», во-вторых, из-за их очевидной политической ангажированности.

Земсков уверяет, что его цифры должны быть точны, поскольку в обратном случае это означало бы, что КГБ на протяжении всей своей истории имел две статистики — одну, правдивую, и одну, сфабрикованную для введения в заблуждение.

Вообще говоря, советская традиция фальсифицировать статистику

Видимо, мы никогда не узнаем, скольких людей проглотил ГУЛАГ

ческие данные настолько хорошо известна, что и такое предположение не должно быть отвергнуто.

Обратимся к немецкому опыту, который может оказаться поучительным.

Первые концентрационные лагеря появились вскоре после прихода нацистов к власти. Сохранились точные сведения о количестве заключенных в первые годы нацистского режима. Скажем, в 1936 году их было 7500, в 1937-м — 10 тысяч.

После присоединения Австрии и Чехословакии, после «хрустальной ночи» — первого крупного еврейского погрома в общегосударственном масштабе — количество заключенных в концлагерях увеличилось до 60 тысяч. К началу второй мировой войны оно упало до 26 тысяч. В каждом из трех крупных лагерей — Дахау, Заксенхаузен и Бухенвальде — было по 5 тысяч заключенных. Существовал один лагерь для женщин — Лихтенбург.

Зато когда началась война, появилось множество новых лагерей, прежде всего вне Германии, и число заключенных стремительно увеличилось. Некоторые из лагерей были трудовыми, остальные превратились в лагеря уничтожения. Освенцим выполнял обе функции. После 1939 года точных цифр уже не найти. Или эти цифры ни о чем не говорят.

Что может сказать нам сообщение о том, что на определенном дне в концлагерях находилось, скажем, полмиллиона человек, если через неделю или месяц треть или половина будут убиты?

Когда концлагеря создавались, их начальники были обязаны сообщать семье о смерти каждого заключенного (причина смерти не указывалась или фальсифицировалась). Во время войны Гиммлер

приказал родственников не оповещать, количество убитых евреев не подсчитывать и вообще искажать все цифры.

А уж в Советском Союзе, где фальсифицировались данные переписи населения, где сознательно искажались географические карты, и вовсе не составляло особого труда «подредактировать» количество уничтоженных и отправленных в ГУЛАГ.

Карлик гестапо и гигант НКВД

Но в любом случае количество репрессированных совсем немало. Даже из цифр, названных Дугиным, следует, что с 1934 по 1953 год через лагерь прошли 11,8 миллиона человек (уголовные и политические заключенные вместе). И сюда еще не входят жертвы коллективизации или насильственной депортации целых народов в годы войны. А также те, кто сидел в тюрьме: их число колеблется от 434 тысяч в 1940-м до 155 тысяч в 1944 году.

Есть еще одно возражение против больших цифр жертв ГУЛАГа — столько людей физически невозможно было держать в лагерях, поскольку не хватило бы охраны.

Точное количество лагерной охраны опять-таки не известно: по разным подсчетам, она составляла от 6 до 25 процентов от общего числа заключенных. Наиболее надежной представляется цифра в 300 тысяч охранников.

Кстати говоря, нацистский аппарат террора был значительно меньше, чем считалось.

В 1991 году, когда КГБ СССР подвергся реорганизации, в нем было 513 тысяч человек.

В гестапо в 1944 году насчитывалось всего 32 тысячи человек, перед

войной гестаповцев было еще меньше. В Дюссельдорфе на четыре миллиона населения в 1937 году в гестапо служил 291 человек. В Эссене (это город, где до 1933 года были сильны позиции левых, как и во всем Рурском районе) на 650 тысяч населения было 43 гестаповца.

Не так уж много было у гестапо и информаторов. Вот типичные примеры. В Средней Франконии с населением 2,7 миллиона человек шесть сотрудников гестапо руководили сетью в 80–100 постоянных осведомителей. Существовали еще «добровольные помощники», которые доносили на своих личных врагов.

Во Франкфурте-на-Майне в городском гестапо были заведены карточки на 1200 осведомителей, многие из которых выступили в этой роли, возможно, всего один раз.

Полезно сравнить аппарат гестапо с министерством государственной безопасности ГДР. В округе Росток, где в 1989 году было 900 тысяч населения, окружное управление госбезопасности насчитывало 3600 человек, им помогало еще 10 тысяч осведомителей. Иначе говоря, аппарат госбезопасности в социалистической Германии был в тридцать раз больше, чем аппарат гестапо в нацистской Германии.

Сила гестапо была не в количестве, а в пугающем ощущении его всемогущества и вездесущности; немцев убедили в том, что никто и ничто не может укрыться от глаз гестапо.

Охрану немецких концлагерей несли отряды СС численностью в несколько тысяч человек. Во время войны, когда количество заключенных резко увеличилось, возросло и количество охраны.

Но в любом случае немецких охранников было значительно меньше, чем конвойных войск НКВД, численность которых достигала 300 тысяч. Этого количества войск НКВД было вполне достаточно для того, чтобы держать под стражей от 2 до 8 миллионов заключенных.

В отсутствие возможности проверить правильность называемых сейчас гулаговских цифр нужно очень осторожно относиться к статистике, обнаруживаемой в Москве не без содействия госбезопасности.

Если в расследовании тайны убийства Сергея Кирова мы сейчас не ближе к истине, чем десять или двадцать пять лет назад (возможно, мы никогда не узнаем правду), то навряд ли нам суждено узнать всю правду о репрессиях и о ГУЛАГе.

ВАШИНГТОН

Эта статья — отрывок из новой книги «Россия: подведение итогов», над которой работает профессор Уолтер Лакер.

Бьют и плакать не дают

Бенедикт Сарнов

В конце минувшего года «Литературная газета» опубликовала статью Ильи Константиновского на неумирающую и нестареющую тему: об антисемитизме.

Речь, правда, в этой статье шла не об антисемитизме вообще, а о сегодняшних, отчасти новых для нас формах антисемитизма, вырвавшегося на улицу и представшего перед нами уже без привычных эвфемизмов типа «Космополиты безродные!», «Сионисты!», а в самом что ни на есть прямом и откровенном словесном выражении: «У-у, жиidy!», «Гитлера на вас не ту!..» И был там, в этой статье, между прочим, такой пассаж. Обернувшись в очередной раз вот на такие злобные выкрики, автор взгляделся в облик кричавшей женщины и ужаснулся! Понял, что перед ним — явно больной человек. Больной не только физически, но и душевно...

Вопрос к психиатру

Прошло две недели, и в той же «Литературке», в рубрике «Читатели о газете», появилось письмо читателя из города Новокузнецка, автор которого поделился с редакцией своими чувствами по этому поводу. «Неприятно резануло в статье, — признавался он, — описание юдофобки». Приведя несколько особенно больно задевших его фраз из этого описания («Ужасно отечное лицо... распухший живот и слоновьи ноги. Дебилка. Возможно, от рождения»), читатель из Новокузнецка завершал свое письмо таким категорическим выводом: «По-моему, подобные статьи оскорбительны по своему содержанию для русского человека».

Прочитав это, я изумился. Вне зависимости от того, прав или не прав Илья Константиновский в своем «диагнозе» (очень может быть, что не прав, он ведь не психиатр, да и психиатр, быть может, не сразу в состоянии определить, является ли дебил от рождения тот или иной его пациент), — так вот, вне зависимости от того, на самом деле дебилка эта описанная Константиновским женщина или нет, относящаяся к ней фраза ну просто-таки никак не может быть воспринята как оскорбительная «для русского человека». Скорее, наоборот! Ведь фраза эта как раз предполагает, что иступленным, истерически злобствующим (до пены на губах) антисемитом может быть только «дебил от рождения». А это значит, что нормальный, душевно здоровый человек на такую, по мнению автора, патологическую реакцию заведомо не способен.

Выходит, что фраза, так сильно задевшая читателя из города Новокузнецка, не только не содержит в себе ничего оскорби-

тельного «для русского человека». Не за «русского человека» оскорбился автор письма, а за антисемита.

Куда протырились?

Таких оскорбленных, или, скажу мягче, обиженных, откликов на бестактное поведение снова поднявших голову евреев в последнее время появляется в печати все больше и больше. Подчас эта обида — когда лицемерно, а когда и искренно — выдается за заботу о них же, о евреях то есть: как бы, дескать, им от такого их бестактного поведения не стало хуже.

Из всех откликов такого рода особенно запомнилась мне статья обозревателя журнала «Столица» Валерия Кичина, которая так прямо и называлась: «Бестактность!»

Речь в ней шла о том, что власти Москвы предоставили возможность религиозным московским евреям отпраздновать праздник Хануки в Кремлевском Дворце съездов. Стоило ли, писал по этому поводу Валерий Кичин, звать иудеев на их религиозный праздник «в самое сердце православной святыни». Такая бестактность, предрекал он, ни к чему хорошему не приведет: вызовет новый, «очередной взрыв антисемитизма».

Не скрою, прочитав эту статью, я грешным делом сперва подумал: а и в самом деле нехорошо! Не потому, что убоился очередного взрыва антисемитизма, а потому, что на меня — каюсь! — произвели некоторое впечатление слова Валерия Кичина насчет «самого сердца православной

**За что
обиделся мой
контуженый
однокурсник
Вася Малов на
другого
нашего
однокурсника,
которому и
пустил юшку
из носа?**

святыни». В самом деле, мелькнула мысль, пусть бы себе евреи в свой праздник лучше плясали где-нибудь около синагоги. Этак оно было бы тактичнее.

Но, поразмыслив немного, я задал себе такой вопрос. Допустим, не евреи, а, скажем, татары или узбеки вдруг вознамерились бы отметить в Кремлевском Дворце съездов какой-нибудь свой национальный (пусть даже религиозный) праздник. Вызвало бы это у меня такую же реакцию? Положа руку на сердце, вынужден был ответить: нет, не вызвало бы. Даже в голову не пришло бы ни возмущаться, ни опасаться, что мероприятие это приведет к «очередному взрыву» антиатарских или антиузбекских настроений.

Да ведь и устраивались же, и притом неоднократно, в этом самом Дворце съездов всевозможные национальные празднества по поводу разных декад — то туркменского, то азербайджанского, то таджикского, то еще какого-нибудь национального искусства, и никто никогда не поднимал по этому поводу никакого шума. Никто никогда (не только публично, но даже и кулуарно) не называл это бестактностью и не вспоминал при этом, что дело происходит «в самом сердце православной святыни».

Суть, стало быть, не в том, что «в самом сердце православной святыни» вдруг оказались иноверцы, а в том, что в это «сердце» явочным порядком протырились именно евреи.

«У меня полчерепа нету!»

За что же именно евреи удостоились такого повышенно-ревнивого внимания? Почему именно и только они должны проявлять какую-то особенную осмотрительность и поминутно оглядываться, чтобы не совершить ненароком какую-нибудь очередную «бестактность», не оскорбить неосторожным жестом или поступком чью-нибудь болезненно ранимую, не в меру чувствительную душу?

Как это ни грустно, я вынужден признать, что высказанные Валерием Кичиным опасения, будто какой-нибудь своей так называемой «бестактностью» евреи и впрямь могут вызвать очередной безобразный взрыв антисемитизма, увы, не лишены оснований.

Однажды я был свидетелем как раз такого случая.

В Литературном институте, где я учился, был на моем курсе студент Вася Малов. Человек он был тяжелобольной. То ли от рождения, то ли вследствие тяжелого черепного ранения, полученного на войне (он иногда в пылу какого-нибудь спора выкрикивал: «У меня полчерепа нету!»), он страдал тяжелыми припадками эпилепсии. Поэтому с ним все

старались держаться осторожно, чтобы как-нибудь ненароком не задеть и не вывести его из себя.

И был на нашем курсе другой студент — человек кроткий и миролюбивый, но на свою беду обладавший ярко выраженной еврейской внешностью. И вот однажды непонятно как и почему вдруг возбудившийся Вася Малов ни с того ни с сего подбежал к этому тихому и безответному человеку и с диким воплем: «Ах ты, жидовская морда!» — со всего маху врезал ему по носу.

Жидовская морда пострадавшего мгновенно залилась кровью. Малова схватили за руки, оттащили, как-то там успокоили. Пострадавшему оказали первую помощь. На том бы делу и кончилось. Но, по

скольку скандал был публичным, возникло персональное дело. Вы думаете, может быть, что это было персональное дело Васи Малова, которому общественность решила за учиненный им мордобой сделать вытк по партийно-комсомольской линии? Не тут-то было! Героем «персонального дела» стал не Малов, а его жертва. Да, да, тот самый тихий и кроткий студент, который ни за что ни про что схлопотал от Малова по роже. Именно ему устроили суровую общественную проработку и объявили строгий выговор с предупреждением и занесением в личное дело. Вина его, как это было доказано в ходе того комсомольского собрания и записано в протоколе, состояла в том, что он «спровоцировал русского человека на хулиганский поступок».

Всяк сверчок...

Если быть совершенно честным, следует признать, что он его действительно спровоцировал. Чем? Своим еврейским носом. Нос этот и в самом деле был так велик и имел при этом так резко бросающуюся в

глаза крючковатую форму, что истинно русскому человеку просто невозможно было удержаться, чтобы не пустить из этого омерзительного еврейского носа юшку.

Было это в 1949 году, в пору кампании по борьбе с космополитизмом. И я, конечно, не стал бы вспоминать эту давнюю историю, как ни ярка и ни красноречива она сама по себе, если бы все дело сводилось только к тому, что и сегодня находятся у нас люди (притом власть имущие), готовые оправдать самые дикие антисемитские выходки.

Поразительная лояльность наших властей по отношению к откровенным фашистам — это особая, другая тема. Не могу сказать, что она совсем меня не волнует. Но горздно

больше меня волнует стремление по-человечески понять антисемитов и даже посочувствовать им, выражаемое порой отдельными представителями нашей интеллектуальной элиты. Я имею в виду не какого-нибудь там Шафаревича. С ним (и такими, как он) давно все уже ясно. Речь о тех, кто никакими намеками на зловещую роль «малого народа» в истории нашего отечества себя не замарал.

Вот, например, статья Александра Архангельского, появившаяся сравнительно недавно, — заметьте, не в «Нашем современнике» и даже не в «Новом мире», что меня тоже особенно бы не удивило, а в более чем уважаемом, выходявшем до недавнего времени в Мюнхене, последовательно демократического направления журнале «Страна и мир».

Статья называется «Чистая книга» и посвящена анализу и оценке книги Аарона Штейнберга «Друзья моих ранних лет», изданной в Париже «Синтаксисом» в 1991 году.

От книги Аарона Штейнберга Александр Архангельский просто в восторге. А светлая личность ав-

тора этой книги его восхищает и умиляет до чрезвычайности. Особенно же умиляет и восхищает его глубокая убежденность Штейнберга в том, что «равноправное вхождение еврея в состав русской культуры, полное слияние с нею или, как в случае Льва Шестова, полууход в нее означает измену е в р е й с к о м у призванию и в конечном счете невозможность глубинного соучастия в призвании — р у с с к о м... Незачем сворачивать с тропы, от рождения заповеданной Богом, чтобы разделить тяготы чужой дороги...»

В переводе на язык родных осин это означает, что всяк сверчок должен знать свой национальный шесток. И ежели ты родился евреем, так и нечего тебе соваться в русскую культуру.

Лукавый гоголевед

Именно таким (то есть не сующимся), развивает свою мысль Александр Архангельский, и был «прямой и последовательный выбор Аарона Штейнберга, «иудея, в котором нет лукавства», если воспользоваться евангельской формулой».

Итак, Аарон Штейнберг — это хороший еврей, поскольку он — «иудей, в котором нет лукавства». А бываю, значит, и плохие евреи, этого самого лукавства отнюдь не лишены. Такие, как, например, вышеупомянутый Лев Шестов, не ставший подписывать свои сочинения фамилией, доставшейся ему от родителей (Шварцман), а взявший себе русский псевдоним, давая тем самым понять, что желает войти «на равных» в русскую культуру. Называет Архангельский и других «лукавых иудеев». Таких, например, как Бенедикт Лившиц и Борис Пастернак. Те не просто хотели войти в русскую культуру «на равных», но стремились даже слиться с нею, полностью в ней раствориться.

Не говоря о таких «лукавых иудеях» ни одного худого слова, автор статьи в то же время даже и не думает скрывать, что ему гораздо милее позиция Аарона Штейнберга. И объясняет, чем именно она ему так мила: «...На ту любовь к России, что явлена в «друзьях моих ранних лет», человек русской культуры не может не ответить любовью. Не только к самому мемуаристу, но и к национально-культурной традиции, полновесным носителем которой он (как и все люди его типа) себя ощущал. Традиции еврейской. Книги, подобные рецензируемой, достигают без всяких усилий того, к чему никогда не приведут раздраженные (и раздражающие) порицания извечного русского антисемитизма».

Вот мы и приехали!

Чтобы не оставалось никаких сомнений насчет того, что именно в писаниях некоторых «лукавых иудеев» представляется ему особенно «раздраженным и раздражающим», Александр Архангельский приводит такой конкретный факт: «Самый горький для меня пример — цикл публицистических статей прекрасного гоголеведа Юрия Манна, опубликованных в «Известиях» за 1991 год».

Если кто пропустил или забыл, о чем писал в этих своих статьях «прекрасный гоголевед Юрий Манн», напомню. Там говорилось, что в стародавние времена русский интеллигент не подавал руки тому, кто был изобличен в иудеобстве. Только об этом. И больше ни о чем.

«Ты понял, гад?»

Случилось так, что как раз в те дни, когда мне попала на глаза эта статья Александра Архангельского, я получил письмо. Анонимное. Вместо обратного адреса на конверте стояли четыре буквы: РНОД. Буквы, как выяснилось из текста письма, расшифровывались так: «Русское на-

родно-освободительное движение».

Само письмо, написанное нарочито корявыми каракулями, содержало весь набор фашистской эмблематики и фразеологии. Были там и свастика, и виселица, на которой была вздернута шестиконечная звезда, и сапог со свастикой, раздавливающий такую же шестиконечную звезду, и лозунг «Хайль Гитлер!».

Начиналось письмо таким ласковым обращением: «Грязная жидовская свинья! Ты нас довел...» А дальше, чтобы не оставалось уже никаких сомнений насчет того, чем именно адресат (то есть я) довел авторов этого послания, там говорилось: «Хватит печатать в «Огоньках» и «Литгазетах» свои воюющие статьи — они нас раздражают! Ты понял, гад?»

Любопытная получается картина, подумал я, сопоставив это письмо с только что прочитанной мною статьей Александра Архангельского.

Мои статьи, изредка появляющиеся в «Огоньке» и «Литгазете», раздражают откровенных фашистов, рисующих виселицы и свастики и угрожающих сделать мне, как они изрядно выразились в том же письме, «обрезание головы». А статьи Юрия Манна в «Известиях» раздражают высококолого русского интеллигента Александра Архангельского. Неужели их раздражает одно и то же?

Не скрою: предположение это даже и меня самого слегка шокировало.

И тем не менее приходится признать, что дело обстоит именно так. И поскольку ни я, ни Юрий Манн ни в какой «русифобии» никогда замечены не были, остается предположить, что это их раздражение проистекает из того же источника, из которого проистекает раздражение Васи Малова, съездившего по морде ни в чем не повинного своего однокурсника.

По-русски это называется — бьют и плакать не дают! Тот, кто бьет, имеет право снисходительно напомнить о своем былом великодушии. А тот, кого бьют, должен молчать в тряпочку. И, если он будет вести себя соответственно, его, может быть, даже и бить не станут. Ограничатся тем, что милостиво прощадят, как бессмертный гоголевский персонаж: «Чего же ты стоишь? Ведь я тебя не бью!...»

Сознаю, что мое возмущение статьей Архангельского кое-кому может показаться непомерно преувеличенным. Но я остаюсь при своем. С чего начал, тем и кончу. Любая, даже самая неуклюжая попытка осудить антисемитизм может раздражить только того, кто сам, быть может, даже этого и не сознавая, затронут иудеобскими настроениями. Нормального, душевно и нравственно здорового человека это раздражать не может.

Рисунки Марата Таирова

КРЕЙТ

*Профессиональные системы,
доступные всем*

- КОМПЬЮТЕРЫ И ЛОКАЛЬНЫЕ СЕТИ
- КОМПЛЕКТУЮЩИЕ И МИКРОСХЕМЫ
- РЕМОНТ И СЕРВИСНОЕ
ОБСЛУЖИВАНИЕ
- УСТРОЙСТВА SCSI
- ВИДЕОСТУДИИ
ВЕТАСАМ SP, S-VHS
- ВИДЕОКАССЕТЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
ФОРМАТОВ

(095) 212 - 21 - 37

- КОМПЬЮТЕРНАЯ
ГРАФИКА
- ВИДЕОРЕКЛАМА

С.-ПЕТЕРБУРГ

FAX: (812) 312-4312

TEL: (812) 311-1301

HEWLETT
PACKARD

SONY®

adaptec

Quantum

Commodore AMIGA

209-95-81 RUSSIAN
209-76-52 PRESS
200-21-10 SERVICE

ТЕЛЕФОН: (095) 288-74-22.

П Р О Д А Е Т С Я
Ч А Й
ЦЕЙЛОНСКИЙ

в картонных пачках по 100 гр.
(фасовка на Цейлоне)
со склада в Москве.

Цена: 2250 рублей за 1 кг.

**ЖЕВАТЕЛЬНАЯ
РЕЗИНКА**

12 рублей за кубик.

ТЕЛЕФОН:
(095) 288-74-22.

Церковь Воскресения «Что на музыке»

Уездных городов предводитель

Георгий Осипов

Про талантливого человека скажут: музы улыбались над его колыбелью... А вот кто улыбается (или хмурится) над «колыбелями» городов? Для начала, быть может, природа? Если так, то она посмеялась от души, придав длинному полуострову, на котором стоит Осташков, форму апеннинского «сапожка» и прилепив к нему — для вящего сходства — два небольших островка.

Потом, видимо, пришла охота пошутить истории. Полуостров был издревле обитаем (рядом проходили новгородские торговые пути), и населяли его люди зажиточные и мастеровитые. Чему свидетельством два великолепных храма XVII века на главной городской площади и известный случай, когда шведы обратились к Петру I с просьбой прислать опытных рыбаков, так сказать, для передачи передового опыта. Специальным решением Иностранной коллегии в Стокгольм отправлены осташи — так с давних пор называли себя жители слобод. Именно слобод, поскольку по иронии судьбы до конца XVIII века Осташков даже не считался городом и только Екатерина II одарила его этим высоким статусом.

Тут уже стало не до шуток, и на берега Селигера прибыл строгий, как дорический ордер, петербургский зодчий Иван Старов, натянувший на осташковский «сапожок» сеть регулярной планировки: улицы

— вдоль, улицы под прямым углом — поперек, и куда ни глянь — везде вода...

Гражданин, а не Прошка

Обзавелся Осташков даже собственным городским гимном на слова знаменитого литератора Лажечникова («От конца в конец России/ Ты отмечен уж молвой,/ Из уездных городов России/ Ты слышишь передовой») и рос так быстро, что даже почтенный словарь Брокгауза и Ефрона не без удивления отмечал: «Многие общественные учреждения основаны здесь ранее, чем в каком-либо другом уездном городе России. Воспитательный дом (1773) — после столичных — самый старей в России...»

На образование в Осташкове денег не жалели никогда. Скажем, в 1895 году городской бюджет был сведен с дефицитом в 88 (!) рублей и более четверти расходов — 25 998 рублей — составили затраты на школы (можно ли вообразить что-либо подобное в наши дни?). «Грамоте знали» в Осташкове более 90 процентов мужчин и более 80 процентов женщин. И не мудрено, что в одной из книг об Осташкове прошлого века (а из них можно составить целую библиотеку, ибо вниманием пишущей братии селигерская столица не была обижена никогда) мы читаем: «Почему осташковская мещанка, кончив дневную работу, надевает кринолин и идет к своей соседке, такой же сапожнице, и там ангируется каким-нибудь галантным кузнецом на тур вальса или идет в публичный сад слушать музыку, а какая-нибудь ржевская или бежецкая мещанка, выпавшись вплотную на своей полосатой перине, идет за ворота грызть орехи и ругаться с соседками? Почему вышневолоцкий сапожник сошьет сапоги из гнилого товара и еще на чаек за это попросит, а осташковский сошьет хорошие сапоги и вместо чайку попросит почитать книжечку? Почему остах называет себя гражданином, а не Митькой, Прошкой и т.д.»

Было у России две столицы — Петербург и Москва. Но существовала и уездная, во многих отношениях образцово-показательная...

Дать объективный ответ на этот вопрос автор — известный бытописатель середины прошлого века Василий Слепцов — так и не смог. В его книге («Письма об Осташкове») немало метких и верных наблюдений, но вместе с тем жесткий политический ангажемент корреспондента леворадикального «Современника» повелевал обличать и клеймить, и Слепцов не нашел ничего лучшего, как сравнить Осташков с тяжелобольным, покрытым густыми ругьями.

Но если уж Осташков — с его «образцовой» застройкой, очаровательным театром (труппа основана в 1805 году), библиотеками, сапожниками-книголюбцами, тачавшими знаменитые на всю Россию белые сапоги-«осташи» из конины, город, прощаясь с которым император Александр I плакал, — «тяжелобольной», то что же тогда прочие уездные города, из которых вышли многие из тех, кто составил славу России? Почву, на которых они возросли, слагало множество «микроэлементов», многие из которых современный глаз

давно отучился различать, — от многолетнего подвижничества земской интеллигенции до исторического, географического и даже топонимического облика уездных городков. И вырастала на этой почве не ходячая сумма обрывочных знаний, а образ мысли и действия, приносившие пользу не только их обладателю, но городу и миру.

В большевистское лихолетье Осташков пострадал не очень сильно. Все те же особнячки-боровички весьма почтенного возраста под разросшимися деревьями и храмы с колокольнями по-прежнему отражаются в непривычно чистых водах Селигера, пока еще изобильных подзабытой на Руси рыбой. Чистота Селигера, впрочем, легко объяснима — на его берегах обожала селиться советская номенклатура всех поколений. А где номенклатура — там и тайны.

Дачи НКВД на костях поляков

Если идти по озеру от осташковской пристани, никак не минуешь самый большой на Селигере остров — Градомлю, покрытый густым сосновым лесом. Когда-то на берегу крохотного озера в чаще был скит для самых «сподобившихся» монахов, а вскоре после второй мировой войны «в затвор» на Градомле ушли люди совсем иного свойства — взятое в плен КБ знаменитого немецкого ракетного конструктора Вернера фон Брауна.

Многие могли бы рассказать градомльские сны о рождении советских ракетных программ, но пока молчат и словно указуют ветвями на лежащий чуть поодаль самый знаменитый селигерский остров.

Дотошный и сухой, как селигерская вобла, историк наверняка сказал бы так: в 1594 году пришел на остров Столобный, что в 15 километрах от Осташкова, отшельник Нил и основал монастырь, названный впоследствии его именем. А мне донныне чудится, что неведомым ветром занесло на остров зернышко от «стройного и строгого» колоса по имени Санкт-Петербург и пышно проросло оно гранитом набережной, бестрепетным классицизмом пристани, прихотливою готикой гражданских строений и, наконец, оглушительною мощью главного храма — в Ниловой пустыни осуществили один из отвергнутых проектов Исаакиевского собора.

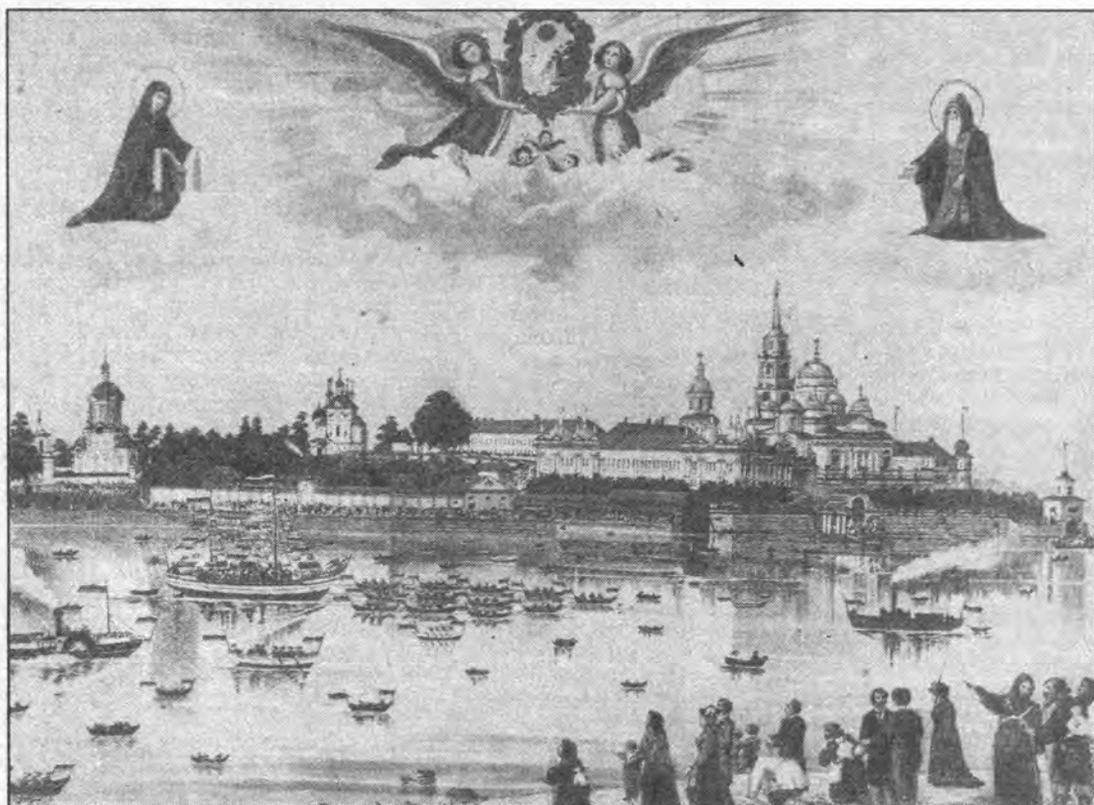
И непривычною для средней полосы яркостью красок блистало озеро и монастырский ансамбль, когда всякий год 27 мая старого стиля только что не весь Осташков плыл крестным ходом на Столобный остров. Но от монастырских флотилий, как от динозавров, даже скелетов не осталось, а яркость красок постепенно вылиняла до желтизны энкавдистских сопроводиловок, гласящих, что всего через Осташковский лагерь (Нилова пустынь) прошла 15 991 заключенная душа. 9413 поляков — а это были

именно они — отпустили в октябре 1939-го, и на 1 декабря того же года их оставалось за монастырскими стенами 5963. В апреле следующего года в Калинин были вывезены и расстреляны в подвалах НКВД 6287 человек. Трупы закопали в районе дач НКВД под Медным. В 1991-м там начались раскопки, а в апреле 1992-го у основания перешейка, насыпанного пленными поляками и соединившего Столобный с материком, встал черный и немой католический крест.

А вконец разоренный монастырь вернули изначальным владельцам. Его настоятель, отец Вассиан, разрываясь между обителью и городским осташковским храмом, а нынешняя братия — 2 монаха и 4 послушника — особой общительностью не отличается, и понять их нетрудно: репортеры, туристы и просто праздничношатающиеся, особенно летнею порой, минут, а им оставаться наедине вовсе не с естественными (хотя и неведомыми) лесами, окружавшими подвижников былых времен, а с давно забытыми и покинутыми гигантскими зданиями. Лихому селигерскому ветру и вышибленное окно — дверь, и гоняет он верстами опустевших коридоров то стай ворон, то труху рассыпающихся балок, то клочки чьих-то записей на полуистлевших обойных клочках, а то и особенно остро ощущаемую здесь лагерную пыль...

Музыкальный сезон «на водах»

Сравнение Осташкова с Венецией

Крестный ход в Нилову пустынь в начале века. Здесь уже в веке нынешнем закончился крестный путь польского офицера

стало журналистским штампом едва ли не в XVIII веке. Но лишь в конце XX всерьез задался вопросом: да что это за Венеция без музыки?

Все началось достаточно случайно, с летнего концертного сезона «на водах», организованного в 1988 году при поддержке и покровительстве певицы Ирины Архиповой.

Поначалу местная публика опалливо косилась, и на концерты заглядывали разве что заезжие туристы-«дикари». Но очень скоро Осташков, которому три четверти века снилась слава того, казалось бы, навек канувшего на дно Светлогора-Селигера города, проснулся.

Помню, в 1991 году начало четвертого осташковского музыкального сезона совпало с лютым пьяным побоищем в другом тверском уездном городке — Кашине, где местные жители в очереди у водочного заводика кинулись резать граждан «нерусско-язычной национальности», а милиция на въезде в город проверяла у всех пресловутый «пятый пункт». Не составит труда увидеть в этом символ нынешнего бытия, тем более что драка — вещь, более чем реальная, а духовное возрождение для тех, кто уповает лишь на чудо, тайну и авторитет, есть, по слову Гоголя, лишь один не осязаемый чувствами звук.

Но я бы показал скептикам лица празднично одетых осташей, что в дни концерта тянутся длиннющими веренищами по всем городским «перспективам» к Воскресенской церкви, в 400-местной трапезной ко-

торой свободных мест не бывает. Я бы показал им шести-семилетних падалят, что тащат на концерты охапки цветов из собственных садов и сидят по двое-трое на одном стуле (пусть даже исполняется сложнейшая программа, вроде испанской музыки XV века); ребят постарше, что «за бесплатно» слушают музыку у раскрытых окон храма. Эти уже навряд ли проломают друг другу головы в пьяной драке....»

Уже не первый раз из Твери острожно предлагают: может, на один год перерыв сделаем, времена, мол, сами понимаете, — а из Осташкова невозмутимо отвечают, что формы проявления народного гнева в этом случае будут, как говорится, непредсказуемы. И достаточно взглянуть на Осташков не в разгар лета, а в сиротское и сырое межсезонье, когда город становится чем-то похож на врасплох застигнутого первой порошей русака, чтобы понять, что не слишком преувеличивают те, кто говорит, что осташи стали жить «от музыки до музыки».

Осташковские прожекты

Коренной осташ издавна обладал — и это замечено всеми наблюдавшими — основательной, почти эпической природной невозмутимостью. Она сохранилась в генах и поныне, и поэтому вообразить в Осташкове столичные неврастенические всплески — от транспортных до митинговых — невозможно, чем где-либо.

Но не она ли причиной и тому, что остахам трудно расстаться с живучим советским мифом о том, что город, пусть самый малый и самый живописный, без промышленности — не город, понять, что благодаря реликтивно-чистому озеру и уникальной городской застройке можно существовать одним туризмом. А доставшийся «по наследству» от старого Осташкова кожевенный завод, производящий популярные у приезжих кошельки и бумажники из натуральной кожи, может быть в том неплохим подспорьем. Сохранились в

Осташкове в немалом числе и старинные, основательные, но давно покинутые дома, спасти которые городу сейчас явно не по средствам. (Например, на древней и не самой длинной в городе Евстафьевской улице таких зданий три.) Не сомневаюсь, что приснопамятный городской голова Савин, с которым связан «золотой век» Осташкова, не стал бы велеречиво рассуждать о «распродаже» национального достояния, а продал бы или сдал в долгосрочную аренду при условии реставрации эти дома солидным фирмам, чтобы и их людям не ломать головы, куда податься в отпуск (в Прибалтике — за граница, на Кавказе — война, в Крыму — вообще купоны), и городу был бы очевидный прирост. И не только старинные особняки, но и тюрьму городскую, что на Ленинском проспекте, отдал бы переделать под гостиницу — что она, сердешная, уж не первый год без окон да дверей мается? Да и музыкальные фестивали, подобные осташковскому, во всех «нормальных» странах приносят немалый доход.

А на отсутствие коммерческой хватки в Осташкове не жаловались никогда — когда-то на 12 тысяч жителей было 437 торговых заведений, да и сейчас коммерческих палаток по небольшому городку разбросано необычное множество. Причем некоторые, обращенные витринами, как положено, на улицу, хитро «встроены» в ограды частных домов. Ассортимент и цены не слишком отличаются от магазинных, зато — круглосуточно.

Уезжал я из Осташкова в самый разгар весенних каникул, и на водоразделах океаноподобных луж, какие только в русской глубинке и встретишь, восседали простуженными, но не теряющими оптимизма воробьями осташи на склоне первого десятка лет и торговали чем Бог пошлет. И вдруг из пестрой кучи обычного толкучечного, тряпочно-сувенирного барахла вынырнула книжка в темно-зеленом переплете. Бонаventura. «Ночные бдения». Я купил, открыл наудачу: «...Что мне сказать о вас, государственных деятели, сводившие человеческую природу к механическим принципам? ...Как намерены вы теперь расставить опустошенные вами человеческие образы, чью выпотрошенную оболочку вы умели использовать, умертвив предварительно дух?»

Но нынешний Осташков, кажется, вполне отчетливо доказывает, что государственным деятелям, к счастью, уже не вполне подвластно опустошение «человеческих образов» и их духа, а коли так, то, возможно, еще не один российский «самодержец» прослезится при прощании с селигерской столицей...

Фото автора

Стакан с винтом

Вячеслав Басков

Из всех столовых приборов для нас важнейшим является стакан. Знающий человек возразит, что стакан не прибор, а посуда. По Оуэну и Сен-Симону он, возможно, и посуда, но участь его — приборная.

Посетители с небывалой энергией приватизируют не только вилки и ложки (о ножах просто молчу), но и стаканы. Приватизация стаканов опередила все другие приватизации. На обычном подносе умещается ровно 20 стаканов. В десяти столовых и кафе, где я побывал, ежедневно пропадает по подносу стаканов. В некоторых — по полтора подноса, то есть по 30 штук.

Москва наелась. Общественное питание, которое создавалось в согласии с высокими принципами социалистов-утопистов, кончается на наших глазах из-за недемократично высоких цен. Редкие посетители уносят последние приборы. Есть нечем.

Чашечка компота

Самый необычный способ сохранения стакана я встретил в Вильнюсе. Там к автоматам с газированной водой стаканы привязывают. Крепление круглого, стекляннoго, сужающегося книзу и расширяющегося кверху сосуда, на котором не за что зацепиться, разработано, несомненно, передовой инженерной мыслью.

На стакан, в том месте, где у него должна быть талия, надевается резиновый обруч. На этот обруч надевается стальной обруч с ушками. В ушки продевается винт, на винт накручивается гайка. Обруч стягивается. К стальному обручу приварено колечко. От колечка к автомату с газировкой тянется стальная цепь.

Недостаток этого талантливoго инженерного решения в том, что оно, к сожалению, пригодно лишь для автоматов с газированной водой. В общественном питании стакан на цепь не посадишь. В одном маленьком, но вполне западном кафе в самом центре Вильнюса я пил компот из кофейной чашечки.

— О, стакан нет давно! Я вам наливать не одна, а две чашечки компоту! — грустно улыбалась хозяйка кафе.

Яичницу я ел чайной ложечкой.

— О, вилки давно вороваль! Унести! Тю-тю!..

Приватизация вилок

За семьдесят лет советской власти московские повара отчаялись до того, что приборы уже не считают. Их заказывают предприятиям не на «ложки», не на «вилки», не на вес, а гораздо проще: на деньги. Точно установить, сколько же вилок и ложек пропадает, оказалось невозможно.

Теперь есть что есть. Но нечем

Начальник отдела развития материально-технической базы, новой техники и оборудования московского департамента потребительского рынка и услуг Вячеслав Климов не понял, каких цифр я от него добиваюсь. Он переадресовал меня к директору торговой базы «Сухаревка» Маргарите Свириной. Но и директор, и ее заместитель Галина Афанасьева со всей искренностью уверили меня, что цена алюминия скачет и по деньгам вычислить количество предметов чрезвычайно трудно. Потери перестали считать и перевели все в деньги для спокойствия души еще в эпоху развитого социализма.

Именно тогда, опережая мудрые решения правительства о приватизации государственной собственности, приватизация ложек и вилок пошла полным ходом. Нынче она закончена. Как выкручиваются столовые и кафе, руководители не знают.

Большое тесто

Первым делом я отправился по вокзалам. И увидел, что происходит, когда государственное общественное питание погибло, частное еще зарождается в муках, а человека, готового к посещению частного кафе, тоже еще нет — он думает, что все столовые и кафе по-прежнему государственные: этот не готовый к вхождению в рыночную экономику человек ест... руками.

Лучше всех это объяснила директор ресторана на Ленинградском вокзале Надежда Коннова.

— Все, что нужно есть вилкой или ложкой, мы запекаем в тесто, — весело сказала она. — Это очень удобно. Котлета в

тесте, сосиска в тесте, фарш в тесте. Все — в тесте! Приборы ушли в прошлое.

По Ленинградскому вокзалу — и по городу тоже — теперь ходят женщины и мужчины, которые едят на ходу изделия из теста. Один молодой человек кусал четвертинку черного.

Ресторан Ленинградского вокзала имеет 5 буфетов и 3 палатки. Возле них нет столиков. Все запечено в тесте, поэтому и столики ни к чему. Осталось только одно место, где люди еще по старинке сидят за столом и едят из тарелок. Это сам ресторан: величественный зал, прежде недоступный толпам желающих кутнуть. Их, помнится, сдерживал швейцар. Ныне ресторан заканчивает свой долгий, славный век. Сюда больше не ходят. В дверях вместо швейцара меня встретили гладко выбритый метрдотель и официантки. Они стояли. Ждали людей. Но пришел корреспондент. Люди ходили по мраморным залам и жевали тесто.

Томаты Марины К.

А ресторан на Казанском вокзале свою историю уже закончил. Где был роскошно расписанный ресторанный зал величиной с казарму, там бар вырос. Возле бара несколько столиков. В баре продают отварные сосиски под томатной подливой. Кое-где за столиками стоят люди и едят сосиски руками. Они макают горячие сосиски в томатный соус. Сосиски подают на одноразовых тарелочках. Но это еще ничего, это вершина сервиса.

В палатках, которые выстроились вдоль стены третьего (кассового) зала, продают жареную курицу, жареную рыбу и отварную вареную колбасу. Естественно, приборов нет. Все это едят руками. Но там даже столиков нет.

Купив жареную рыбу с куском хлеба, человек отходит и озирается: куда бы пристроиться? Напрасно ищет: он оказывается в гуще людей, идущих к кассам, его толкают, его ругают, его отпихивают...

На втором этаже Казанского тоже есть буфет. Но есть там нечего ни руками, ни ногами: он закрывается на обед как раз с 14 до 15 часов.

В первом зале, куда пускают по предъявлению билета на поезд, предприниматель Марина К. открыла буфет. В центре зала, где прежде стояли ряды скамей для транзитных пассажиров, вырос буфет. Это металлическое сооружение довольно сложной конфигурации. Это как бы кафе-веранда, но только без скамеечек. Архитектор нарисовал очень много столиков. Столики — то есть горизонтальные перекрытия — остались на ватмане. А наяву торчат металлические конструкции

без перекрытий. Столики стоят лишь по периметру кафе-веранды. Это чтобы лишнего не вытирать, а то набегут со своей едой. Для малого числа покупателей хватает и малого числа столиков.

Марина К. продает отварные сосиски с ложкой раздавленных помидоров. Богатые пассажиры макают руками горячие сосиски в помидоры. Любопытно, что в баре, который вырос на месте ресторана, продают сосиски с томатной подливой, а в кафе с давленными томатами. Но и бар, и кафе-веранда принадлежат одной Марине К., о чем извещают светящиеся вывески. Вероятно, Марина К. считает, что это и называется кулинарным разнообразием.

Пикник на полу

Только остовы от столов остались в буфете № 3 Ленинградского вокзала. Как только поставишь столы, к ним стекаются со своей провизией. А убирать должны буфетчицы. Так что пассажиры сидят в креслах и едят свою чемоданную еду на коленях. Если кресла заняты, то садятся на пол, стелят газетку. Очень удобно. На пикнике тоже, между прочим, ни столов, ни стульев нет.

Российские пассажиры всю жизнь ездят со своей едой. Деньги экономят. А вокзальный сервис только для тех, кто пользуется рестораном и его палаточными филиалами. Не хочешь есть на полу? Не вози еду с собой. Заходи в ресторан, кафе, садись, становись за стол, плати — и ешь наши сосиски, макая их в соус или в томатную мякоть. Это справедливо и не ущемляет ничьих прав. Все равно же свое из чемоданов тоже едят руками. Руками же едят!

Но на площади трех вокзалов есть два заведения, где людям дают ложки. В кафе-гриль на втором этаже Ленинградского вокзала и в буфете зала № 7 Ярославского вокзала.

Выдумщики

В кафе-гриль висит объявление следующего содержания: «Залоговая цена стакана с ложкой — 50 рублей. Залог за тарелку — 15 рублей. Деньги возвращаются».

В зале № 7 соседнего вокзала культура обслуживания значительно ниже: там нет объявления. Там за каждую ложку заранее берут рубль.

В кафе-гриль ложки пропадают, но не так. А в буфете в день по полсотни ложек и вилок не досчитываются. Правда, кассир буфета в зале № 7 отрицала, что накидывает рубль, но я склонен больше верить посудомойке Татьяне Булочкиной, которая душой болеет за каждую ложку. Да и что же ей не верить, когда во всей Москве теперь приборы и посуда идут под залог?

— Они у нас такие выдумщики оказались, такие мастера выдумывать! — радостно щебетала ведущий специальный отдела координации общественного питания департамента потребительского рынка и услуг Марина Петряева. — Представьте, стали брать залоговую стоимость. Мастера! Ну кто бы мог предположить, что выйдут из положения? Централизованная-то поставка приборов закончилась!

Она действительно закончилась. Торговая база «Сухаревка», где ложки и вилки считают на деньги, приборами торгует. К цене алюминия она набрасывает свои 25 про-

центов. Ложки и вилки стали очень дорогим удовольствием.

В кафе «Родник» на втором этаже Белорусского вокзала за приборы берут залоговую стоимость 20 рублей. Об этом извещает красиво написанное объявление, как в кафе-гриль Ленинградского вокзала.

В городской столовой «Беларусь-2», которая у Белорусского вокзала, за ложку тоже берут по 20 рублей. Тут расчеты с посетителями ведет сама серьезная посудомойка. В кафе «Виктория», которое возле станции метро «Спортивная», залоговая стоимость тарелки — 25 рублей, а вилки — те просто продаются по рублю. Не заплатишь рубль — не поешь оладий. Цены на посуду и приборы тут честно указаны в меню.

Борьба

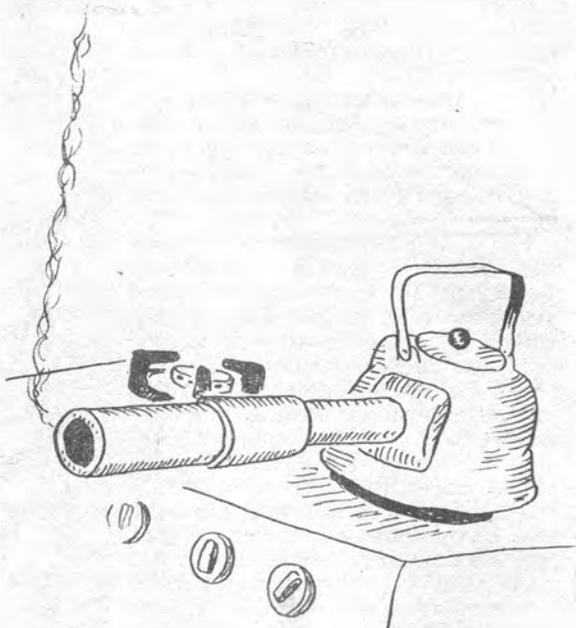
На всякого выдумщика найдется свой выдумщик. Изъян прекрасной системы отдачи посуды и приборов под залог в том, что московские пьяницы и бомжи воруют ложки, вилки и тарелки в одной «торговой точке», а несут сдавать в другую. С тарелками труднее: посудомойка свои тарелки знает, ее не проведешь. А ложки и вилки — все алюминиевые.

Если им не возвращают залоговой стоимости, пьяницы и бомжи учиняют скандал, требуя справедливости. В детском буфете на Ярославском вокзале, куда пассажиры с детьми больше не заходят (а раньше туда без детей и к двери не подпускали), свои алюминиевые ложки метят, чтобы не спутать их с чужими. Ложки скручивают, у вилок скручивают зубья — да не просто, а замысловато, по-своему, чтобы узнать свой узор и отличить его от подделки. Потом еще ошпаривают — и тогда алюминий темнеет.

И все равно тащат! В кафе «Виктория» у метро «Спортивная» каждому покупателю в кассе для надежности выдают маленькую железку с дырочкой. Это жетон на возврат залога. Жетон похож на доисторическую монетку. Мне подарили один. Залог здесь возвращается только предъявителю железки с дырочкой.

Ложек мало — ртов много

Оттого, что с приборами в общепите беспокойно, их пускают в оборот очень скупно. В беспокойном кафе «Экспресс» на Киевском вокзале в обороте всего 40 ложек. Вилки нет. И в фешенебельном кафе «На Басманной» частного предприятия «Маргарита» в обороте всего 50 ложек и 50 вилок. И так повсюду, где ложки и вилки еще остались. По ртам гуляют считанные приборы.

В большинстве случаев их моют просто водой из-под крана. Иная добросовестная посудомойка заткнет в раковине сток, наберет немного воды, плеснет химиката — и полощет в этом растворе ложки и вилки часами. А потом споласкивает под краном.

Ложки и вилки жирные и мокрые — их не вытирают потому, что нигде не вытирают. Вот такая логика. Из десяти предприятий общепита только в одном кафе «На Басманной» встретила импортная автоматическая мойка, которая к тому же работала.

В обиход вошла импортная одноразовая посуда. Цена одноразового стаканчика колеблется от 2 рублей до 10, тарелочки — от 3 до 15 рублей. Люди поели, попили и ушли — одноразовую посуду собирают, несут на мойку, моют, ставят сушить и пускают в оборот, хотя все знают, что это категорически запрещено. Одноразовая посуда это на Западе, а у нас это неплохой источник заработка.

Самая закрытая столовая опустела

С улиц города общепит исчез, с вокзалов — исчезает. Остались столовые в учреждениях. Но служащие предпочитают приносить еду с собой. От вокзальных пассажиров их отличает то, что едят они сухомытку не на коленях и не на полу, а на своем рабочем столе или станке. В самом Моссовете знаменитая своей закрытостью столовая страдает от недостатка публики. Из учреждений столовые еду выносят на тротуар, но цены в общественном питании намного выше, чем в магазинах, — прохожие идут мимо... Целый день торгуют тем,

что еще недавно продавали за минуту.

Москва наелась советским общепитом по самый воротничок. Крученые вилки, ошпаренные ложки и меченные другими способами алюминиевые приборы — пожалуй, единственное, что от него осталось. Да еще настороженное отношение к посетителям. Пока люди едят стоя или сидя, за ними бдительно следят зоркие глаза посудомойки из ее окошка, из-за кассы — кассирши, из угла — женщины в белом халате. Вдруг женщины срываются с места и бегут, бегут наперерез к дверям:

— А ну стойте, гражданин! Положь, сказала! Куда вилку сунул? Видала! Видала! Я все видала! Вилку взял и сунул куда-то! Вынимай!

— Куда?! Ты куда тарелку-то понесла, женщина? Верни тарелку-то! Видала, я все видала, как ты ее в сумку себе сунула! Доставай!

— Гражданин, стой! Вернитесь! Галя, Таня, Вера, за тем вон в кепке! Понес! Ложку утащил! Стойте, гражданин!..

И — в погоню!.. За вчерашним днем.

Новый общепит начинается с того, чем старый заканчивает. На тротуарах, в магазинах, возле станций метро — повсюду возникают легкие кафетерии и бары. За красивой, нездешней мебелью из витого металла и пластика сидят свободные граждане свободной России и вполне по-здешнему, дуя на пальцы, макают обжигаются горячие сосиски и сардельки, котлеты, люля-кебаб и даже пельмени в томатную подливу.

У нас все по-нашему: лучше сосиска в руке, чем вилка в небе.

Рисунки Марата Таирова

АО
"ПОБЕДА"

предлагает керамический кирпич
всех видов, гипсовые плиты для
перегородок и отделки
помещений, строительный гипс,
гипсобетонные сантехкабины,
вентблоки, хозблоки, панели,
стеновые блоки,
теплоизоляционные плиты,
коврово-мозаичные плитки из
стекла и керамики, изделия из
цветного стекла для стола.

Адрес: 189639, Санкт-Петербург,
г. Колпино, ул. Загородная, д. 9.

Тел.: (812) 484-42-82, 484-42-83,
484-42-85.

Телетайп: 321-279 Тервит.

Факс: (812) 463-99-98.

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Юрген Хабермас — самый, наверное, известный из современных немецких социологов. Юрген Хабермас как бы впитал в себя все традиции немецкой социологической и философской мысли XX века.

Кстати говоря, даже список наград, которых был удостоен Хабермас у себя на родине и за рубежом, указывает на эти влияния — премии имени Гегеля, Фрейда, Адорно, Лейбница... Список этот неполон. Что же касается признания заслуг Хабермаса, то он является почетным членом многих зарубежных научных обществ, в том числе и Американской академии наук и искусств в Кембридже. А на родном Парнасе он — в том числе

и за литературные достоинства своих работ — числен к Немецкой академии языка и словесности.

Образование Юрген Хабермас, родившийся в 1929 году, получил уже после войны, когда подавленные было нацистским режимом добрые немецкие философские и социологические традиции вновь возродились. Он учился в Гёттингене, Бонне, Цюрихе и Марбурге. Работал в Гейдельберге и Франкфурте. Уже сама эта география говорит о многосторонности и многогранности как влияний, которые он испытал, так и интересов, которые складывались под воздействием полученных знаний и общественных проблем. С 1956 года Хабермас присоединился к знаменитой Франкфуртской школе, связанной с именами Герберта Маркузе, Теодора Адорно, Макса Хоркхаймера.

Эта школа представляла собой одно из основных направлений так называемой «критической социологии».

Хабермас безусловно живой классик, пусть многие его точки зрения и не бесспорны. Ныне он продолжает исследование в системе институтов имени Макса Планка. Кроме того, он активно включился в публицистическую работу. Он исследует все то, что происходит сейчас в Германии и вокруг нее — в связи с ее объединением, с экономическими и социальными неурядицами. Его очень беспокоит вспышка «нетерпимости к иностранцам», которую он считает признаком глубокого кризиса немецкого общества. В статье из еженедельника «Цайт» (она публикуется у нас с сокращениями) российский читатель найдет немало занимательного. Опыт этот интересен не какими-либо анало-

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

гиями, а тем, как переживает социальные и политические травмы человек думающий, человек, глубоко обеспокоенный судьбой своей страны. И так же, как и Рита Зюсму, известная политическая деятельница, как и германский федеральный президент Рихард фон Вайцеккер, Хабермас призывает общественность к протесту не только против самих злодеяний, но и против атмосферы, в которой они зреют.

Вторая великая ложь

Юрген Хабермас

Недавние трагические события, происшедшие в Германии, придали новую актуальность тем мемориальным конференциям, которые с 1989 года проводятся во Франкфурте, в Паульскирхе (в церкви святого Павла, то есть в той самой церкви, название которой связано с традицией германского либерализма и демократического конституционализма. — Ред.). Во время последних слушаний в память о жертвах геноцида мое внимание привлек доклад тюбингенского профессора Манфреда Франка. Речь на слушаниях шла о бесчинствах погромщиков, о ненависти к иностранцам и о вспышках насилия. Но не только об этом...

Одна важная мысль протянулась красной нитью сквозь приведенный Франком исторический экскурс: со времен завоевательных походов националистическая пропаганда звучит в Германии громче призывов к демократическим свободам. И это до сих пор мешает формированию правильного понимания демократии. Обычное представление о ее сущности, увы, выражается в следующем требовании: «Политика должна уступать давлению улицы».

В доказательство своего тезиса Франк привел пример, который вызвал возмущение некоторых слушателей и заставил их демонстративно покинуть зал. «Гebbельс понимал, сколь многого можно добиться, приспособившись к чувствам непросвещенного народа, и строил на этом свой популизм. Он говорил: «Мы рассуждали просто, потому что и народ наш очень прост; мы думали примитивно, потому что и народ примитивен...»

На самом же деле Франк отнюдь не ставил демократически избранных политиков в один ряд с Гebbельсом, он просто хотел изболтать вполне определенные тен-

денции, проявившиеся в ходе парламентских дебатов о праве на политическое убежище.

Речь Франка многое прояснила отчасти и потому, что спровоцировала скандальную реакцию: Местную печать захлестнул поток негодующих посланий, обобщенных газетой «Франкфуртер альгемайне»: «Речь Франка была не менее постыдной, чем бесчинства боннских экстремистов: те забросали камнями представителей демократии, а он закидал риторической грязью федеральное правительство и руководство крупных партий».

Между тем входящий в правящую коалицию Христианско-демократический союз давно действует по принципу «Если Шёнхубер (лидер праворадикальной республиканской партии. — Ред.) имеет успех, то это значит, что надо подражать Шёнхуберу». Дебаты о праве на политическое убежище показывают, что эта максима распространилась далеко за пределы Баварии и принята к сведению и руководству христианско-демократической партией.

И если перед пылающими общежитиями иностранных рабочих участливые граждане расставляют ларьки с сосисками, то это вовсе не значит, что «сверху» взят курс на энергичную разъяснительную работу в среде потенциального большинства. Это лишь символическое отображение двойственной политики, направленной на изменение конституции, той политики, которая ничего не стоит, ничего не изменяет, но как бы внушает самым тупоголовым: виновниками ненависти к чужестранцам являются сами чужестранцы.

И в итоге не чувствуется никаких признаков возмущения и сострадания со стороны официального Бонна, нет морального и демократического протеста, нет гнева против возвращения явлений, грозящих гибелью любым формам общности. Если федеральный канцлер и

проявил гнев, то он был обращен лишь на тех «нарушителей», которые своим участием в массовой берлинской антифашистской демонстрации якобы нанесли урон мировому престижу Федеративной Республики. Именно в этом видят он «истинное преступление». А газета «Франкфуртер альгемайне» даже после трагических событий в Мёлльне только и думает, что «о любви к родине, которую непозволительно выставлять на посрамление».

Больше всего власть имущих заботят не жертвы террора, а престиж Федеративной Республики.

Убийство турецких иммигрантов в Мёлльне повергло в ужас население Германии и вызвало стихийный порыв сострадания к жертвам, но даже и после этих трагических событий пресс-секретарь правительства счел возможным оправдать отсутствие федерального канцлера его занятостью делами более важными, чем «сострадательный туризм»... В общем ясно, что сегодня проблему представляют не бритоголовые молодчики из правозащитной среды; проблема в том, что полицейские либо отсутствуют на месте происшествий, либо безучастно взирают на насилие и разбой; карательные органы проявляют крайнюю нерешительность, суды выносят чересчур мягкие приговоры. А разве не опасны офицеры бундесвера, забрасывающие учебными гранатами общежития беженцев. А депутаты, которые обходят в своих дебатах актуальные проблемы, порожденные неумело начатым процессом воссоединения, превращаются таким образом в соучастников действий самой темной и озлобленной части своих избирателей. За дымовой завесой лицемерных дебатов о праве на политическое убежище менталитет Федеративной Республики Германии претерпел в последние три месяца изменения более глубокие, чем за предшествующие пятнадцать лет.

Неискреннее отношение общества к проблеме предоставления политического убежища проявляется прежде всего в неадекватности формулировок. Разговоры о «злоупотреблении» правом беженцев на получение политического убежища в ФРГ затемняют тот факт, что нам нужна новая иммиграционная политика, открывающая иммигрантам возможность выбора иного юридического статуса.

Проблемы политического убежища и вопросы, касающиеся массовой иммиграции, тесно связаны между собой. Никто, однако, не решает развязать дискуссию о численности и составе иммиграционных потоков, которые — как этого справедливо требует церковь — не следует ограничивать «желательными специалистами». Но даже и те, кто нарушает это табу, предпочитают говорить о необходимости ограничить иммиграцию. Страна эмиграции превращается в страну иммиграции. Объективно такое превращение совершилось давно, но мы должны осознать этот факт, чтобы сделать разумные выводы.

Неискренность общества проявляется также в информационной политике. Соответствующие данные не получают должного распространения и неверно истолковываются. Можно сказать, что реалистической расшифровки имеющихся у нас цифр нет вообще.

А их следовало бы сопоставить с другими цифрами, показывающими, в каком количестве иммигрантов нуждается численно сокращающееся население Федеративной Республики, которое вряд ли заинтересовано в том, чтобы наша система социальной защиты рухнула в ближайшие 20 лет под тяжестью возрастной пирамиды.

Разговоры о том, что проблему можно решить путем изменения конституции, заводят дебаты о политическом убежище в «погранзону» между обманом и самообманом. Правда же состоит в том, что все эффективные меры, которые следовало бы предпринять, вполне осуществимы в рамках действующих законов, без измене-

ния конституции. Если бы министр внутренних дел и председатель фракции ХДС — ХСС в бундестаге ознакомились с опытом, приобретенным США в связи с нелегальной иммиграцией из Мексики, они осознали бы всю несостоятельность своих фантастических планов. И поняли бы, что не смогли бы взять под контроль иммиграцию, даже если бы соорудили на восточной границе линию Мажино.

Ясно, что тяжкая проблема глобальных миграционных потоков простых решений вообще не имеет. Те же, кто уводит от решения подлинной проблемы, открыто увязывая ее с необходимостью изменения конституции, способствуют формированию шовинистического менталитета, в основе которого культ собственного благосостояния. Такой менталитет противодействует принятию любого разумного решения...

Если говорить о бывшей ГДР, то возрождению старых идеологических стереотипов в этой стране трудно найти вполне убедительное объяснение. Заранее можно было предвидеть

и предсказать, что объединение двух государств отнюдь не послужит толчком к либерализации Федеративной Республики, существенным образом раздвинувшей свои границы.

Дело не столько в самом насилии, а в той духовной и политической оболочке, в которой оно вызревает

Тот болезненный процесс «творческого разрушения», который обесценивает старое достоиние и создает новое, может протекать нормально на ограниченной территории и в течение длительного времени. Но в данном случае этот процесс разрушения охватил разом всю бывшую ГДР и ударил по ее экономике и, конечно, сказался на настроениях населения страны, уже давно отрезанной от мирового рынка. Обесценение жизненного и исторического капитала целых поколений отражается на судьбах населения, охваченного массовой безработицей. Обесценение интеллектуального капитала проявляется в свертывании академий и высших учебных заведений, стереотипизации всех средств массовой информации. А не в последнюю очередь — и в безмолвии усердно дискредитируемых мастеров слова минувших времен.

Если мы примем во внимание, что система государственного социализма в ГДР способствовала сохранению достаточно типичных черт немецкого менталитета в значительной степени, чем западная демократия, то не станем удивляться обострению социальных конфликтов и бесчинствам молодежи, разбивающей бейсбольными битами автомобили и устраивающей погромы на улицах городов. И самый факт существования правого радикализма перестанет нас удивлять.

Мы должны признаться самим себе, что среда, в которой возникает такая готовность к насилию, может измениться лишь вместе с жизненными условиями, а значит, не в ближайшее время. А что же произошло в западной части Германии, где условия не изменились, но отворились доселе запертые плюзы?

Здесь изменились регуляторы и ограничители, встроенные в системы жизнедеятельности демократического общества. Сегодня вырывается наружу то произносимое, о чем, вероятно, думала, но не высказывала вслух пятая часть населения страны. Этот феномен снижения «порогов» не может быть объяснен несостоятельностью семьи и школы. Проблему представляют не подростки, а взрослые, не зерно жестокости и насилия, а оболочка, в которой оно созревает. В старых федеральных землях изменилась не столько общая ситуация, сколько ее восприятие... представление о ней.

Федеративная Республика Германии страдает синдромом великой лжи — создает и распространяет ложные представления о самой себе. Этот синдром, несомненно патологический, приобретает устойчивость в силу своей приспособляемости к политической конъюнктуре.

Во времена Аденауэра великая ложь распространя-

лась «сверху» и сводилась к тезису: все мы демократы. Понадобились молодежные волнения 1968 года, чтобы избавиться от губительных морально-психологических последствий этого самовнушения. После 1989 года в Германии возникла вторая «великая ложь»: «...Наконец-то мы стали нормальными». Чувство облегчения угадывается в двусмысленной фразе о том, что старая Федеративная Республика «уходит в отставку»...

Торжественное заявление о том, что «мы снова стали нормальным национальным государством», таит в себе стремление представить историю Федеративной Республики как подлинный, «особый путь».

Необходимо, говорят нам, покончить с нашим замкнутым существованием; хватит перенапрягаться, уподобляясь школярам, добивающимся отличной оценки за примерное поведение... Пора наконец перестать жеманиться и взять на себя ведущую роль в Европе.

Сторонники этого тезиса, анализируя интересы Германии в ее новой ситуации, приходят к выводу, что после воссоединения она вернулась на круги своя: «Мы всё еще живы и теперь, после 1990 года, мы снова живем в Германии Бисмарка...» Германия, утверждают они, не является более чисто западноевропейской страной, она вновь расположена в центре Европы. Таким образом, «нам свалилось с неба то положение, которого мы, дважды с начала века, пытались добиться силой и которое должно было сделать Германию своего рода форпостом Европы. До 1945 года мы пытались навязать Европе свою волю — и это было бездарно, это вело к катастрофическим последствиям. Сегодня мы рискуем совершить противоположную ошибку, отказаться от выполнения новой задачи, которую ставит перед нами сложившаяся ситуация, уклониться от большей ответственности».

Мы должны, поучают нас, вновь научиться осознавать *собственные* интересы, разяснить своим согражданам их обязанности, формировать здоровое национальное самосознание, добиваться более глубокого понимания нашей истории и другого отношения к ней... Мы должны вернуться назад, в ту Германию, какой она была задолго до 1945 года. Германия, говорят нам, должна возглавить союз из двадцати, тридцати или сорока европейских государств, но твердо держаться своей валюты, потому что «немецкая марка — не только платежное средство, но и символ нашего доверия к самим себе...» Откровенно говоря, тезис о том, что «мы вновь стали нормальным национальным государством», не представляется обоснованным: разве существует сегодня вообще такое национальное государство, которое вновь может стать озаренным отблесками XIX столетия? Разве может старо-новая Федеративная Республика, опутанная сетью взаимных обязательств ту же, чем любое другое государство, принять за точку опоры антикварную модель?

На «верхних этажах» призыв к возвращению «назад, в историю» не остался неслышанным.

В вупертальском городском театре песни и стихи Генриха Гейне обрамляются текстами нацистского поэта Ганса Йоста. Молодые борзописцы, разлетевшиеся из Франкфурта по всей стране, давно уже чинят расправу над литературой старой Федеративной Республики; они бряцают идеологическим оружием из старого сундука консерваторов и оснащают этим оружием бунтовщиков 1968 года... На нижних этажах обитателей, которых, естественно, боятся жители верхних, барды правоксремистского рока громогласно взывают к соотечественникам: «Бороться должны мы за расу свою. Народ, докажи, что силен ты...» А на улицах немецких городов нарастает сопротивление. Но не участники дебатов о праве на политическое убежище решительно протестуют против ненависти к чужестранцам и антисе-

митизма; не политическая элита демонстрирует свое сочувствие жертвам и возмущение попранием демократических норм; не слуги государства изъясняются в преданности конституции. Нет, это массы левых и либерально настроенных граждан, возмущенные позорной реакцией властей на берлинскую демонстрацию и — прежде всего — на убийства иммигрантов, выражают свою решимость положить конец двоедушию и двуличию верхов. А защищают они те стандарты цивилизованного обращения людей друг с другом, которые были усвоены в старой Федеративной Республике и стали чем-то само собой разумеющимся. Многоголосый хор протестов свидетельствует о преemptивности традиций старой Федеративной Республики, которые смогли сложиться лишь в результате органического неприятия «нормальности». Той самой «нормальности», в которой нас ныне убеждают видеть эталон.

Похоже, что похороны жертв правых экстремистов оказали отрезвляющее действие на республиканское сознание (имеется в виду, разумеется, демократическая общественность, а отнюдь не «ультра» из Республиканской партии. — **Ред.**). К нему вновь вернулась бдительность. Может быть, в этом сознании сформируются наконец новые альтернативы, от которых далеки политики и идеологи, про-

Настоящая демократия — это вовсе не выход навстречу ничего не желающей знать толпе, а превращение толпы в сознательных граждан

должающие оставаться на старых позициях. Стоит обратить внимание на то, что в результате всей политической акробатики сохраняется симметрия насилия со стороны крайних сил — и справа, и слева. В то же время дискуссии, которые ведутся в «высоколобых» интеллигентских изданиях, имеют мало отношения к реальной жизни. Между тем все некрологи, полные скорби о конце левого движения, оказываются подкрепленными только собственными аргументами — а оттого и преждевременными. Некоммунистическая левая сохранила достаточно жизненных сил, чтобы освободиться от хлама старых историко-философских представлений, доставшихся ей в наследство, сохранив, однако, при этом и прежнее воодушевление утопиями... И вопрос о том, что осталось от левых, свидетельствует о том, что задающие его не в ладах с действительностью. (Что же такое левое сознание сегодня?) Быть на левом фланге — это означает обладание способностью различения (социальных и политических реалий). Именно это отличает Риту Зюсмут и Гюнтера Гайслера (видные деятели Христианско-демократического союза, в настоящее время находящиеся в достаточно сложных отношениях с руководством партии. — **Ред.**) от их прежних сотоварищей.

Что же происходит на самом деле? А вот что: полностью изменяется вся политическая сцена страны. Это происходит отнюдь не потому, что рассыпается левое движение, а потому, что происходит раскол в рядах умеренных и либеральных консерваторов. Левые по-прежнему преисполнены гордостью прошлых заслуг — именно их «алармизм», их бдительность, направленные против возрождения ультраправых, помогли формированию демократического и республиканского сознания в ФРГ. Но, с тех пор как исчез объединяющий консерваторов антикоммунизм, те сторонники Республики в их рядах, которые способны мыслить по-новому, расстаются с теми, кто является сторонником Республики только по привычке... Социальный дарвинизм, который исповедовали либералы прошлого, и верность категориям формальной демократической процедуры уже недостаточны... Теперь уже недостаточен и прежний алармизм... Нужно настоящее чувство реальности... И я думаю, что новый, 68-й год (год молодежных выступлений, подъема «внепарламентской оппозиции» и «новых левых». — **Ред.**) не выведет Федеративную Республику из летаргии самообмана...

**Крупнейшие предприниматели,
управляющие высшего звена,
менеджеры деловых
и финансовых кругов**

Ч И Т А Ю Т

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

"ПРОБЛЕМЫ

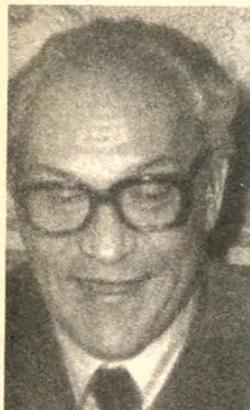
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

УПРАВЛЕНИЯ",

единственное в стране издание по управлению.

А ВЫ?

Распространяется только по подписке,
которую можно оформить в отделении связи
(индекс 70732 - для индивидуальных
подписчиков, 70952 - для организаций)
или в редакции (тел.: 973-05-42, 973-05-36)

Руководителем Аналитического центра администрации президента России назначен 64-летний профессор **Анатолий Ракитов**.

Он — обладатель всевозможных научных званий и наград, первой — из которых была золотая школьная медаль. Будущий профессор окончил три факультета Московского университета — философский, исторический и математический. Работал в Институте народного хозяйства имени Плеханова и в Институте информации по общественным наукам.

Член Академии естественных наук Анатолий Ракитов создал научно-исследовательский центр «Истина», который занимается изучением информационных ресурсов России, состояния российской научной элиты, утечкой умов.

С Борисом Ельциным они познакомились еще в 1989 году. Уже тогда Анатолий Ракитов стал помогать будущему президенту. В 1990-м Ракитов стал членом Высшего консультативного совета при Ельцине, в 1991-м его помощником.

А.Теунаева

Александр Руковишников, мастер спорта по каратэ и автор памятника на могиле Высоцкого, считает, что в России современной скульптуры не существует.

Для художников и ваятелей это целина.

Руковишников, внук художника Митрофана Руковишникова и сын художника Иулиана Ру-

ковишникова, в 1975 году окончил Художественный институт имени Сурикова, учился в мастерской Льва Кербеля.

Памятник Высоцкому, установленный на могиле в 1985 году, Руковишников создал двумя годами раньше и не предполагал, что он

так понравится публике.

За пределами России с творчеством Руковишникова, похоже, знакомы лучше, чем на Родине. Его скульптуры выставлены в музеях Германии и Америки.

Во время Олимпиады в Сеуле Руковишников, который еще и избран председателем московской федерации каратэ, был назван организатором Игр одним из тридцати лучших скульпторов мира.

В апреле он участвовал в крупной выставке современного русского искусства в США, на которой были выставлены работы Альтмана, Кандинского, Лентулова, Малевича, Шагала, Родченко...

И.Васильева

Когда ровно год назад профессор экономического факультета МГУ **Александр Лобко** основал и возглавил Международную академию маркетинга и менеджмента «Мамармен», он сразу поставил перед собой цель создать одну из лучших школ бизнеса в России. Результаты работы видны уже сегодня: несмотря на довольно высокую стоимость обучения (сегодня она составляет 450 тысяч рублей в год), от желающих поступить в «Мамармен» отбою нет. За знаниями приезжают с Урала, Сибири, Дальнего Восто-

Не хочешь мира — готовься к суду

На днях в Москве мог закончиться миром один из самых неприятных в среде русской эмиграции скандалов. И не закончился...

Наш журнал уже не раз писал об этой истории — один русский писатель, Владимир Максимов, бездоказательно, но целеустремленно пытался обвинить другого русского писателя, **Андрея Синявского**, в сотрудничестве с КГБ. Публикация неподписанной заметки в рубрике «От редакции» в 71-м номере журнала «Континент» переполнила чашу терпения Андрея Синявского и его жены **Марии Розановой** — и в Бауманском районском суде появилось исковое заявление.

«Континент», поменяв до этого адрес с Парижа на Москву, сменил почти целиком редколлегию и главного редактора, которым стал Игорь Виноградов, литературовед и литературный критик, известный своими независимыми взглядами. Ему досталось в наследство от Максимова журнал с устойчивым авторитетом флага эмигрантской печати. И с иском Андрея Синявского и Марии Розановой в придачу.

...Вернувшийся из Женевы Игорь Виноградов и приехавшие из Парижа Синявские встретились в Москве в присутствии своих адвокатов. Интеллигентные люди, они решили: а ну его, этот суд. Речь шла о мировом соглашении, согласно которому Синявские отзывали иск, естественно, отказавшись от материальной компенсации за нанесенный им моральный ущерб. А «Континент» обязывался в ближайшем номере журнала поместить текст, в котором признавалось, что в № 71 была «опубликована заметка, в которой распространены сведения, порочащие честь и достоинство Синявского Андрея Донатовича и Розановой-Кругликовой Марии Васильевны». Далее в тексте должно было говориться, что редакция не располагает «доказательствами того, что Синявский и Розанова оказывали какие-либо услуги КГБ и что благодаря такому сотрудничеству Синявский имел льготные, сравнительно с Даниэлем, условия отбывания лагерного срока». Из дальнейшего читатель мог бы узнать, что Синявские не только не компрометировали Андрея Дмитриевича Сахарова, а напротив, в № 5 все того же «Континента» было опубликовано письмо Андрея Синявского, «поддерживающее выдвижение академика Андрея Сахарова на Нобелевскую премию мира». А что касается компрометации личности Солженицына — так «критическая оценка Синявским и Розановой отдельных произведений и идеологических воззрений Солженицына» таковой не является.

Однако во время второй встречи представители редакции стали оспаривать чуть ли не каждый из пунктов. После их поправок текст приобрел вид документа, в котором Синявские подтверждали все то, в чем их беспочвенно обвиняли. А уж на слова о том, что публикация в «Континенте», оказывается, вовсе не порочит честь и достоинство Синявских, молчавший до того Андрей Донатович вскричал: «Только суд!»

Ю.Рахаева

ка. Многие в буквальном смысле везут с собой мешки с наличностью.

В «Мамармене» готовят бакалавров (срок обучения 4 года) и магистров (один год для тех, у кого уже есть высшее образование) по самым «ходовым» нынче специальностям: управление, коммерческая и предпринимательская деятельность, финансы и кредит, международные экономические отношения, правоведение... Выпускники академии получают «конвертируемый» диплом, годный во всех странах мира. Высокий уровень образования обеспечивают ученые светила из МГУ, Московского института народного хозяйства имени Плеханова и других ведущих вузов. По словам Александра Лобко, одних только профессоров в «Мамармене» наберется около ста.

Выпускник Плехановского, первую диссертацию Александр Лобко защитил в 1972 году, став одним из самых молодых кандидатов экономических наук в стране и уж точно самым молодым «кандидатом» в системе торговли. Он был ученым секретарем Ученого совета молодых ученых и специалистов Москвы. Степени доктора наук и звания профессора он удостоился не по должности — в те времена степени и звания раздавались высокопо-

ставленным чиновникам налево и направо — а за вклад в экономическую науку.

25-летний теннисист **Борис Беккер** и 26-летняя актриса и модель **Барбара Фелтс** объявили о своей любви, предстоящем бракосочетании и планах на будущее. Избранницей национального героя ФРГ стала девушка, родившаяся в истинно германском городе Гейдельберге. Однако есть одно «но». Национал-патриоты из числа местных почитателей Бориса возражают: у невесты «националь-

ной гордости германцев» оказалась темная кожа.

Ситуацию усугубила сама невеста, заявив в интервью журналу «Штерн»: «Я одна из тех, кого не обслуживают в ресторанах, с кем обычно стараются говорить на упрощенном немецком языке, полагая, что я его должна плохо знать, одна из тех, чьи деньги при оплате проверяют особенно тщательно, чтобы удостовериться, что они не фальшивые. Теперь же, как оказалось, я претендую на часть «национального германского достоинства» — на Бориса, и

Правнук Шаляпина живет на Манхэттэне

Христофор Шаляпин-Мэрфи вместе со своей матерью Ириной Борисовной посетил Россию впервые. Выросший вдалеке от родины, в США, за тридцать лет сознательной жизни ни разу не видевший Москвы, правнук знаменитого Федора Ивановича Шаляпина был потрясен всем увиденным и услышанным за время короткого пребывания в столице. К нему обращались исключительно по-русски, подчас забывая, что в арсенале шаляпинского потомка всего два слова на родном языке — «спасибо» и «пожалуйста». Невозможность говорить и понимать собеседника тяготила его, поэтому к концу поездки Христофор ни на секунду не сомневался в том, что начнет изучать русский язык.

Ощущение собственной значимости пришло с первым автографом, с первой встречи с почитателями знаменитого прадеда, с представителями музыкальной и творческой элиты Москвы.

— В Америке, к сожалению, прадеда знают лишь представители старшего поколения, — говорит Крис.

Генеалогическое древо Шаляпиных настолько разветвлено, что чисто русских представителей в нем уже не найдешь. Христофор не исключение из общего правила. Прадед — Федор Иванович — русский, прабабушка — Иола Игнатьевна Тарнаги — итальянка, бабушка (жена Бориса Федоровича) Марья Викентьевна — полька. Крис — американец. Американец, живущий на Манхэттэне. Впрочем, овал лица, длинные светло-русые волосы, заплетенные в современную косичку, голубые глаза, улыбка напоминают о том, что в жилах этого современного молодого человека течет славянская кровь.

Крис окончил гимназию, школу фотоискусства, работал ассистентом у американского фотографа Кэна Сигэла. В профессиональной жизни Христофора пока всего один спектакль на Бродвее, одна фотография, опубликованная в «Чикаго трибьюн», и фильм «Фамильная драгоценность», рассказывающий о том, как из России в США контрабандой перевозили шедевр ювелирного искусства — пасхальное яйцо знаменитого Фаберже.

В свободное время Христофор Шаляпин-Мэрфи предпочитает заниматься альпинизмом, катается на горном велосипеде. Пробовал играть на гитаре, но, к сожалению, «не хватило таланта». Поет только в одиночестве, а музыку слушает самую разнообразную — от классического блюза и рок-н-ролла до народных американских мелодий.

А.Пясецкая

это вызывает неприятие прессы и части общественного мнения».

Некоторые газеты именуют прекрасную мулатку не иначе как «Шокобэби» — «шоколадная девочка».

Борис Беккер считает, что большая часть германской прессы все же относится к нему и его невесте вполне благоприятно. «У меня репутация типичного немца, и газеты избегают подвергать ее сомнению», — говорит он. Однако влюбленная пара, которая по налоговым соображениям пока предпочитает жить в Монте-Карло, намерена все-таки обосноваться в Лондоне или в Париже, где невеста сможет посещать школу драматического искусства. Есть и еще одна причина: по словам Бориса, «Барбара там не будет чувствовать себя ущемленной по причине цвета своей кожи».

Борис Беккер заявил, что под влиянием своей невесты он стал «братом» всем, у кого темная кожа, и теперь все цветные приветствуют его как одного из своих.

А.Гладилин

Сливки на торте

О новом «железном занавесе» и прорехах на нем

Инна Руденко,

собственный корреспондент
«Нового времени»

О чем ваши главные споры сегодня?
— О сливках на торте.
— О чем?..

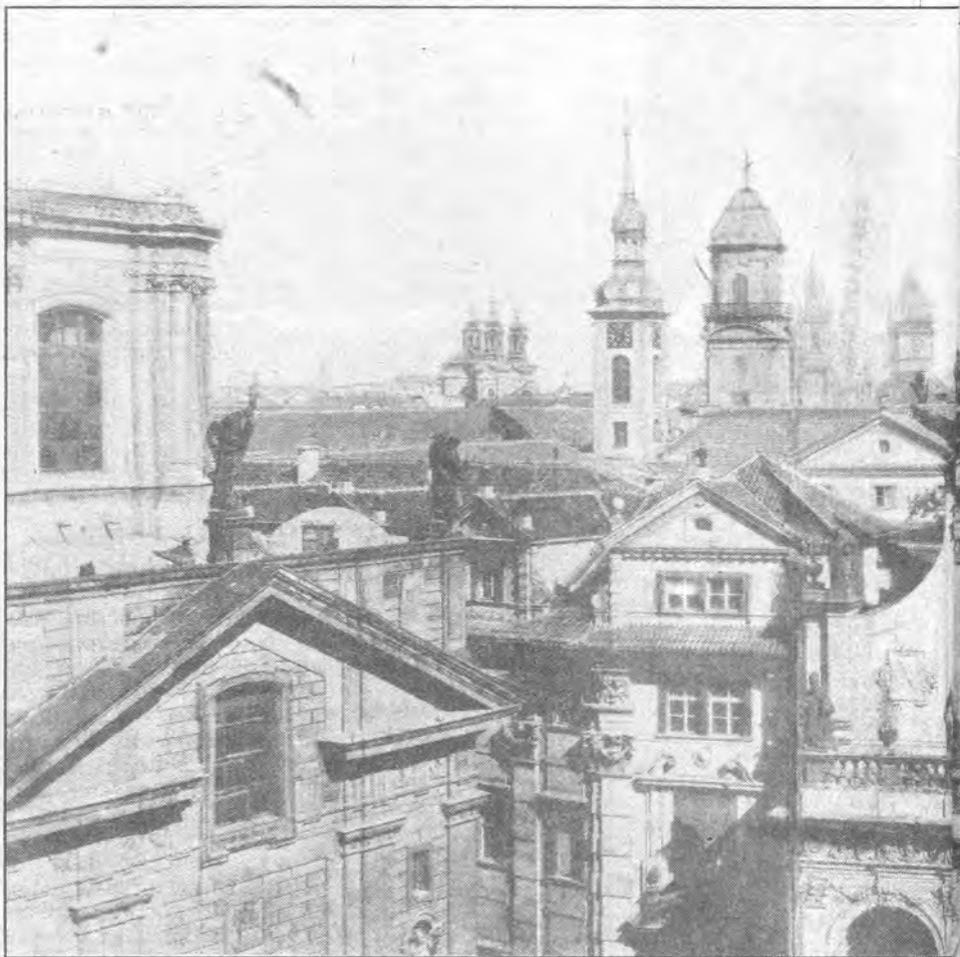
— Премьер Клаус заявил, что образование, искусство, культура — это сливки на торте. Сначала, дескать, надо испечь торт, то есть рынок, а потом уж заботиться о сливках на нем, то есть о всяком там духовном-гуманитарном. Представляете себе последствия победы такой точки зрения? Недавно все 27 ректоров высших учебных заведений страны собрались и написали письмо-протест в правительство: образование в состоянии кризиса. Сначала материальное, потом духовное — опасная теория.

Сначала я услышала ее по радио. Свободный, как объявили, публицист и переводчик Яна Клусакова расскажет о своей поездке в Москву. Подумалось: ну, сейчас снова пойдут наши политические страсти или инфляция, дороговизна, коррупция, мафия — все то, о чем чаще всего пишут чешские газеты. Если пишут. Информация о России достаточно скупа и редко выходит за пределы политики. Но эти предположения не оправдались. Захотелось встретиться с автором передачи.

Играть телефонный справочник

— Пани Яна, вы говорили о своей поездке в Москву, о нашей духовной, культурной жизни с верой, надеждой и даже, я бы сказала, с любовью. Не мне вам объяснять, что подобные чувства по отношению к нам сегодня тут не совсем типичны. Но, с другой стороны, это не похоже и на то, что наша интеллигенция говорит сама о себе. «Кризис культуры», «полный духовный вакуум», «печатное слово обесценено», «тулик театра», «гибель кинематографа», «роль интеллигенции не востребована». Просто вселенский плач несется из Москвы. И на этом фоне ваш бодрый голос.

— Если человек будет постоянно повторять: у меня рак, у меня рак — он и в самом деле может смертельно заболеть. Я не была у вас год и уви-

дела перемены к лучшему. В магазинах появились товары, есть люди бедные, даже нищие, но они есть и в богатой Америке. Была в театре, смотрела «Сорри» — прекрасное зрелище. Какие актеры: мне кажется, ваша Чурикова может играть даже телефонный справочник. Прекрасная постановка: Марк Захаров — мировой величины режиссер. А публика! Как можно говорить, что исчезла потребность в театре, если на этот спектакль народ валом валит, как некогда на «Юнону и Авось»? А очереди в Третьяковку? Зашла в книжный магазин, и там полно народу. Библия лежит на прилавках — да я эту Библию тайком в коробках из-под карловарских вафель еще не так давно, рискуя, перевезла через границу. Да будь моя воля, я бы всех наших интеллектуалов на недельку-другую отправила в Россию, вам труднее, гораздо труднее... Многие из нас раньше говорили: дали бы свободу, я бы так работал! Но оказалось, что мы хотим работать по-прежнему, по-социалистически, а жить по-но-

вому, по-капиталистически. Потому, я считаю, и пало наше первое послереволюционное правительство — не обеспечило, как хотелось бы, быстрого роста благосостояния для всех.

— Это правительство можно было назвать самым пролетарским: сплошь вчерашние кочегары, мойщики окон, грузчики... Но то были интеллектуалы высокой пробы. Существует точка зрения, что эти люди, диссиденты, ушли с политической сцены потому, что были живым укором тем, кто сотрудничал с коммунистическим режимом.

— Все сотрудничали: дети ходили в школу, взрослые — на работу, все принимали участие в выборах, значит, сотрудничали. Но для меня тут один водораздел: делал ли ты активное свинство, так я это называю, или нет. За мной такого активного свинства нет, более того, и в тюрьме посидела — книжку Натальи Горбаневской в карловарских коробках перевезла в Союз, а кто-то донес. До сих пор в ушах крик стоит: «В Сибирь за свой счет поедешь!» Вы-

Прага —
за «железным
занавесом»?

нали меня с редакторской работы, стала переводчиком. А могла б туалеты мыть после ареста, как другие, но мы с тогдашним министром культуры оказались однофамильцами, а все думали — родственники. А он зять президента Свободы. Представляете? Нет, я никому ни разу не сказала, что я дочь министра, но и не разуверяла тех, кто так думал, и даже соглашалась, посмеиваясь в душе, передавать приветы своим высокопоставленным «родственничкам».

Для моего поколения революция опоздала на 10–20 лет. Мы стали циниками. Надежда на наших детей.

Споры о сливках на торте

— Но не кажется ли вам, что атмосфера в обществе, хотя совсем по другим причинам, и сегодня мало способствует тому, чтобы вырастали реалисты — но не циники, люди свободные — но и не узкие прагматики, мыслящие — но не всеядные. Да деидеологизация, которая была написана на знаменах и наших,

и ваших перемен, так и не произошла.

— Наша интеллигенция ринулась или делать политику, или делать деньги. Когда я вижу актера в парламенте, я думаю: а чем это лучше прежних доярок? Доярки должны доить, актеры играть, политикой пусть все же занимаются профессионалы.

— Еще Конфуций, как известно, связал успехи экономики и политики с духовным усовершенствованием личности. «Высветлить человека», по чьему-то точному выражению, и есть, наверное, главная забота интеллигента. Но у нас постоянно слышишь из уст тех, кого считают духовными отцами нации: «нам нечего сегодня сказать людям», «нет новых слов», «вакуум идей», «как жить?».

— Только, знаете, мне не нравится, что и вы, и мы эту высокую миссию часто сводим к показу разных церковных действ, заполонивших экран. Очень это мне почему-то напоминает прежние партийные собрания. Доходит до смешного: когда я была в Москве, шла передача из Петербурга, в которой как о некоем духовном откровении рассказывалось о возникновении храма... для непьющих. Это что, каждого на пороге обнюхивать, что ли? А рядом с этими публичными молениями голые ножки. Дескать, выбирай на вкус. Но в том-то и дело, что вкусы людей непредсказуемы. Это радует и обнадеживает. Вот в наших театрах сразу после «бархатной революции» начался «азарт запрещенного», а народ в театр не повалил. Даже на Гавела. К тому же пана президента захотели сразу поставить почти все театры, и многие весьма неудачно. Потом режиссеры бросились на «клубничку». Но и это не вызвало, как предполагали, дикого интереса. Знаете, на что идут в театр, что предпочитают сегодня люди у нас тут? Классику. Сейчас в нашей маленькой Чехии две тысячи частных книжных издательств. Предсказывали: ну, от силы пять останутся, остальные прогорят. Не прогорели! А вы заметили, сколько сейчас книжных магазинов в Праге? И каждый день открываются новые.

Даже на танке?

— А русской книжки не купишь... И газет наших нет, и фильмы идут сплошь западные, и на гастроли редко кто из России приезжает. Один «железный занавес» в Западном пал. Не вырос ли другой с Востока?

— Идиотство это. Извините за непарламентское выражение. Конечно, 50 ваших фильмов в год, как раньше, это, мягко говоря, многовато. Но ни одного?.. Тянемся к немецкой, американской культуре —

почему нет? После стольких-то лет запрета. Но почему при этом надо отворачиваться от России? Это и глупо, и недальновидно. Мы, чехи, любим говорить, что живем в центре Европы, но это же совсем не значит, что мы — пуп земли. Такой, я бы сказала, провинциализм навыворот. Но ведь и вы... Ваши экономисты, министры, парламентарии ринулись изучать западный рынок. Охотнее в Америку едут, где, как известно, никогда никакого социализма не было, чем в Восточную Европу. Но мы ведь от одного и того же уходим — неужто не полезнее изучать опыт друг друга? Общеизвестно, что Чехия хоть на шаг, но идет впереди в экономических преобразованиях, но изучены ли вами наши достижения, наши ошибки? В Москву на конференцию я ездила на американские деньги — теперь билет до Москвы стоит столько же, сколько до Монреаля. На конференции было очень интересно. Познакомилась с бывшим генералом КГБ Олегом Калугиным: запах дорогих духов, сухая ладонь. «Я никогда не был в Праге», — сказал он мне. А я ему: «Даже на танке?»

— Как эти танки в вас сидят. Только живя в стране, можно это понять до конца. Вы согласитесь: антисоветизм — это все же не русофобия. А меня, когда приехала в Прагу, предупредили: «В магазине лучше говорить по-немецки». С тех пор прошло немало времени, но вот вчера фильм по телевидению о чешской девушке и парне-латыше. Они объяснялись в любви по-русски, но с какой ненавистью к этому языку: «говорим на языке оккупантов», «русские псы проклятые». Как будто русские от тоталитаризма сами не пострадали...

— Ко мне как-то приехала подруга из Петербурга. Ей нужно было купить пальто для дочери. Так она притворилась немой, объяснялась жестами, я будто бы переводила. Со стороны это выглядело смешно, наверное, но нам было не до смеха... Русский язык — язык Пушкина, а не только язык оккупантов, понимание этого вернется, вы увидите, уже возвращается. Если мы сегодня стремимся к мировой, европейской культуре, то как можно отшатываться от русской, которая и есть мировая?

Вскоре после этого разговора в литературной пражской газете прочла статью о чешской литературе в современной России. Потом в «Руде право» о театральной жизни Москвы — с явным знаком плюс. Была в опере, где главную партию пел баритон из России, на выставке русского скульптора в Карловом университете. Быть может, это те первые ласточки, которые все же сделают весну?..

ПРАГА

Привет, тезки!

Татьяна
Иванова

Беда мне с другими Татьянами Ивановыми — одна газету выпускает, другая за Хасбулатова бьется

Бывают фамилии неблагозвучные, труднопроизносимые, вызывающие неприятные ассоциации... Но кто думает, что моя — простая, мне хлопот не приносит, тот ошибается. Представляете, сколько однофамилиц? Пока их зовут Варварами, Клавдиями или Матильдами, куда ни шло. Но сколько же Ивановых Татьян...

Одна моя тезка, например, депутат Верховного Совета, бывшая правая рука самого товарища Воротникова. Когда идут съезды, я знаю, что в любой момент могут объявить: «Слово предоставляется Татьяне Ивановой». И кто-нибудь из моих читателей или радиослушателей подумает, что мне. И выйдет на трибуну видная дама с укладкой и в замечательном костюме (модель «советская женщина — общественная деятельница»), и скажет: «Товарищи депутаты!...»

Депутатский зал выступления моей тезки перетерпевает: от ее выступлений никому навару нет. Видимо, с вниманием ее слушаем одни мы — Татьяны Ивановы. Тезка все-таки на трибуне. Тезка же выступает, как привыкла при Воротникове: тогда она говорила, как у нас всего много и как все у нас ладно и складно — и теперь она говорит о том же, только в прошедшем времени. Все, мол, под руководством коммунистической партии складывалось у нас как нельзя лучше. Она говорит чистую правду: у нее все и в самом деле складывалось как нельзя лучше.

Этот случай, так сказать, безболезненный. Есть покруче.

Может быть, не все знают, что в стране выходит газета под странным названием «СПИД-инфо». Как бы информация о СПИДе. Или даже информация от самого СПИДа.

Газета толстая, двадцать четыре страницы. И все про... как бы это сказать... про инструменты любви... Ну, про то, какие они бывают у разных мужчин и разных женщин, какими должны быть в идеале, что надо делать, если до идеала путь далек. Словом, это газета про половой акт.

Про него статьи, очерки, репортажи, интервью и художественные произведения. Издание регулярное. Снимите шляпу перед умельцами.

Надо ли говорить, что одну из возглагольнейших изданий зовут Татьяна Иванова? Среди моих коллег нет ни одного, кто не спросил бы меня: «Так это ты?!»

Самые остроумные при этом непременно говорят: «Зря отпираешься, участие в таком издании делает тебе честь». И каждый думает, что он один так лихо пошутил.

Недавно коллега, отшутившись надо мной по полной программе, вручил мне номерок подписанной Татьяной Ивановой газеты. Щадя высококочтимые мною страницы «Нового времени», я не буду цитировать переписку с читателями о проблемах орального стимулирования женских гениталий, возможностях мастурбации с отверстием в апельсине, о том, есть ли у мочи свойства, губительные для сперматозоида.

Я только скажу, что и вариант с половой газетой, как оказалось недавно, был для меня не самым крутым...

Некоторое время назад на волнах «Радио России» заработала еще одна станция: «Радио-Парламент». Отражает точку зрения нашего горячо любимого Верховного Совета, а если быть до конца точным, то, скорее, точки зрения на все лично Руслана Имрановича. Надеюсь, никому из наших читателей не надо объяснять, что это значит.

Во всяком случае, когда Руслан Имранович говорил, что ему не хватило трех дней, чтобы переломить ситуацию, что еще три дня — и российский народ на референдуме проголосовал бы за недоверие Ельцину и его политике, за досрочные выборы этого Ельцина и за полное доверие депутатам, — когда Руслан Имранович говорил, что была запущена мощная пропагандистская машина, способная противостоять полторанинско-геббельсовским средствам массовой информации, — Руслан Имранович имел в виду именно это чудо журналистики: «Радио-Парламент».

Какая святая вера в силу слова! Какая дивная мужская

логика: страна голосует за Ельцина — слабеет и раскалывается, голосует за национал-коммунистов — объединяется и крепнет...

На кого же была возложена высокая миссия переломить ситуацию в пользу нашего мудрейшего спикера? Ведущим мастерам журналистики — Александру Проханову, Валентину Чикину, греческой русскоязычной газете «Правда», другим родственным изданиям не удавалось совершить перелом в сознании россиян за куда более долгие сроки. Персоны, «озвучивавшие» идеи, почитаемые спикера, давно практически не покидают голубые экраны — и толку чуть. А «Радио-Парламент»... «Радио-Парламент», дай ему еще три дня, управилось бы!

Так вот, дорогие мои. Ведущую «Радио-Парламент» зовут Татьяна Иванова.

И теперь на «Радио России» приходят письма, как принято говорить, со всех концов нашей по-прежнему необъятной родины. Отдел писем не знает, кому их вручать, и делит между нами, Татьянами, поровну. Ах ты, такая-сякая, пишут мне радиослушатели, мы-то привыкли, что ты демократка, сколько ж это тебе заплатил Хасбулатов, за что ты продалась?.. Есть и почта другого плана: что за издевательство, что за святотатство — в передаче от Хасбулатова употребить имя Татьяна Иванова? Неужели вы думаете, что мы перепутаем, что мы можем подумать, будто Татьяна Иванова на самом деле переметнулась и продалась?!

Добрые люди, спасибо. Много писем получаем мы с тезкой. Что ни день, сотню таких да сотню этаких. Да штукеч пять с благодарностью: спасибо, мол, Татьяна, за правду об антинародном режиме Ельцина. Статистика писем пропорциональна статистике референдума. Этим подтверждается то, что и так ясно: как бы ни была энтузиастична моя тезка на «Радио-Парламент», ситуацию ей не удалось бы переломить ни в триста, ни в три тысячи дней.

...Я представляю себе, что и сама доставляю своим пером своим тезкам отнюдь не только удовольствие. Что делать?.. Носители сложных фамилий пусть утешатся: у носителей простых — свои проблемы.

400%

ГODOVЫХ

выплачивает акционерам
транснациональная нефтяная
компания

"ГЕРМЕС - СОЮЗ"

ТНК "Гермес - Союз" - одна из ведущих структур многопрофильного концерна "Гермес" с уставным капиталом **10 миллиардов рублей.**

Каждый акционер в качестве дивиденда за 1992 год получает на одну акцию:

10 000 рублей наличными или **две новые акции** ТНК "Гермес - Союз" номинальной стоимостью 10 000 рублей каждая.

Владельцы сертификатов акций первого выпуска имеют право приобрести до 100 акций второго выпуска на льготных условиях - **по номинальной стоимости.**

Курсовая стоимость акций ТНК "Гермес - Союз":

до 31 мая - 12 000 рублей;
до 30 июня - 15 000 рублей;
с 1 июля - 20 000 рублей.

При погашении контрактов "Черное золото" акции ТНК "Гермес - Союз" приобретаются по номиналу.

Телефоны для справок:

110-18-57	242-99-08	308-96-67	452-16-68
159-67-32	242-36-12	430-90-14	499-38-30
242-99-07	283-35-41	450-78-13	902-92-84

Контактные телефоны:

238-87-12 238-84-55 262-10-88 262-88-21 262-79-48

Телефоны представительств "Гермеса" в городах России и стран СНГ:

г. Тюмень (3452) 21-02-09	г. Архангельск (8180) 47-69-13, 47-69-20
г. Санкт-Петербург (812) 290-78-55, 232-09-42, 290-75-83, 150-97-98	г. Южно-Сахалинск (42400) 3-59-65, 3-01-56, 2-30-01
г. Ростов-на-Дону (8632) 32-79-83	г. Новосибирск (3832) 32-54-91, 35-20-72
г. Екатеринбург (3432) 22-03-38, 24-12-31	г. Волгоград (8442) 34-15-56, 34-99-27, 79-96-18
г. Сочи (8622) 97-17-74	г. Магадан (41300) 2-54-28
г. Самара (8462) 63-89-25, 34-51-31	г. Норильск (39152) 2-94-65
г. Саратов (8452) 26-69-98, 24-62-11	г. Казань (8432) 76-41-63
г. Павлодар (3182) 72-14-32, 75-67-80	г. Кишинев (0422) 72-86-22
г. Харьков (0572) 20-00-46	г. Алма-Ата (3272) 33-57-17
	г. Ташкент (3712) 77-82-53

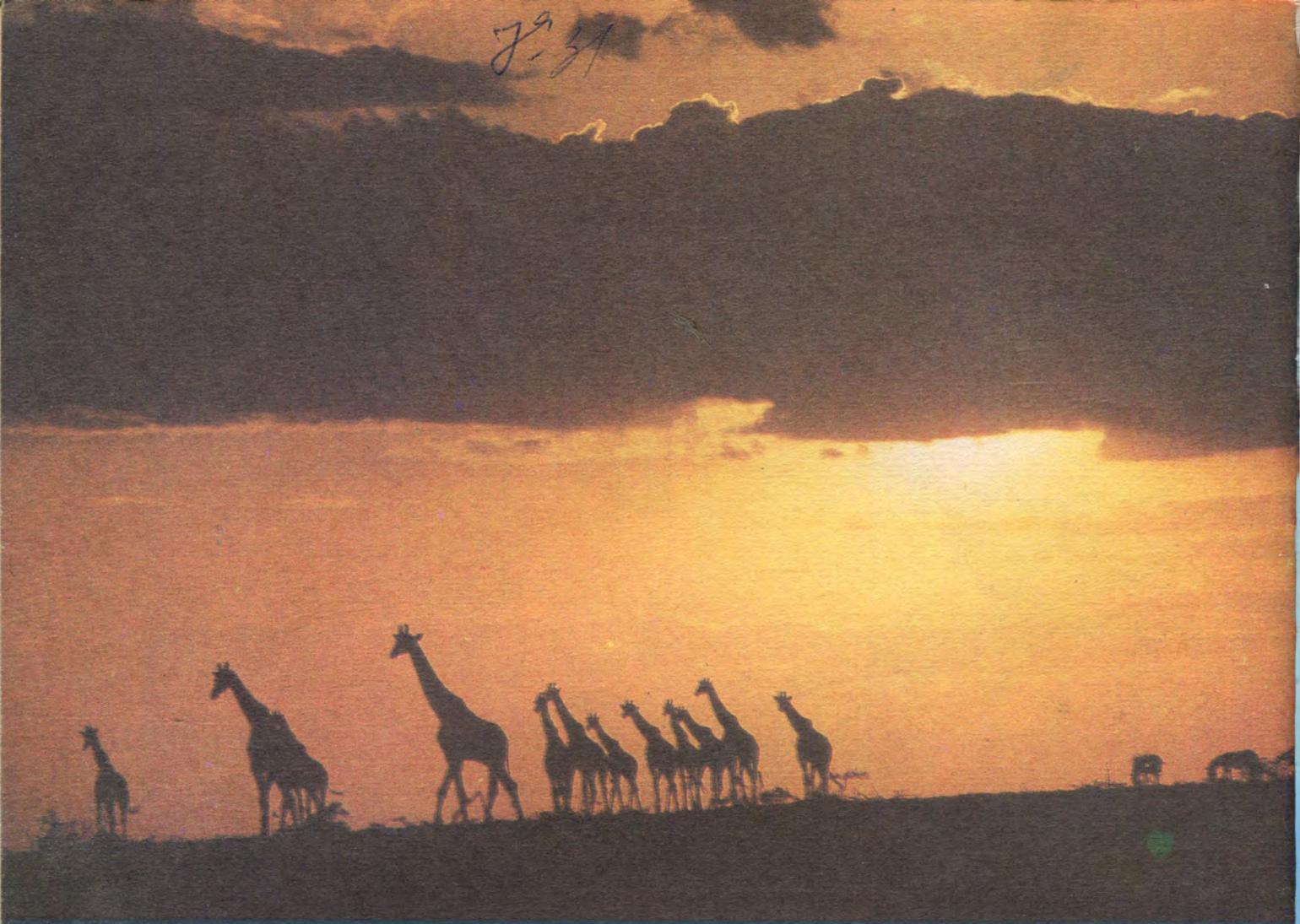
Оформление акций ТНК "Гермес - Союз"

производится по адресам:

г. Москва, ул. Каланчевская, 2 (у ст.
метро "Красные ворота");
ул. Б. Полянка, 22;
ул. Ефремова, 10;
Комсомольский просп., 24;
ВДНХ.

7-31

ТУРИСТИЧЕСКАЯ
КОМПАНИЯ

«РУССКИЙ
ЭКСПРЕСС»

Только у нас

КЕНИЯ

(дорого)

*Прикоснитесь
к раю на Земле...*

Тел.: 292-21-21
Факс: 292-72-55

